

50 МОДНО ДЫХАНИЕ ГЛУБЖЕ

ЛИНА МУР

18+

Annotation

Когда шагать уже некуда, а прошлый путь перечёркнут полностью и бесповоротно, то остаётся только дышать. И даже это делать безумно сложно, ведь воспоминания продолжают изъедать, как и жизнь, продолжаясь, преподносит неприятные подарки. У меня не осталось ничего, кроме боли. Именно этого чувства, излюбленного тем, кто опустил меня на колени и заставил испробовать вкус шампанского на своём теле. Некуда больше двигаться. И теперь мне предстоит вновь научиться дышать. Хотя бы дышать...

---

50 и одно дыхание глубже

Лина Мур

Когда теряешь желание двигаться дальше. Не представляешь, как жить и принять то, с чем тебе пришлось встретиться. Ты становишься сгустком боли. Она всегда находится внутри тебя, и это не позволяет даже дышать. Ты подарила каждый глоток кислорода человеку, который и есть эта боль. С разными оттенками и привкусами. Горькая, подобна настоящему шоколаду. И только в его руках таится освобождение. Но путь к нему слишком сложен, как и он сам. Тонуть и дышать — единственное, чего я хочу. Против боли. Против страхов. Против всех. Привыкла бороться за него. Теперь же и ему придётся привыкнуть бороться за нас.

Первый вдох

Тёмный кинозал «Cineplex Cinema» в Торонто, где проходила премьера фильма, который стал для многих поворотной точкой, буквально ещё недавно едва выдерживал поток зрителей, сейчас был практически пуст. Я и ещё несколько людей, пришедших каждый по своей причине. Даже мысли не нарушали хода событий на экране.

Я не помню, как оказалась здесь. Ноги, слабо передвигающиеся, сами пришли сюда, а руки купили билет. Я ведь просто гуляла, шла и шла себе, и как-то оказалась здесь. И теперь не понимала, зачем делать ещё больше, чтобы задохнуться от острых нитей железа, сковывающих сердце. И даже неменяющиеся картинки заставляют вскрывать раны. Смотрю и ничего не вижу. Муть перед глазами, а внутри тоска, печаль, горечь, боль. Я превратилась в комок боли. Даже прикосновения вызывают её. Слова. Всё, буквально всё возбуждает атмосферу боли, образовавшейся внутри меня и снаружи.

Одна, теперь я осталась одна на всём свете. Не представляю, как мне жить дальше. Можно не чувствовать ран, до сих пор, напоминающих о том, что произошло со мной. Можно не чувствовать холода, что поселился в груди. Но никогда не вырвать воспоминаний и не стереть мрака, наступившего в моей жизни. Нет больше возможности дышать...

***

Неделю назад...

— Миша, — ласковый голос Сары заставил меня едва заметно вздрогнуть и, приоткрыв глаза, посмотреть в окно, за которым была ночь. Мне сложно даже произнести что-то, внутри я буквально высушена слезами, что проливала все два дня после того, как видела его в последний раз.

У меня не было вариантов и ответов, не было ничего в груди, даже сердце казалось, затихло, пока я стояла на дороге избитая и сломленная любовью. Я не помню, как я оказалась у Сары, не помню, почему я приехала к ней. Ничего не было в моей памяти, словно пропала часть моей жизни. Меня насильно разбудили и рассказали, что меня привезла сюда машина, и помог мне дойти шофёр, как я отключилась от болевого шока. Тут был Грегори, который обработал все мои раны и вколол снотворное с обезболивающим. На следующий день он тоже появился, из-за него меня и вывели из спасительного сна, в котором была тишина и мрак. В полном молчании осматривал моё тело, так и лежащее на кровати животом вниз, даже что-то говорил. Ничего не слышала. А слёзы капали. Не переставая, капали из глаз, и мне не хотелось этого останавливать. Хотелось навсегда запомнить, как жестока бывает любовь, и как опасна она. Сколько боли и разрушенных судеб несёт она за собой, мрачным шлейфом гибели. Предательство того, кому верила, кого так отчаянно желала, должно было остаться во мне навечно. Только так я не дам себе в будущем совершить ошибку.

Только смутно помнила, как появился Марк, его крик и возмущения Амалии, сбивчивые объяснения Тейры и её слова о том, что отцу сделали операцию и всё хорошо. На лечение денег не хватало, но Марк что-то обещал сделать. Я ничего не могла запомнить, полностью отдавшись своей внутренней потере. Лежала. Плакала. Смотрела, как день

умирает и рождается ночь. Сара заставляла есть, но пища тут же, выходила обратно, помогала дойти до туалета и вновь лечь в постель. Я была отрезана от мира, так я себя ощущала.

— Миша, обезболивающее и воду, я оставила на тумбочке. Мне надо уехать в супермаркет и... — тяжело вздохнула подруга. Лишь слегка кивнув ей, снова закрыла глаза. Услышала, как закрылась дверь спальни, и скривилась от неприятного отголоска боли в теле, при попытке поднять руки и обнять подушку.

Сон стал для меня спасением. Не думать. Не чувствовать. Не жить. Да, я спряталась. Пряталась за своей болью, прикрывалась тем, что раны ещё кровоточили, и оттягивала время, когда придётся встретиться лицом к лицу со страхом. Узнать, как живёт он после меня. Узнать, что творится за пределами моего разума. Это до безумия страшило, как и самое опасное для меня, узнать — живёт, когда я потухла в ту ночь.

Неприятное жужжание где-то далеко резко проникло в моё сознание, вытесняя все мысли. Распахнула глаза и безынтересно наблюдала, как мой мобильный вибрирует, кружась по тумбочке. Не хотелось говорить ни с кем. Но всё же, рука зачем-то потянулась к телефону, и в глаза бросились тёмно-синие пятна на запястьях от ремней, сломанные ногти и трясущиеся пальцы.

Незнакомый номер, на который я смотрела прищуренными глазами, пытаюсь вспомнить этот набор цифр, вызвал двойное чувство: сбросить и ответить. Пришлось побороть страх, сделать глубокий вдох и нажать на зелёную кнопку, приложив телефон к уху.

— Да, — мой голос такой хриплый и забытый не вызывал удивления. Хотелось забыть и его.

— Мисс Пейн, вас беспокоят из госпиталя «Святого Михаила». Вас срочно вызывают сюда, — оповестил меня женский голос.

— Отец... что... что случилось? — С ужасом прошептала я, немного приподнявшись на локте, и закусила губу от боли, остро пронёсшейся по телу.

— Вам всё объяснят здесь, — раздались гудки, а я смотрела на телефон, моргая и пытаясь думать.

Бросила телефон на тумбочку и попыталась встать. Боже, как было больно. Каждый порез кожи горит огнём, как и мышцы внутри. Зажмурилась до слёз, и удалось подняться, но тут же схватилась за стену. Ноги дрожали, обещая буквально сломаться от веса тела, стопы покалывало тонкими иглами. Сглотнув сухость во рту, распахнула глаза и взяла бутылёк с таблетками, зубами оторвала крышку, выплёвывая её. Знала, что сил не хватило бы, иначе добратья до необходимого. Забросила в рот сразу три таблетки и запила водой.

Надо было найти, что надеть, ведь я обнажена. Так раны заживали быстрее, меня просто укрывали тонким покрывалом, но мне необходима моя одежда, которой здесь не было. Дошла до шкафа Сары и, держась за дверцы, копалась одной рукой, другой помогала себе не упасть, доставая трусики, футболку, спортивный костюм и носки. Одеться тоже стало проблемой, до крови кусала губы, только бы не застонать. Не покажу снова свою слабость. Хотя прошло всего пару дней, но я справлюсь. Я переживу это и выберусь из этого ада. Когда-нибудь выберусь.

Тошнило немного, и голова кружилась, когда шла обратно к постели и взяла мобильник. Нажала на вызов и смочила губы, слизывая с них кровь. Медленно развернувшись, направилась к выходу.

— Да. Мишель, — тут же ответил Марк.

— Мне позвонили из больницы. Я еду туда. Что случилось? — Прохрипела я, двигаясь по стенке.

— Не знаю. Отец сказал, что всё хорошо, он был у Тренора в обед, его должны были перевести из реанимации в обычную палату. Я сейчас же выезжаю. Будь у Сары и ни шагу без меня, — потребовал он и сбросил вызов.

— Спасибо, — прошептала я гудкам и опустилась на колени, чтобы найти хоть какую-то обувь. Благо размер у нас с подружкой различается всего на размер. Но я вытерплю и это.

О том, чтобы сесть на пуфик я даже не думала. И так ткань тёрлась о порезы и причиняла боль, поэтому пришлось натянуть кроссовки в полусогнутом состоянии. Вышла из квартиры и замерла, не помня, как двигаться, вообще. Идти, когда ты забыла, как это делается без поддержки. Мне она необходима, я не могла быть одна. Я не хотела этого. Мне больно от одиночества даже такого.

Но двигалась по стенке до лифта. Ждать Марка... я об этом не помнила. Вылетело из головы. Страх за отца, и проблемы, которые я отодвинула от себя — стояли на первом месте. Вдруг денег не хватило, и его просто выбросят на улицу, а я ведь так и не говорила с ним после операции. Только Тейра, Марк и его отец там были. Я им очень благодарна, как и сестре, изменившейся после той ночи. Она стала другой, ближе ко мне, но даже это не вызывало внутри ни единого отголоска любви и радости. У меня появилась сестра, которая всю жизнь была одинокой, как и я. Вина ли я её в случившемся? Не знаю. Наверное, да. А, может быть, уже простила. Не могла даже себе ответить на этот вопрос. Боялась думать.

— Мишель! С ума сошла? — Недалеко от меня просвистели шины. И через несколько минут, меня обхватили за талию мужские руки.

— Марк... что ты здесь делаешь? Я должна ехать, — ответила я, повернувшись к нему и непонимающе смотря в нахмуренное лицо парня.

— Что я здесь делаю? Да гнал, как полоумный всего лишь, чтобы тебя отвезти! Ты голая! Где твоя куртка? На улице мороз. Пошли. Ты должна была меня подождать, мои родители сразу отправились в больницу. Твоя мать не отвечает, — быстро говорил он, помогая мне дойти до машины. И это я приняла, не спрашивая больше о подробностях.

И даже сесть я не смогла в салон, только упереться коленями и обнять сиденье. На это Марк только стиснул зубы и захлопнул дверь так, что машина покачнулась. Говорить больше желания не было, пока мы ехали на высокой скорости к госпиталю.

Марк помог выбраться из машины и дойти до входа, там мы подошли к стойке регистрации, и я назвала своё имя. Женщина соединилась с кем-то по телефону и нас попросили пройти на третий этаж.

— Мишель.

Повернувшись и встретившись с четой Ллойдов и Амалией, я только пожала плечами, на их немой вопрос. Сердце билось беспокойно, а ноги даже не слушались, пока мы поднимались по лестнице, не желала я ждать лифта.

Мысль, которая поразила меня в одну секунду, заставила остановиться и посмотреть на Марка.

— Пошли, всё хорошо. Наверное, какие-то бумажные вопросы, — и видела, как наигранно улыбается, как его глаза выражают иное. Печаль. Она была везде, внутри меня, уже догадавшейся, зачем я здесь. Она была даже в лице миссис Ллойд и заслезившихся

глазах.

Но нам нужно всегда услышать это, чтобы убедиться. Наверное, это моя плохая черта — дойти до конца и узнать, как же больно может быть. Наверное, я никогда не научусь избегать таких ситуаций. Мазохистка в душе.

Марк открыл дверь и, поддерживая меня за талию, вошёл в кабинет к врачу, которого я видела в последний раз тут же, подписывая бумаги на операцию.

— Мисс Пейн, Ллойды, хорошо, что вы здесь. Присаживайтесь, — услужливо предложил врач.

— Мы постоем, — кивнул Марк, крепче обнимая меня за талию.

— Хорошо. Мы не смогли связаться с миссис Пейн, поэтому нам пришлось вызвать сюда вас, мисс Пейн. У нас для вас плохие новости. Примите наши соболезнования, ваш отец скончался три часа назад от тромба...

— Что? — Переспросила я, перебив его.

— Мы знали, что у него есть такая вероятность, поэтому вкалывали ему препараты, разжижающие кровь. Но это не помогло. Он умер быстро и никто бы не мог ему помочь. Тромб оторвался и закупорил сосуды.

Слова сказаны. Те слова, что боялась услышать. То, о чём даже не думала.

— Папа, — прошептала я, не веря этому.

Знала, интуитивно знала, что это и была причина, по которой я здесь. Знала! Но не сдержать крика от боли, что разорвала и так обескровленное сердце внутри. Поверить было сложно, только знать. Скатиться на пол и даже боли не чувствовать физической, только плакать, сотрясать своё тело от потери.

Я его любила, любила всегда, и было плевать, что он сделал. Он был моим папой, он был для меня лучшим папой на свете. Я боролась за него, только я и боролась, а оказалось, что напрасно.

Мне было разрешено его увидеть в морге, куда его спустили. Увидеть это белое лицо и теперь действительно принять, что умер. Никогда не услышу его, и не откроет глаза. Не накричит, не похвалит и не погладит по голове. Моменты из нашей жизни пролетали перед глазами, пока целовала его. А никого не было рядом, кроме меня. Он был один в тот момент, и не знал, что я любила его, как могла. Не было матери, не было Тейры. Только я держала его за ледяную руку и просила прощения за своё поведение, за своё неведение. Проститься не могла, пока меня не оторвали от него руки Марка и Адама. А я кричала, била их, и не было желания уходить, сказать прощай ему, было невозможно. Но силы были неравны и меня вытащили оттуда, вкололи успокоительное, и наступила ночь.

Передо мной проходило множество лиц, выражающих соболезнования, а я стояла через сутки утром на кладбище. Слезы закончились, и каждое прикосновение ко мне вызывало отвращение. Я перестала чувствовать, в тот момент я вспомнила о нём, о Николасе. Первый раз в своих мыслях я позволила себе назвать его имя. А его не было. Знала, что это глупо и неправдоподобно, но ждала. Ждала до последнего. Когда слушала слова прощания пастора, когда шла по проходу одна, когда обняла меня Сара, не дав упасть, когда бросала землю на гроб, когда осталась, чтобы хоть что-то сказать, но слов не нашла, кроме единственного: «Спасибо». Смотрела в пустоту и так ждала увидеть тёмную фигуру где-нибудь поодаль и знать, что пришёл, что не очерствел полностью, что хоть что-то помнил. Ничего.

А потом вереница лиц на обеде, где я слышала о том, как называли меня

бесчувственной, не пролившей ни капли слёз. Как смеялись над мамой, надевшей цветной наряд, вместо чёрного. Как жалели отца, что ему достались мы. Как обсуждали Николаса и то, кем он был, а я использовала его. Перемывали косточки тихо, а в лицо скорбели. И я не вытерпела, кричала, кричала на всех, обзывала каждого, открывала их лица. Меня пытались успокоить, но меня прорвало. Мать боялась моей истерики, и заполонила мой разум злость. Я ударила мать, сказав ей, что больше той грязи, что соединяла нас — нет. И винила, винила только себя.

Я не желала ни с кем больше говорить, даже с Марком, даже с подругами. Мне было нечего сказать, я погибла. Внутри настало так темно, что мне было не выбраться на свет. Я потеряла всё, что любила в этой жизни. У меня не было целей, думать об учёбе я не могла. Всё казалось бессмысленным. Не слышала ничего, не видела никого. Лежала снова в постели в квартире Сары и не хотела ничего. Ждала, что вот сейчас откроется дверь и придёт он. Услышит, как мне плохо и утешит. Я ждала именно его поддержки. Я так надеялась, но мои мечты остались только мечтами. Не простила его, возненавидела даже. И образовалась внутри меня дыра, наполненная пустотой.

Правду говорят, беда не приходит одна, она если вошла в твою жизнь, то не оставит тебя в покое, пока не добьёт полностью. И ворвалась она ко мне вновь наутро, когда я ждала. Восемь утра и звонок, требующий моего присутствия у адвоката, который вёл дела моего отца. Он оставил завещание, где были указаны мы все. И мне не было стыдно приехать туда и посмотреть на мать, обиженную на меня с синим пятном на лице, тщательно замазанным тональной основой. Я ненавидела её, ненавидела за всё, я пыталась переложить на неё часть своей вины. А Тейра была молчалива и постоянно плакала, когда мои слёзы иссякли. Я не чувствовала больше семьи, у меня её и не было. Только папа пытался собрать нас всех, а уже и его нет.

— Итак, приступим сразу к делу, — произнёс мужчина, когда мы трое сели напротив него через стол.

— Мистер Пейн хотел изменить завещание, но не успел. Поэтому дом в Оттаве он оставил своей жене, как и «Мерседес»...

— А деньги? Счета и наша квартира? — Перебила его мать.

— Подождите, миссис Пейн. Не всё сразу, — усмехнулся адвокат, бросая на мать оценивающий взгляд, от которого меня передёрнуло. — Две квартиры в Торонто оставлены его дочери, Мишель Пейн. Лимузин, «Ауди» и «Мерседес» вашего отца тоже оставлены вам. Счета обнулены, денег фактических нет, только акции в компании, которая сейчас обанкротилась. Они тоже принадлежат Мишель Пейн. Опекунство над ней и её сестрой передаётся — Адаму Ллойд, его согласие так же имеется.

— Что? У него было две квартиры? Я хочу подать апелляцию! — Взвизгнула мама.

— Апелляция проигрышный вариант, миссис Пейн.

— Он лишил меня всего! Он не оставил мне денег! Он даже опекунство у меня отобрал! На что я имею право? — Кричала мама, а мне ничего не было нужно, кроме, как исчезнуть и не слышать того, что её волнуют большие цифры, чем смерть мужа, с которым она прожила больше девятнадцати лет.

— На дом в Оттаве, на украшения, на одежду. Всё остальное принадлежит мисс Пейн, а пока ей не исполнится двадцать один год всё это под руководством Адама Ллойда. Вам нужно смириться с этим, миссис Пейн, потому что если вы подадите в суд, то мне придётся обнародовать компрометирующие файлы, что оставил ваш покойный муж. Он

предвидел такой исход. Они заинтересуют судьбу и докажут, что вы не можете заботиться о девочках. На этом у меня всё, вам следует подписать документы о соглашении и принятии вашей доли наследства.

— Нет! Я не собираюсь это подписывать! Это всё должно быть моим! Это...

— Заткнись, — процедила я и, встав, повернулась к матери, шарахнувшейся от меня. Тейра подскочила и схватила меня за локоть. — Закрой свой рот. Теперь я имею право выбросить тебя на улицу, когда пожелаю. Ты ни черта не сделала в своей жизни, чтобы облегчить участь отца. Поэтому закрой рот и подписывай. Я ненавижу тебя с каждой минутой сильнее, но во мне есть кровь моего отца и это даёт тебе возможность жить в квартире, пока я не решу, что делать. Денег нет, ничего нет у нас, даже на обучение Тейры у нас нет средств. И если ты хочешь продолжать вести свой божественный образ жизни, то подписывай, и я подумаю.

— Где мне подписаться? — Спросив, сбросила руку сестры и обернулась к адвокату, тут же предоставившего бумаги. Оставив свою подпись, я взяла в руки пальто, и мне хотелось снова закричать на мать, ведь она начала игру безутешной вдовы, всхлипывала и причитала.

— Я с тобой, Миша. Можно я пойду с тобой? — Тихий голос Тейры оборвал мою злость, и я перевела на неё взгляд. Смотря на её юное бледное лицо и красные глаза, внутри меня что-то шевельнулось. Разве была она виновата, что жизнь наша превратилась в ком грязи и ненависти. Нет, у неё не было никого, как и у меня. Только вот я, в отличие от неё, знала, как больно поворачивается к тебе жизнь. И у меня была возможность хотя бы её уберечь от этого.

Кивнув ей, я протянула руку, за которую она схватилась, как маленькая девочка. И воспоминания нашего детства снова появились перед глазами. Не было между нами пропасти, когда мы были в том времени. Не было этих разногласий. Был папа.

— Ты потеряла всё, даже дочерей, мама. Теперь ты свободна от обязательств и от нас. Живи, как знаешь, — произнесла я и, крепче взяв сестру за руку, вывела из кабинета, направляясь к выходу из здания.

— И что мы теперь будем делать? — Спросила она, когда мы поймали такси.

— Я не знаю, не знаю, правда. Надо для начала поговорить с Адамом, а там понять, что мы можем продать, — потерев лоб, ответила я.

— Хорошо... хорошо. Прости меня, Миша. Прости... я...я люблю тебя... только недавно поняла... прости, — прошептала она и вновь заплакала. Обняла я её и поцеловала в волосы, и ни одна эмоция не нашла своего отголоска в сердце. Пустота.

В тишине мы добрались до дома, где располагалась квартира Ллойдов, и было ощущение, что меня там ждали. Все были в сборе, и теперь мне пришлось решать, как быть дальше. Мистер Ллойд чётко разъяснил мне всё, как и пообещал, что будет финансово поддерживать нас, но такого расклада я не приняла. Я не хотела быть больше ни от кого зависимой, я хотела наконец-то увидеть, кто я такая и что я могу сделать для собственного обеспечения. Поэтому мы решили, что пентхаус выставим на торги, Тейра будет жить с Ллойдями, а я сама после продажи квартиры и лимузина буду распределять денежные средства, с помощью Адама. Марк пытался предложить переехать к нему, от чего я отказалась. У меня осталась квартира отца, о которой никто не знал. И я приняла решение переехать туда, после получения документов на собственность и ключей. На это нужно было время, которого у меня было достаточно.

Свет включается в зале, и я распахиваю глаза, выныривая из воспоминаний. Мне некуда идти из кинотеатра. У меня в голове нет ни единой мысли о том, что же ждёт меня впереди. Остаётся только вспомнить, как дышать, потому что даже это делать сейчас тяжело. Отца я похоронила и даже сейчас ещё не смирилась с его смертью. Николас Холд стал самым обсуждаемым человеком в стране, везде я слышу его имя, и это причиняет боль. Он не только избил моё тело, он не только предал меня, но и разрушил мою жизнь. Полностью. И не было обратного пути. Шагать мне некуда и нет причин это делать. Топтаться на одном месте и дышать, чтобы продолжать существовать, как тень в этом мире.

Второй вдох

Жизнь порой представляет собой небо. Бесконечное и долгое. Звёзды совсем не звёзды, а точечные болезненные напоминания твоих ошибок, как зарубки на этом чистом небосводе, изрезанные проблемами, и они давят на тебя. Невозможно увидеть полностью масштаб этого всего, но ты ощущаешь, насколько ты ничтожна перед ним и слаба. Слишком велико это небо, а ты обессилена. Буквально выжата, и нет в тебе даже желания поднять голову и увидеть красоту. Её больше нет, для тебя нет, потому что теперь всё стало тёмным.

Вот примерно так я чувствую себя, стоя напротив квартиры, расположенной в даунтаун¹ и недалеко от бизнес-центра. Ключи в руке обжигают кожу своей холодностью и тяжестью. Шумно вздохнув, подхожу к двери и попадаю ключом в замочную скважину. Два щелчка и дверь открывается, впуская меня в тёмное пространство. Спёртый запах и едва уловимый аромат одеколона отца ударяют в нос. Задерживаю дыхание, входя в квартиру, и ищу рукой выключатель — небольшую кнопочку на стене. Нажимаю, и пространство озаряется светом. Небольшой коридор в бело-серых тонах, с высокой тумбочкой, где лежат какие-то брошюры в пыли. Минимальное количество мебели: зеркало, шкафчик для обуви, крючки для одежды, небольшой пуфик. Сбоку — распахнутая дверь в ванную комнату, а впереди — стеклянное ограждение, разделяющее коридор и то, что после, к которому иду я. Открыв две матовые раздвижные двери, вижу большую кровать в стиле модерн, разобранную и смятую, большое окно до пола, гардеробный шкаф, тумбочки. Выхожу оттуда жмурясь. Он жил здесь, точно жил, ночевал или же... не могу принять, что был кто-то ещё у него.

Сглатываю неприятную горечь во рту, и прохожу по коридору, оказываясь в гостиной. Включаю свет, оказывается, что здесь он не только жил, но и работал. Сбоку от углового дивана рядом со стеклянными дверьми стоит стол с компьютером, бумаги, разбросаны по полу. Слева кухонная зона и обеденный стол, на стене висит телевизор. За тёмными шторами балкон с креслами.

Поворачиваю голову и нахожу взглядом его очки, лежащие на журнальном столике, которые папа надевал, когда читал газеты и работал. И словно сейчас войдёт, спросит меня, что я здесь забыла. Накричит и будет бушевать из-за моего появления. А я начну оправдываться и обниму его. Но так и стою одна, осматривая квартиру, в которой он скрывался от нас. От всех нас, тех, что так и не стали для него родными. У него не было дома, только это место, куда он приходил, чтобы побыть одному. И даже чувствую, насколько его дух здесь силён, закрываю глаза и улыбаюсь этому. Страшно понимать, что больше некому сказать: «*papa*». Никогда не произнести этого более, и так больно внутри.

Места здесь хватит только мне, а вот Тейру придётся оставить с Ллойдами. Я не готова, не в силах заботиться о сестре, когда не знаю, что мне делать дальше. Крики матери стали обычным делом за три дня, пока я собирала вещи свои и Тейры. Коробки отправляла к Ллойдам, как и личные вещи отца отдала на благотворительность, оставив себе только его обручальное кольцо и наши фотографии. Бороться со мной матери было бесполезно, я выселила её, указала на дверь, как и Лидии. Но вот последнюю я отпустить не смогла, Адам предложил ей место у них. Хоть так я помогла близкому человеку. Мы выставили на торги пентхаус этим утром, как и лимузин. Машину отца я оставила себе, потому что моя после аварии была негодна. Оставалось только ждать, неизвестно сколько, когда купят наше место жительства. Ведь в моём кошельке осталось всего пару сотен, и вряд ли этого хватит даже на

неделю. Я просто стояла сейчас у разбитой жизни, валяющейся под ногами. Такая же, потрескавшаяся и без желания возрождаться.

Хочется только жалеть себя, утонуть в этом и не выбираться. Но даже на жалость нет сил, от меня зависит теперь жизнь сестры. Её надо было обеспечить, ей надеяться было не на кого, кроме меня. Мать должна была уехать сегодня в Оттаву, но я уверена, что так просто она не сдастся. Она жаждет денег, что будут с продажи квартиры. Она не думает о нас, и я бы никогда в жизни не подумала, что всё будет именно так. Ведь горе должно сплотить близких, а оно разломило нас. Оно превратило нас в животных, борющихся за бумажки.

Сбросив пальто и повесив его на крючок в коридоре, я заставляю себя привыкнуть к тому, что теперь здесь буду жить. Это моё место, где я буду прятаться ото всех. Войдя в спальню, я распахиваю шкаф, и дыхание сбивается. Мужские костюмы, женские платья, нижнее бельё, разбросанное по полкам, словно его впопыхах собирали, как и майки, джинсы, буквально вперемешку заполняют просторное пространство.

— О, боже, — шепчу я, жмурясь и закрывая рот рукой. Он жил здесь не один, а с ней. С той, кто подвела его к черте. Но где она и кто она была? Может быть, они любили друг друга? В праве ли я осуждать отца за любовницу и его другую жизнь? Нет. Если его последние дни были счастливыми, неважно с кем, то я смирюсь с этим.

Сгребаю всю одежду и сбрасываю на пол, подхожу к постели и снимаю простынь, бросая её на пол, туда складываю всю одежду. Теперь отца нет, как и его любовницы. Надо принять это и забыть, простить его, хотя укол ревности слабо пронзает сердце. И если бы мама любила его, то всё было бы иначе. Неужели? Имеет ли силу любовь? Ни черта. Я любила, но мне это не помогло.

— Не знаю. Не знаю я, — бормочу, разговаривая сама с собой, тащу за собой завёрнутую одежду к двери.

Что ж, пришло время начать новую жизнь, другую и самостоятельную.

***

— Мишель, последняя коробка, — кричит из прихожей Марк, пока я отмываю кухню от пыли и грязи, как и всю квартиру последние пару часов.

— Спасибо, оставь их в спальне, — отвечаю, смывая средство для мытья с рук, и выбрасываю губку в мусорное ведро. Вроде всё. Хоть так я выплеснула своё раздражение, и теперь квартира блестела от чистоты. Я отмыла запах духа, что был тут. Отца и её. Стало ли легче? Не знаю. Но заставляю себя поверить в это. Хотя бы в это.

— И всё же, я ещё раз предлагаю жить со мной, — говорит Марк, оказываясь позади меня.

— Спасибо, но у меня есть где жить. И завтра я снова отправлюсь на поиски работы, — вздыхая, поворачиваюсь к нему.

— Тогда хотя бы на поход в супермаркет я настаиваю, — указав на открытый и пустой холодильник, говорит он.

— У меня есть деньги, Марк, я...

— Да ни черта у тебя нет, Мишель. Ты на мели, Тейра рассказала, что ты ей отдала сто баксов, и у тебя осталось не больше пятидесяти. Поэтому обманывать себя можешь сколько угодно, но не меня, — перебивает меня.

А я могу только вздохнуть, даже нет сил и желания злиться на сестру.

— Я найду работу, — заверяю его.

— Сегодня нашла? А вчера? — Приподнимает брови и показывает головой мне идти за ним.

— Нет. Мне отказали. Я была в нескольких местах. Они... у меня нет опыта, а те, что готовы взять меня, не устраивают своими условиями. Незаконная подработка в баре... но я найду. Торонто большой город...

— Ты убеждаешь меня или себя, Мишель? — Марк помогает мне надеть пальто.

— Себя, наверное. Я не приспособлена ни к чему, понимаешь? Это так угнетает меня. Я хочу, очень хочу работать. Но и закончить обучение я должна. А меня обещают отчислить за прогулы. И их не волнует, по какой причине я отсутствовала. Впереди зачёты, а у меня всего две сданные работы и везде минусы. Папа хотел, чтобы я получила образование, и я получу его, чего бы мне это ни стоило. Но и жить как-то надо. Не знаю, Марк, если честно, я сейчас в панике, — быстро говорю, пока мы идём к лифту и входим в него.

— Мишель, у тебя есть я, моя семья. Почему бы тебе не взять деньги, которые предлагаю я или мой отец? Он ведь теперь твой опекун и обязан заботиться о тебе, как о родной дочери? — Искренне удивляется он.

— Потому что это не моё, — поджимаю губы и нажимаю на кнопку первого этажа.

— Никто не заставляет тебя искать работу. Ты сама этого хочешь. Хотя бы сейчас стань слабой, Мишель. Ты права, тебя растили в благоприятных условиях, как меня и Ами. Но я мужчина, и я окончил университет, а ты нет, как и моя сестра. И, в первую очередь, ты должна думать о своём здоровье, потому что выглядишь не очень, — пропускает меня вперёд, и мы выходим из лифта.

— Этого и ждут от меня, Марк! Они ждут, что я сдамся и опущу руки! Нет! Мне ничего не нужно! — Возмущаясь, застёгиваю пуговицы на пальто.

— Кто ждёт? Кому и что ты доказываешь? Мы все понимаем, что ты потеряла отца, ты переживаешь банкротство, и это называется забота. Никто не ждёт от тебя сейчас ничего. Ты и так хорошо держишься. И ты нуждаешься в еде, Мишель! Не будь дурой! Хватит издеваться над собой, этим ты не воскресишь отца, как и не вернёшь время назад. Я понимаю, что ты так скорбишь. Но ты о себе забыла! Да ещё и с этим уродом связалась...

— Не будем об этом, — резко обрывая его, сажусь в машину складываю руки на груди. Чувствую себя маленькой, а он отчитывает меня, словно напроказничала. Но никто не может понять того, что я сейчас ощущаю внутри. Я сломала себя полностью и теперь надо восстанавливаться, а уверенности в необходимости этого нет. Да, прав, во всём прав, но чёрт возьми, я должна сама! Я должна доказать самой себе, что могу. Могу справиться со всем, что мне уготовано жизнью. Иначе я ничем не отличаюсь от матери! Не желаю быть похожей на неё! Я другая и докажу это.

— А когда будем? Времени прошло уже достаточно. Ты не разрешила мне подать заявление. Не разрешила даже снять твои побои. Это должно сойти ему с рук? Не так ли, Мишель? Это физическое насилие, которое ты простила! Физическое, мать его, насилие! Да ещё такое жестокое! Ты боишься так сильно его? — Кричит Марк, ударяя ладонями по рулю и дёргая машину, с визгом отъезжая от дома.

— Марк, пожалуйста, я... я не готова об этом говорить. Это я хочу оставить в прошлом. Я сама была на это согласна, — выдавливаю из себя, теребя кромку пальто.

— Тебе нравилось это? Этот мир боли? Ты же говорила... врал, да? Опасность

манила? — Уже тише спрашивает меня.

Открываю рот и не знаю, что ответить. Глаза моментально слезятся, а воспоминания наслаждения проносятся в голове. И всё оканчивается на боли, что до сих пор внутри меня. Мотаю головой, пытаюсь вытрясти из себя эти мысли, всё, что сейчас медленно просыпается в моём разуме.

— Пожалуйста... это был его мир, в который я хотела шагнуть. А сейчас... сейчас... прошу, Марк, я не могу говорить об этом. Не могу вспоминать, потому что разрывает это меня снова и снова. Каждый час, каждую минуту я думаю о нём. Я не включаю телевизор, стараюсь не смотреть на витрины, потому что он везде. А я...я одна... одна в том месте, куда пошла за ним и осталась там, это нельзя объяснить... я не хочу... просто забыть. Забыть всё, что было в прошлом. Я... — сжимаю губы, глотая ком из слёз внутри. Отворачиваюсь к окну, стирая быстро пальцами слёзы.

— Прости. Прости, слышишь? — Марк находит мою руку, сжимая её, и маневрируя на дороге другой. Вздрагиваю от прикосновения, внутри меня поднимается паника от этого.

— Прости меня, просто я как увидел... не передать словами. Я был взбешён, ещё один мудака сломал жизнь той, кто стал для меня ближе. Понимаешь? Ами... а теперь ты... да почему же вы все выбираете не тех? Но хорошо, — выпускает мою руку прежде, чем я вырываю её, криво бросая машину перед супермаркетом.

— Послушай, — обхватывает мои плечи, поворачивая к себе.

— Не трогай... не трогай меня, — шепчу я, передёргивая плечами и упираясь спиной в дверцу машины.

— Мишель, я не причиню тебе боли...

— Знаю, но мне больно. Любое прикосновение, любое слово о прошлом всё внутри меня отзывается страхом и болью. Слишком остро, — быстро произношу я.

— Хорошо, я понял. Мы забудем об этом, идёт? — Киваю на его слова. — А сейчас мы будем продолжать жить, и я куплю тебе продукты, потом мы зайдём и поужинаем где-нибудь. Как друзья и не более. Я твой друг, Мишель.

— Я сама...

— О, да прекрати. Сама ты подохнешь, — фыркает он, распахивая дверь машины, и выскакивает из неё.

Закрываю на секунду глаза, чтобы унять чувства, что уже полыхнули огнём внутри. Отодвинуть от себя воспоминания и его лицо, что вижу каждую ночь. Я не готова к разговорам, и даже думать о нём не могу.

Марк открывает дверцу машины, и я выхожу из неё, плетусь за ним, таким активным и наиграно весёлым в супермаркет. И мне откровенно всё равно, что я буду есть, даже не помню, когда я это делала в последний раз. Утром вроде бы пила чай и крекер. Но из-за сильной тошноты и головокружения, не смогла больше есть. На это ушло восемь баксов. Мне нужна была работа. А быть проституткой в баре ни за что не соглашусь. Днём тоже работать не могу, должна наверстать учёбу. На бюджет идти мне не вариант, слишком низкий балл. Остаётся надеяться только на какую-нибудь подработку, вроде раздачи листовок или ещё чего-то в таком духе.

— Вот думаю, этого на первое время хватит, — радостно говорит Марк, толкая впереди себя тележку, до верха нагруженную пакетами.

— Я не умею готовить, — зачем-то говорю я, и вновь воспоминания своей никчёмности появляются в голове. Когда-то я это произносила уже... с ним.

— Знаю, не подумай, я предполагал такое, ну и Лидия очень переживает за тебя. Поэтому тут только быстро готовящиеся продукты. На двадцать минут в духовку и всё готово, — быстро говорит он, погружая всё в машину.

— Спасибо, — шепчу я, и хочу улыбнуться, но не получается. Это унижительно, для меня очень унижительно, что я вот такая. Но я буду учиться, как только оплачу интернет в квартире. Начну смотреть кулинарные программы и научусь сама о себе заботиться.

— Не за что. А теперь ужинать, я сегодня не успел пообедать, работы куча, — продолжает Марк, открывая мне дверцу машины.

— Может быть, не надо? Ты вон, сколько накупил и мы...

— Да заткнись уже. Ты отравишь меня быстрее, а я жить хочу. Поэтому доверюсь пока ресторанам, — смеётся он. А вот мне не до веселья, только мрачное состояние внутри.

— И правильно сделаешь, — бурчу я себе под нос, пока Марк обегает машину и ободряюще улыбается мне, заводя мотор и отъезжая от супермаркета.

— Куда хочешь? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне.

— Марк, прости, но я не лучшая компания сейчас. Мне надо разобрать коробки, хотя бы немного подготовиться к завтрашнему дню, просмотреть объявления, которые распечатала в интернет-кафе. Я очень благодарна тебе...

— Мишель, ты едешь со мной ужинать. Это не обсуждается. Коробки помогут тебе подруги разобрать, как и Тейра. На что-то они должны быть пригодны. Ты не одна, понимаешь? Не надо отстраняться ото всех. Ты сама хочешь этого, не поддавайся. И завтра ты никуда не пойдёшь искать работу, ты идёшь учиться. А потом домой — есть и спать. Да ты скелет, Мишель. Гримишь костями и, вообще, я...

— Ты считаешь, мне так легко забыть то, что мой отец мёртв? Ты думаешь, что я хочу жить так? — Повышаю голос, задыхаясь от гнева на его весёлость и такой расклад.

— Эй...

— Ты считаешь, что я корчу из себя невинную мученицу, потому что хочу? Да я разорвать себя хочу, только бы не было так больно! Мне ничего не надо! Не надо! — Уже плачу, продолжая кричать, и горло дерёт от этого. Марк останавливается, пока я набираю в лёгкие больше кислорода.

— Я просто хочу обратно... туда... где был мой папа... где я была девочкой... где я не встретила его... мне больно... так больно... — кажется, что внутри жизненно необходимый сосуд взрывается, и прорывает часть чувств, что прятались во мне. Прорывает скорбь, нежелание принять этого, обречённость, и я плачу, плачу так, как должна была плакать на похоронах.

— Мишель... — шепчет Марк, только потянулся ко мне рукой, но тут же одёргивает её. А я смотрю в его глаза, такие понимающие, знакомые и чужие одновременно. Я смотрю в его глаза и вижу жалость. Это бьёт сильно. До чувства стыда за своё поведение. И я кусаю губу, проглатывая слёзы, дышу, только бы вернуть себе то состояние, когда не чувствовала.

Рваные вздохи и закрываю глаза, всхлипывая и вытирая руками глаза и нос.

— Я понимаю, правда. И хоть говорю об ином, но я понимаю, как тебе плохо сейчас. Я хочу помочь, а не знаю как. Я первый раз в такой ситуации. Прости, если мои слова так сильно задела тебя... Мишель, я не желал обидеть тебя или оскорбить. Просто хотел донести до тебя, что ты не одна. И сейчас ты имеешь полное право быть слабой, для этого и нужны друзья. Они с тобой не только, когда весело. Они с тобой, когда ты тонешь. Так позволь нам протянуть тебе руку, а ты разреши себе схватиться за неё. Детка, ты сведёшь себя в могилу,

продолжая так жить. Тебе не нужно доказывать никому свою состоятельность сейчас. Сначала переживи это, а потом... потом и будем бороться. Наберись сил. Хорошо? — Его мягкий и ласковый голос, тихий и наполненный нежностью достигает меня. Киваю, и он улыбается.

— Вот и молодец. Потихоньку, будем вытаскивать тебя потихоньку. Для начала ужин, ещё десять минут и мы будем на месте, — медленно продолжает он. Снова киваю, ощущая, как начинаю спокойнее дышать. И кажется, что на этот крик и слёзы отдала буквально все силы. Тело стало тяжёлым.

Я не знаю, отчего так яростно защищаю, это право доказать. Не знаю... но оно необходимо мне. Хотя бы поверить в себя, потому что сейчас никакой веры не осталось.

— Ну вот мы и на месте, — оповещает Марк и быстро выходит из машины, открывая мне дверь, и только было хочет помочь выйти, но тут же, прячет руку улыбаясь. Глубоко вздыхаю и выползаю из машины. Перед нами неприглядный ресторанчик, и я рада, что хотя бы это недорогое место. Марк пропускает меня вперёд, открывая дверь, и мы входим в шумное пространство, наполненное людьми, бурно обсуждающими прошедший день.

Здесь не дождаться официанта, да и никто тебя не проведёт к месту. Всё сами. Мы находим столик в углу и Марк оставляет меня одну, уходя к барной стойке, чтобы сделать заказ. Я бывала в таких местах с Люком, но сейчас мне было тут некомфортно. Нет, не потому, что это обычное место, а не высшего класса. Мне неприятно оставаться одной, словно загнанный зверёк, я смотрю на парней, шумно спорящих над чем-то, на других людей. И понимаю, что потеряла часть себя.

Марк возвращается с бутылкой воды и двумя бокалами, предлагая мне снять пальто.

— Нет, мне так тепло, — мотаю головой. Он и это принимает, сбрасывая своё и оставаясь в чёрном элегантном костюме.

Разливает воду по стаканам и ставит напротив меня. Смотрю на него и не могу понять, что со мной не так. Он такой добрый, отзывчивый, лояльный, пытается помочь мне и поддержать. А я действительно отдаляюсь, не желаю принимать этого.

Его мобильный звонит в кармане брюк, и он извиняется, как настоящий джентльмен, отвечая на звонок. Вздыхаю и опускаю голову, даже не прислушиваясь к его разговору. Мне бы сейчас оказаться одной, без этого всего и понять, как мне двигаться дальше.

— Хорошо. Спасибо, я твой должник. Да-да, пиво с меня, — смеётся Марк и откладывает телефон.

— Наш заказ уже готов, — говорит он, подскакивая, с места и ловко огибает людей, бродящих туда-сюда. Возвращается так же быстро, неся с собой две тарелки. Ставит передо мной обычный для такого места ужин: картофель фри, стейк и свежий салат. Порция огромная и я только открываю рот, чтобы сказать об этом, он поднимает руку, останавливая меня.

— Итак, а теперь ты поешь. И у меня есть предложение, — говорит он, пододвигая ко мне приборы.

— Один парень с работы когда-то говорил мне, что у него есть дядя, а у него своя фотостудия. Так вот я поговорил с ним и попросил узнать, есть ли возможность подработать у его дяди. Сейчас он позвонил мне и сказал, что ему требуется помощник. График ненормированный, сумму я не уточнял, но ты сможешь совмещать работу, учёбу и то, что тебе нравится. Фотографировать. Собеседование в понедельник, сейчас он снимает свадьбу. Тем более ему требуется помощь, сезон грядёт. И за это ты поешь, идёт? — Торопливо

произносит он.

— Марк, — шепчу я, а в глазах скапливаются слёзы от доброты, помощи и его участия в моих проблемах.

— Мне не нужна благодарность, только чтобы ты поела. Я сам отвезу тебя в понедельник после занятий к нему, адрес есть у меня. И мы там обговорим твою работу. Уверен, что, когда он увидит твои фотографии, возьмёт тебя, — и столько силы в его карих глазах, они так блестят от триумфа своей затеи, отчего я только киваю.

— Спасибо, — тихо отвечаю и беру в руки приборы.

— Но мне ещё кое-что от тебя нужно, — говорит он, пробуя свою порцию.

— Что? — Спрашивая, накалываю лист салата и подношу ко рту.

— Моя мама не может успокоиться из-за того, что я один...

— О нет, Марк, с меня хватит фальшивых отношений, — мотаю головой, пережёвывая пищу.

— Нет, подожди. Я никого обманывать больше не хочу. Отца пригласили на открытие какой-то выставки или благотворительный аукцион. Не помню. Тейра пойдёт. Ну, я и подумал, может быть, и ты составишь мне компанию? Как подруга?

Повисает тишина за нашим столиком. Я обескуражена такой просьбой, да и блеск глаз ожидания Марка смущает меня.

— Я...

— Не давай свой ответ сейчас. Понимаю, что тебе сложно. Но всё же, подумай. Будем только мы, наша семья и вы с Тейрой. Там не будет папарацци, это закрытое мероприятие для своих. Как обычно устраивают такие сборища. Оно пройдёт в субботу, у тебя есть пару дней, чтобы решиться, — перебивает он меня.

— Марк, я не могу. Прости, — перевожу взгляд на его чёрный галстук, откладывая вилку.

— Когда-нибудь тебе придётся выйти в люди, Мишель. Ты не сможешь прятаться вечно. Тем более что я уверен — этого уroda там не будет. И я буду рядом, немного развеемся. Если ты решишь, что действительно для тебя это сложно, то мы уйдём. Обещаю тебе. Но подумай, ладно? Просто подумай о том, чтобы показать этому обществу, из какого теста ты сделана. И что это тесто не рассыпется, а только станет прочнее от того, что было. Ты ведь Мишель Пейн, а она очень упрямая, насколько я знаю, и всегда гордо идёт, даже если больно. Дай себе возможность жить дальше, детка. Разреши себе это, не загоняй в капкан, из которого не вырвешься. Открой новую жизнь и покажи всем, что не боишься. Никого не боишься, особенно себя. Даже если это и не так.

Поднимаю голову, встречаясь с его взглядом, и не могу ничего сказать. И хочется быть такой, какой видит он меня. Но... не хочу. Мне комфортно сейчас в своей боли, и, наверное, я действительно не хочу отпускать её. Возможно, до сих пор на что-то надеюсь, хватаясь за воспоминания и убивая себя внутри. Когда-то надо положить конец этому и забыть.

Закрываю на секунду глаза, делая глубокий вдох, и распаиваю их.

— Хорошо. Я пойду с тобой, как благодарность за всё, что ты сделал для меня, — произношу я.

— Большого мне и не надо. А теперь ешь, — кивает Марк, указывая вилкой на мою порцию.

Я не знаю, правильно ли поступаю сейчас, но хочу дышать свободно. Именно дышать, потому что не могу набрать полную грудь воздуха. Ощутить себя живой и идти. Возвращаться

обратно всегда сложно, встречаться с теми, кто осуждает тебя за спиной и продолжает винить во всём. И это тянет тебя вниз. Ты боишься. Это, правда, страшно вернуться. Но если я этого не сделаю, то никогда не узнаю, как это дышать.

Третий вдох

С ужасом смотрю на свой табель, и не знаю даже за что браться сначала. Я ничего не помню из пройденного материала, сейчас просто панически боюсь начинать. Кажется, что ничего не напишу. Но нужно брать себя в руки и заниматься. И я ведь готова, но оттягиваю это время, выбирая, с чего бы начать. То встану и пройду по квартире, загляну в холодильник, забитый благодаря Марку. И снова сажусь за стол, открывая ноутбук, чтобы начать.

Мобильный телефон вибрирует, я поворачиваю его и смотрю на номер Адама.

«Мишель, мы бы хотели видеть тебя сегодня за ужином у нас», — гласит послание. Ох, нет, лучше я буду заниматься. Но всё же, некрасиво отказываться, ведь они делают для нас так много. Впереди уик-энд и мне хватит времени напечатать две работы и подготовиться к дополнительным тестам к понедельнику.

Решив именно так, закрываю ноутбук и встаю, подхватывая сумку, и на ходу натягиваю пальто. В ночи я опасаясь водить, да и, вообще, водить стала иначе, чем раньше. Медленно, с опаской смотря по сторонам, и водить папину машину сложно. Она больше, чем была моя. Но само осознание, что эта вещь принадлежала ему, согревает чувство потери. Так он до сих пор со мной.

Подъехав к высоткам, где располагается квартира Ллойдов, паркуюсь подальше и выхожу из машины. Быстрым шагом иду к центральному входу, оборачиваясь зачем-то, и вхожу в освещённое помещение. Пройдя к лифтам, нажимаю на кнопку, и двери распахиваются, предлагая мне отправиться на пятнадцатый этаж в пентхаус Ллойдов. Я отвергаю их помощь, это действительно так. Но они не моя семья и я не понимаю, почему отец отдал опеку Адаму. Что за материалы были у него? Любовники, наверное, которых имела мать за его спиной. Когда-нибудь это станет для меня приемлемым, а пока думать об этом сложно.

— Мишель, девочка моя, я так рада видеть тебя. Как ты похудела, детка, — не успевают открыться дверь, как причитания Лидии и её объятия перебивают мои мысли, и я оказываюсь в знакомо пахнущих выпечкой руках. Она обхватывает моё лицо, причиняя мне боль, но эти карие глаза, наполненные слезами и добротой, заставляют меня задержать дыхание и терпеть боль. Но больше нескольких секунд я не могу это делать. Выдавливая улыбку, выворачиваюсь из её рук и вхожу в холл, где меня уже ожидает семья Ллойдов и моя сестра.

— Привет, Миша! Я так рада, что ты приехала, — радостно восклицает Тейра.

— Да... спасибо за приглашение, — отвечаю я, кивая супругам, и снимаю с себя пальто.

— Тебе надо есть, девочка моя. Ты только посмотри...

— Лидия, да отвали от неё. Задолбала. По-твоему, все должны в двери не входить, только тогда они здоровы, — раздражённо перебивает Амалия Лидию.

— Ами, это грубо, — вздыхает Марк.

— Отвали. Мишель, привет, — улыбается она мне, — проходи. Что-нибудь хочешь?

— Нет, спасибо, — мотаю головой, проходя за всеми в просторную гостиную в стиле барокко. Мягкий свет наполняет большое пространство, играя отблесками на золотых канделябрах и фигурках. И здесь тепло. Очень тепло. Не от отопления, а от них. От этих людей, которые, как и я не знают, с чего начать разговор. Нервничают и решают начать ужин.

Всё так скомкано, непонятно, нервно во мне. Я не участвую в разговоре, а вот Ами и Марк препираются, как обычно. Адам даже не обрывает их, улыбаясь своим детям. Даже Тейра чувствует себя здесь хорошо. А я завидую. Завидую именно этой погоде, что создали двое людей для своих детей. Завидую, что сама никогда не знала такого. Завидую, что ни Ами, ни Марка не заставляют переодеваться в вечерние платья к ужину, они сидят в обычной одежде, в той, что комфортна им. Смотрю на них, как они обсуждают планы на лето, смеются и вспоминают какие-то моменты, сестра рассказывает, где были мы. А я не с ними. Где-то далеко. Одна. Я не чувствую себя больше частью мира, на орбите ищу свою станцию и нет её. Мне некомфортно, но я киваю, когда меня спрашивают, нравится ли мне квартира. Ами тут же говорит, что поможет разобрать коробки, и Сару притащит. Устроим девичник. Не слушаю, а только киваю. Мне всё равно. Это не мой мир. Это не моё счастье и тепло. Я так и не нашла свой остров. Потерпела крушение и пока не доплыла.

— Это отличная идея, Тейра. Дорогая, пройдите с детьми в гостиную и подготовьте всё для слайд-шоу. Мы посмотрим фотографии позже. Я бы хотел поговорить с Мишель один на один, — звонкий и в то же время мягкий голос Адама отвлекает меня от катания горошка по тарелке, и я поднимаю голову.

— Конечно, милый, — кивает Кейтлин, указывая своим детям и Тейре следовать за ней.

— Мишель, пройди за мной, — обращается ко мне Адам, а я бросаю взгляд на Марка, остановившегося в дверях и быстро закрывшего глаза, говоря этим мне, что всё хорошо.

— Конечно, — тихо отвечаю, поднимаясь со стула и аккуратно кладу салфетку рядом с так и не притронувшимся ужином на большой золотистой тарелке.

Мужчина идёт впереди меня, выходя из столовой и открывая мне дверь, как я и догадалась в кабинет, заполненный стеллажами, имеющий небольшое, но уютное пространство, пропахнувшее сигарами. Это так напоминает аромат отца в пятничный вечер. Включает свет и указывает рукой располагаться, где мне хочется.

— Что-то случилось? — спрашиваю я, подавляя в себе волну воспоминаний.

— Мне бы хотелось поговорить с тобой. Виски не предлагаю, ты за рулём, но не прочь выпить с тобой в другой день. Уж лучше со мной пьют мои дети, чем в незнакомых компаниях, — с улыбкой отвечает он, наливая себе в бокал алкоголь.

Ничего не отвечая, прохожу к диванчику и присаживаюсь на него. Шумно вздыхаю и заставляю себя пережить этот разговор. Точно мне он будет неприятен.

— На ваш пентхаус есть покупатель, — начинает он, садясь рядом со мной.

— Правда? Уже? — удивляюсь я.

— Да. Мы поставили цену ниже рыночной с пометкой: «срочно». Было два покупателя, но один из них хотел получить квартиру за цену ещё меньше, поэтому мы отказали ему.

— Сколько? — спрашиваю я, а сердце начинает бешено биться в груди, ожидая ответа.

— С вычетом налогов всего миллион...

— О, Боже! Это большие деньги! — От шока и радости я даже подпрыгиваю на месте, прикладывая руку ко рту.

— Не такие большие, Мишель. В нашем мире это ничто. Если подсчитать цену всех лотов и антиквариата в ней, расположение, то я рассчитывал на удвоенную цену. Но если ты согласна, то...

— Да. Да, я согласна. Пусть продают хотя бы за эту сумму. Она огромная для меня. Тейре хватит на обучение и на первое время, чтобы встать на ноги. И я смогу оплатить обучение. О, господи, спасибо, — быстро шепчу, кивая как болванчик.

— Хорошо. Тогда мы оформим сделку на будущей неделе. Тебе следует открыть счёт в одном из банков, лучше чтобы это был банк, где работает Марк. Он сможет следить за твоими деньгами и оберегать их. Как и поможет составить тебе бизнес-план на жизнь, — мягко улыбается Адам, отпивая виски.

— А кто её покупает? — Интересуюсь я.

— Это подарок на свадьбу молодожёнам. Они переезжают в Торонто из Ванкувера, и для них родители решили подготовить сюрприз, — незамедлительно произносит он.

— Хорошо... хорошо. Мне надо что-то подписать или быть там? Что требуется от меня? — Сжимаю руки в замок, только бы не выдать своё волнение.

— Я, как твой опекун, могу сам всё оформить без твоего присутствия. Плюс мой адвокат, который занимается этим делом, ответственный за нас. Тебе нужно только дать разрешение мне, оставив подпись на соглашении. И в понедельник подъехать в банк к Марку, чтобы предоставить им счёт, куда будут переведены деньги. Или же ячейку, как будет тебе удобно, — предлагая, Адам ставит бокал на столик и встаёт. Подходит к столу, подхватывая в руки бумаги и ручку, и кладёт передо мной.

— Ознакомься. Если тебя что-то не устраивает, то мы поменяем всё так, как ты захочешь, — произносит он, указывая на контракт. Киваю ему и беру в руки бумаги, вчитываясь в слова. Я даже не думаю о том, что меня могут обмануть, или же что-то иное, поэтому нет опасений. Прочитав, я ставлю свою подпись на каждом листе, кладу ручку на листы бумаги.

— Это всё? — Спрашивая, поднимаю голову на Адама.

— Ты, наверное, удивлена, что я так просто взял на себя обязательства, — говорит мужчина, присаживаясь рядом со мной.

— Меня это не интересует. Почему и зачем, — мотая головой, отвожу взгляд от него.

— Тревор очень переживал за своих девочек. Ещё в Оттаве он просил меня стать вашими опекуном, в случае его скоропостижной кончины. Он знал, что осталось ему недолго. А с Сессиль у них...

— Я не хочу говорить об этом, — резко обрываю его, вставая с дивана. — Если это всё, то я бы предпочла поехать домой.

— Мишель, не воспринимай в штыки нашу помощь. Ты ещё юна и теперь ты моя дочь хоть и не биологическая, но дочь. Я в ответе за тебя и за Тейру, поэтому не злись. Злость плохой советчик, дорогая моя, как и обида. Прости его, что ушёл раньше, чем нам бы хотелось. Прости его и отпусти. Тебе станет легче, но печаль никогда не уйдёт. Она навсегда теперь с тобой, — говорит он, а я сжимаю губы, желая ответить ещё более грубо, чем раньше.

— Твой отец любил тебя и Тейру. Его любовь была странной, но она была. И Сессиль он любил. Я ведь знал его практически всю жизнь, как и твою мать. Он влюбился с первого взгляда, он только и говорил, что о ней. А Сессиль была иной. Очень похожей на тебя, но без той силы, которую подарил тебе Тревор. Она была запуганной, ранимой, боялась всего, а особенно мужчин. Она...

— Она рассказала мне, что не желала меня. Что отец специально сделал так, чтобы она забеременела. Не надо уверять меня в ином, — перебивая его, быстро дышу от ярости из-за такой лжи.

— Я и не собираюсь. Но видел их историю с самого начала. Она пряталась за ним, она нашла в лице Тревора своего рыцаря и спасителя. Да, возможно, твой отец был рад намного

больше беременности, чем Сессиль. Но она не виновата, Мишель, что была вот такой. Её никогда не любили, и она боялась, что ребёнок отберёт любовь Тревора у неё. Поэтому она так холодна с тобой. Тревор любил вас обеих, но Сессиль так и не поняла, что это разная любовь. Её на всех хватит.

— Она никогда не любила меня. И его... у него любовница была, — сдавленно шепчу я, стирая быстро слезу, чуть было не выкатившуюся из глаз.

— Я знаю и про это. Тревор делился со мной о своих отношениях. Он не позволял себе этого до того момента, пока не ощутил себя лишним. А эта девушка, я никогда её не видел, она дарила твоему отцу любовь и заботу. Он жил этой любовью, особенно в последнее время, потому что потерял твою. Мы, мужчины, очень отличаемся от женщин. Нам необходима любовь, хоть мы и отрицаем это, но внутри мы умираем без этого и ищем её в другом месте. Нет ничьей вины, что твои родители не сохранили своей любви. Страхи прошлого, злость, обида, всё это скапливалось годами и превратилось в холодные устои, которым тебя учили. Так ты посмотри на этот пример и никогда не пользуйся им. Живи иначе, не слушай никого, а только себя. Если для кого-то твой выбор неверен, то это его проблемы никак не твои. Если ты счастлива, то не подстраивайся ни под кого, — допивает залпом виски и встаёт. И так мягко дотрагивается своими словами до моих чувств, что это открывает внутри меня гнилую рану.

— Ещё я слышал, что ты согласилась составить нам компанию в субботний вечер? — спрашивает Адам, вставая и подходя ко мне.

— Да... как благодарность, — киваю я, борясь с эмоциями, что ещё немного и накроют меня.

— Не нужно этого делать, Мишель, — серьёзно говорит он, а я удивлённо приподнимаю брови. — Не надо идти против себя. Иногда одиночество бывает во благо. Это время, когда можешь разобраться в себе, поговорить с собой. Одиночество тебе необходимо. Ты сама почувствуешь, когда будешь нуждаться в общении. Я наблюдал за тобой, Мишель, весь вечер, и я видел, насколько ты уже готова бежать отсюда. Беги, если тебе будет легче, то беги. Но когда-нибудь придётся остановиться и тогда одиночество будет спасением. В этой тишине встретишь свои страхи и переборешь их. И я знаю, что такой человек, как ты, выберется оттуда даже будучи одной. Ты похожа на Тревора, поэтому только ты можешь знать, что станет для тебя спасением. Марк пытается помочь тебе, но он не понимает, что ты сейчас переживаешь. Я потерял отца, когда мне было пятнадцать. Посему знаю, о чём говорю. Твои подруги тоже стараются и будут это делать. Но никто тебя не осудит, если скажешь им — оставьте меня. Это твой выбор и твоё право. Чтобы двигаться дальше, тебе следует захотеть этого самой. Внутри захотеть жить, вот тогда ты сможешь идти. А сейчас отправляйся домой, я прошу тебя не думать о финансовой стороне. Ты упряма, и как Тревор не желаешь подачек, но сделаем иначе. Я дам тебе займы, к примеру, пару тысяч, а ты мне всё вернёшь, как получишь сумму от продажи квартиры. Согласна? — Копаются в карманах, доставая портмоне.

— Вы очень хитрый, — качаю я головой, понимая, насколько красиво он подводит меня к решению.

— Хитрость тоже во благо, если ты будешь улыбаться, а я не буду переживать, ела ли ты сегодня. Да, я переживаю и за тебя, потому что ты теперь моя девочка. Я очень уважал Тревора, хоть и развела нас судьба, а в последнее время он был полностью потерян, но он был моим другом всю мою жизнь. Он помогал мне, он был очень мудрым, пока не потерял

часть себя в нелюбви. Что думаешь насчёт моего предложения? Никаких процентов, никаких сроков, никаких напоминаний, дружеская помощь, — усмехается он, но так добро и так весело играют блики в его глазах, что я киваю.

— Идёт. Я верну деньги, как мне переведут сумму на счёт, или как только я их заработаю, — он передаёт мне деньги, кивая, а я прячу их в задний карман джинсов.

— Ах, да. Поздравляю тебя с предложением о работе, — убирает портмоне в карман, указывая мне рукой на дверь.

— Ещё рано...

— Я уверен, всё у тебя получится. И теперь я понимаю, почему Тревор так гордился тобой. В твоём характере есть своя прелесть. Ты сделаешь всё, только бы встать на ноги с достоинством, — перебивает меня, когда мы выходим из кабинета.

— Спасибо, Адам, спасибо за всё, — благодарю я, поворачиваясь к нему.

— Совершенно не за что. Я готов на всё ради своих дочерей. А у меня их теперь три. Я счастливчик, — смеётся он.

Поражаюсь, насколько этот человек хорош. Действительно, хорош и это течёт по венам его детей. И мне тоже хорошо сейчас, словно отпустила что-то из прошлого. Легко. Не совсем, но отчасти после этих слов Адама об одиночестве. Значит, я не сошла с ума, если мне комфортно с собой наедине.

Быстро попрощавшись со всеми, я выскакиваю из квартиры и радуюсь возможности отправиться домой. Чтобы оставили меня одну. Часть проблем разрешилась: на квартиру есть покупатели и, значит, скоро я смогу спокойно спать, зная, что будущее Тейры обеспечено. Ни цента не отдам матери. У неё достаточно драгоценностей, которые она может продать. Да и дом наш в Оттаве наполнен антиквариатом и имеет тоже возможность быть проданным или же обменным на более простое жильё. Мы справимся. С этим справимся. А как же эти сны, где появляется он? Как же это чувство внутри меня, которое я ненавижу? Как же мне вырвать из себя это? Не знаю. Пока не знаю, но что-нибудь придумаю.

Четвёртый вдох

Неприятный звонок в дверь, который обещаю сменить сегодня же, будит меня. Подскакиваю на постели, моргая и не понимая, где я нахожусь. Вздыхаю, прикладывая руку к груди, чтобы утихомирить сердцебиение. До сих пор ещё не привыкну к тому, что теперь всё вокруг меня другое.

— Хоть бы ты палец сломал, — бурчу я на уже постоянное трезвучие от входной двери. Бросив взгляд на часы, висящие в спальне, отмечаю, что уже полдень. Это и не удивительно, вчера я всё же, заставила себя заниматься и даже написала одну работу по микроэкономике. И теперь натываясь на коробки, ругаясь себе под нос, ищу спортивные штаны, натягивая их на ходу.

— Что? — Зло спрашиваю, добравшись наконец-то до двери, набив достаточно шишек на ногах, чтобы не встречать кого бы то ни было с улыбкой.

— Вот ты соня!

— Офигеть, мы так испугались, а она спит! Совсем с ума сошла?

В один голос нападают на меня Ами и Сара, толкая меня и проходя в квартиру. Протираю заспанные глаза и зеваю, слушая их бубнёж, а затем уже восклицания о моей квартире. Они носятся по всему пространству, ловко перепрыгивая коробки, или же огибая их, что-то кричат друг друга. Я проснуться не могу, голова болит, немного кружится, а эти две дуры как помешанные носятся по квартире.

— А ты чего стоишь тут? — спрашивает Сара, уже хрустя чипсами, которые купил Марк.

— Спать хочу. Что вы здесь забыли? — Потираю лоб, затем глаза, чтобы не грохнуться на пол от бессилия.

— Пришли помогать. Нас мой братик пригнал сюда. Мы бы и раньше приехали, но заехали в супермаркет, потом в магазин, купили новые платья и тебе, кстати, тоже. Думали, что к этому времени ты должна проснуться. Звонили тебе, а ты в ауте. Мы уже подумали самое страшное, — перепрыгивая с темы на тему, торопливо говорит Ами, вырывая из рук Сары чипсы и довольно похрустывая ими.

— Девочки, спасибо, но...

— Ты же ещё не завтракала. Сейчас я приготовлю тебе сэндвич, а ты иди переоденься, — отмахивается от меня Сара, а Ами уже толкает в спину к ванной комнате.

— Мне тоже приготовь, раз взялась за это, — говорит Ами.

— Да пошла ты. Ты сожрала бургер с утра, а мне не дала даже кофе купить! — Возмущается Сара.

— Тебе худеть надо и кофеин на тебя плохо влияет...

Захлопываю дверь, ограждая себя от перепалки двух девушек. Этого ещё мне не хватало для полной красочной картины бардака в моей жизни.

Упираюсь руками в раковину и смотрю на своё помятое лицо. Ужасное зрелище. Да плевать, я хочу тишины. Тишины, как сейчас, внутри меня и такой же снаружи. Слова Адама, до сих пор, остались в моей голове. И я поняла, насколько он прав. Никто мне не поможет, кроме самой себя. Если раньше мне требовалась поддержка, я не представляла себя без неё. То сейчас я вернула свою любовь к одиночеству и единению с собой. Только разобравшись в себе и своём прошлом, чувствах, которые отодвинула на дальний план, но они постоянно

рвались из меня, смогу осознать — как мне жить. А сейчас мне предстоит выставить за дверь подруг и вернуться к своим делам.

Быстро умывшись и собрав волосы в спутанный хвост, выхожу из ванной, слыша смех. Войдя в гостиную, нахожу девочек, расположившихся на диване с сэндвичами и газировкой, смотрящих телевизор, который я даже не включала ни разу.

— Миша, завтракай, и приступим, — говорит Сара, указывая на мою порцию.

— Девочки, я очень благодарна вам, но это лишнее, — собираю волю в кулак и произношу это. Они приподнимаются с дивана, бросая друг на друга удивлённый взгляд, и поворачиваются ко мне.

— Мне не нужна сейчас помощь. Мне не нужна компания, со мной всё хорошо. Привыкаю к новой жизни, к обстоятельствам и я должна это сделать сама. Не хочу вас обидеть, я, правда, очень ценю то, что вы сделали для меня и делаете. Сейчас это для меня груз, который тянет обратно. Понимаете? — С надеждой смотрю на них.

— Ага, — медленно кивает Ами, проглатывая кусок сэндвича. — Мы тебе мешаем?

— Конечно, мешаем, она только что об этом сказала, — отвечает за меня Сара.

— Хорошо. Ну тогда мы остаёмся, — пожимает плечами Ами, снова падая на диван и переводя взгляд на телевизор.

— Но...

— Миша, мы просто соскучились по тебе. Она меня достала, если честно. Можно я останусь? — спрашивает Сара. — А эту можешь выгнать.

— Что? Да я тебя вожу везде, принцесса, недоделанная! Иди на права сдавай тогда! — восклицает Ами.

— Всё! — Поднимаю руки, останавливая ответ Сары и новый ненужный шум. — Ладно, оставайтесь. Только со мной невесело.

— Это как раз мне и надо. С этой девицей я то и дело отхожу от похмелья, — хмыкает Ами.

— И мы же купили кое-что! — Сара ударяет девушку по колену и подскакивает, хватая пакет, который валяется на диване.

— Точно. Как же я об этом забыла. Вот говорю же, с ней все мозги пропила, — кривится Ами, доедая свой сэндвич, и отставляя тарелку.

— Марк упоминал что-то о том, что тебе надо помочь начать новую жизнь. А какая новая жизнь без нового образа? — Сара достаёт из пакета бутылки и коробочки, раскладывая на столе.

— И что это? — Опасливо интересуюсь я.

— Мы перекрасим твои волосы! — В один голос отвечают они.

— О, нет... — машу руками, отступая назад, — увольте.

— Почему нет? — Удивляется Сара.

— Потому что... потому что не хочу, — мотаю головой.

— Ты всегда сможешь перекраситься обратно. Мы сделаем тебе модное окрашивание. Корни оставим, а концы выбелим. Мы советовались с двумя стилистами. И они нам подобрали краску, а ещё тонирующую ерунду и написали, что нам делать, — убеждает меня Ами, выуживая из кармана джинсов смятый лист.

— Вот меня это и пугает, что будете делать это вы, — с сомнением отвечаю я.

— Не бойся. Ну давай, подготовимся к вечеру. Марк в обморок грохнется, — Сара тоже встаёт, и теперь они обе смотрят так просяще на меня.

— На обморок Марка я бы посмотрела, — сдаюсь, вздыхая и кивая им.

— Еху! — Кричат они, и снова начинают носиться по квартире, готовя место моей казни. А мне как-то всё равно. Ну потеряю я часть волос, одной проблемой больше, одной меньше, какая разница. Хотя бы они уберутся отсюда быстрее и оставят меня одну.

— Я никогда этого не делала, — раздаётся шёпот от кухонной стойки, где девочки смешивают краску.

— Я тоже, но мы должны. Ради неё, развеселим немного. Полчаса, не больше, — отвечает так же Сара, и они поворачиваются ко мне, сидящей на стуле и отпивающей воду.

— Так, сначала надень защитный фартук. Сейчас завяжу. Ой, мы забыли воротник. Снимай, Мишель. Ага. Не туго? Нормально, завязала. Ну, мы готовы, — хлопает в ладоши Ами, издеваясь надо мной и утянув завязки на моём горле.

Смотрю на их возбуждённые лица, и хочется улыбнуться от такой детской радости. Я как подопытный кролик, которому они вырывают волосы, пока расчёсывают их. Что-то там отделяют, ругаются и мажут мои волосы вонючим раствором, от которого нос щиплет, и приходится открыть балконные двери. Кажется, будто вечность дерут мои волосы. Оставляя меня наконец-то в покое, устанавливают таймер на полчаса в телефоне.

— Мы тебе сейчас твоё платье покажем, — говорит Сара, выходя в коридор, где она оставила пакеты.

— Мне не нужно платье, — мотаю я головой.

— А как же? Сегодня вечером за тобой Марк заедет, и мы встретимся на аукционе. Я Сару себе в парни взяла, всё равно от него не отличается, — отвечает Ами.

— Это я парень? У меня сиськи больше, чем у тебя! — Возмущённо восклицает Сара, возвращаясь в гостиную.

— Девочки, вы обе прекрасны. Но я не иду, — произношу, и наступает молчание. Пакет из рук Сары падает, а Ами поджимает губы. И я, действительно, честна, Адам дал мне понять, что даже ради благодарности не стоит ломать себя.

— Согласилась, но потом подумала тщательнее и решила, что сейчас это лишнее для меня. Я в трауре, не готова идти туда. Не хочу улыбаться, не хочу поддерживать общение, только опозорю твоих родителей, Амалия, — продолжаю я, смотря на девушек.

— Что за глупости, Мишель. Да, ты в трауре, но пора выйти из него, — мягко произносит Ами.

— Если ты не хочешь, то мы не имеем права заставлять тебя. Делай так, как тебе будет комфортно, — говорит Сара, подходя ко мне и опускаясь на колени. Берёт мою руку, а другую Ами, и я смотрю на них, а сердце отзывается теплом. Но всё же, ладони покалывает неприятно, вызывая тягучую волну боли внутри.

— Я не знаю, что сейчас происходит в моей жизни, пытаюсь разобраться, но это сложно. И сегодняшний вечер, боюсь, не даст мне ответов. Вдруг будет хуже? Вдруг кто-то что-то да скажет про моего отца или мать, про меня и...

— И? — спрашивает Сара, когда я замолкаю и закусываю губу, не смея продолжать.

— Если там будет он? Я...я не знаю, где он и что с ним сейчас. Я не читаю газеты, не знаю последствий, ничего не знаю. Реакции от той статьи и что было дальше. Боюсь, так боюсь, что это причиняет боль. Необъяснимую и острую. Я задыхаюсь, когда вижу его в своих воспоминаниях. Я...я боюсь, — признаюсь шёпотом, снова переживая эту тяжесть в сердце.

— В газете появилось опровержение того, что ты рассказала это втайне от него. Он не

показывается на людях после конференции, которая прошла на следующий день после той ночи. Там он и сказал, что разрешил тебе выставить это фото и выложить правду о нём. Он вывернул всё иначе, чем «Канадский вестник». За тобой вины никакой нет, как и он признал, что состоял с тобой в отношениях, и это не касалось бизнеса. А то... ну про его увлечения оставил без комментариев, сказав, что у каждого в жизни должна быть тайна. И их право думать так, как они хотят. Сейчас о нём пишут газеты, но фотографий с каких-то публичных мероприятий нет. Да и по телевизору спрашивают, где он. Акции... его возросли. И... думаю, хватит. Много всего... и, сейчас он завидный жених Канады. Я слежу за этим, прости, — тихо отвечает Сара.

— Понятно, — выдыхаю я и облизываю губы. И хочется спросить больше, но не позволяю себе. Не желаю думать, что другой. Это всё тактика... его... против меня. Нет... не позволяй, нет... не возвращайся туда...

— Хотите пива? — Быстро спрашиваю я, вставая со стула, и вырываю свои руки из их. — А ещё есть... что-то вроде пиццы быстрого приготовления. Марк купил, — нервно смеюсь, стараясь сдержать слёзы, которые уже скопились в глазах, — сейчас я достану. Ни разу не готовила. Даже плитой не умею пользоваться. Но попробую. Или может быть, закажем пиццу? У меня есть деньги, мне дал Адам в долг. Я...

— Мишель, — останавливает меня Сара вставая. А я уже достаю из холодильника эти упаковки с ужином.

— Не хотите? Тогда, может быть...

— Мишель, всё хорошо. Оставь эту ерунду в покое. Мы ничего не хотим, только успокойся, — тихим голосом произносит Амалия, и они подходят ко мне, забирая из рук еду, и складывают обратно.

— Я...

— Мы понимаем. Правда, понимаем, как болезненно любое воспоминание о нём. Воспоминания никуда не уйдут, пока ты не смиришься с ними. А чтобы это сделать, надо продолжать жить. Придёт время, и ты сможешь сама разобраться. Сейчас просто успокойся. Мы не будем больше о нём говорить, хорошо? Его нет. Никогда не было и не будет, — медленно говорит Ами, и они с Сарой, подводят меня к дивану и усаживают на него.

Дышу рвано и не могу глотнуть кислорода больше. Его лицо вспыхивает перед глазами, жмурюсь, мотаю головой. Закрываю глаза и дышу, опускаю голову и дышу. Боль проносится по телу и уже зажившие раны вспыхивают огнём, словно вскрылись, словно снова ударил.

— Выпей, — мне в руку вкладывают бокал с водой. Делаю глоток, затем ещё один и жадно выпиваю всю воду, открывая глаза, встречаюсь туманным взглядом с девушками, с искренней жалостью смотрящих на меня.

— Когда-нибудь станет легче? — Шепчу я.

— Да, — кивает Сара, улыбаясь мне. — Когда-нибудь боль уйдёт.

— Когда? — Спрашиваю я.

— Когда ты сама этого захочешь. Давай, мы забудем об этом, и уже подходит время смывать краску. Посмотри, они светлые, — предлагает Ами, указывая на выбеленные пряди моих волос.

— Да, сейчас сожжём их к чёрту. Пошли, — меня подхватывают за подмышки и буквально тащат в ванную.

— Девочки, мне больно, — шепчу я, сбрасывая их руки с себя. Все, чувства от прикосновений вернулись, значит, я закрыла воспоминания в своей голове.

— Ну тогда давай сама, настрой воду и мы смоем краску, потому что надо полить ещё вот этим фиолетовым составом, — говорит Ами, подталкивая меня к ванне.

Вздыхаю и нагибаюсь, притягивая душ к себе, включаю воду. Настроив её, передаю в руки Сары, и она осторожно смывает краску. Закрываю глаза, пока они снова спорят, кто будет поливать меня раствором. В итоге это делает Ами, и через ещё одну вечность мои волосы оборачиваются в полотенце, и я поднимаюсь на ноги.

— Теперь всё? — спрашиваю я.

— Нет, сейчас высушим и посмотрим, — мотая головой, Сара ищет хоть что-то для этого в ванной. Но здесь только зубная щётка, паста и дезодорант.

— В коробках, — говорю я.

— Надо было их сначала распаковать, — бурчит Ами, отправляясь на поиски фена.

Поворачиваюсь к Саре, тихо смеющейся над этим и собирающей полиэтиленовый разорванный фартук с пола.

— Миша, ты ведь знаешь, что мы рядом? — Неожиданно спрашивает она выпрямляясь.

— Да, знаю, — киваю я.

— И ты хочешь побыть одна? — Уточняет она.

— Да. Я всегда была одиночкой, Сара. В своём мире, в своих мыслях, фантазиях. И сейчас мне комфортно быть в себе. Наверное, так я восстанавливаюсь. Я не думаю о суициде, если ты из-за этого переживаешь. Мне просто хорошо наедине с собой, — честно отвечаю я.

— Хорошо. Но возвращайся к нам, мы скучаем по тебе. Очень. Я люблю тебя. Возможно, я не хороший человек, и подруга из меня хреновая, но я люблю тебя. Ближе у меня никогда не будет никого, и хочу, чтобы ты была счастлива. Ты заслуживаешь это. Однажды я сделала ошибку, но больше этого не сделаю, — шепчет она, а её зелёные глаза наполняются слезами.

— Я знаю, Сара. Ни в чём тебя не виню, всё хорошо, — заверяю я её.

— Нашла! — Крик Ами вызывает у нас улыбку, и мы выходим из ванной, а навстречу к нам девушка, играющая в руке коробкой с феном.

— Устроим салон красоты на дому? Ещё я нашла это, — поднимает другую руку с ванночкой для рук.

— Маникюр. Можно я тебе сделаю? — спрашивает Сара.

— Да, только потом вы свалите отсюда на хрен, — улыбаясь, отвечаю я. И девушки заливаются смехом, кивая мне и уводя в гостиную.

Бесконечные минуты издевательства надо мной вызвали головную боль, желание выставить этих двух вон. Удалось поесть сэндвич, пока вытягивали мои волосы, изрезали пальцы. Терпела до критической точки, когда в ход пошли щипчики. В руках Сары это казалось оружием, и я подскакиваю с места, пряча свои руки за спиной.

— Всё, с меня хватит, — заявляю я.

— Но ты хотя бы посмотри на себя, — просит Ами.

— Потом... завтра. А сейчас идите, вам нужно подготовиться к вечеру, — указываю им на дверь.

— Ладно. Тогда до завтра. Позвони нам, может быть, в кино...

— Вон! — Повышаю я голос, смотря, как подруги, перешёптываясь друг с другом, идут к коридору и машут мне.

И только через несколько секунд я могу вздохнуть и осесть на пол, слушая тишину. Кажется, что моя голова огромная от их голосов и шума. Благодарна им... буду... завтра, а

сейчас я устала от них. Понимаю, всё понимаю, но не могу принять эту весёлость и жизнерадостность. Не для меня она сейчас. Вздыхаю и встаю, возвращаясь к маникюру. Доделать хотя бы надо, а то Сара практически живого места не оставила на моих пальцах. Это занимает меня и даже расслабляет. Наслаждаюсь тишиной и одиночеством. Прекрасно, сейчас это для меня лучшее лекарство от боли.

— Марк, прости, но... — замолкаю, теребя чайную ложечку, и не могу найти оправдания своему отказу. Думала, что это будет легче.

— Понимаю, — отвечает он в трубку.

— Спасибо. Хорошо повеселиться, — произношу я, всматриваясь в чай, который остыл как полчаса назад.

— Но я всё же, скажу на проходной, что Мишель Пейн опаздывает. Вдруг ты решишься, — тихо произносит он.

— Пока, Марк, — отключаю вызов и кладу телефон на стол, шумно вздыхая.

Я даже в зеркало ещё не смотрелась, совершенно не интересно, что со мной они сделали. Два часа, если не больше, просто сижу в этой комнате и пытаюсь себя чем-то занять. Даже свет не включаю, в темноте и одиночестве. Встаю и бреду по коридору к ванной комнате. Надо бы всё же, посмотреть, вдруг придётся обстригать всё. Щёлкаю выключателем и вхожу в ванную, останавливаясь напротив зеркала. Надо поднять голову и посмотреть. Всего лишь покрасила волосы, когда я никогда этого не делала. Всего лишь... но это много для меня. Ни краска для волос, ни контактные линзы, ничего не изменит тебя. Никогда. Это всё ерунда.

Резко вскидываю голову, и девушка в зеркале приподнимает брови. Кто она? Волосы изменили меня, мой облик, даже цвет моих глаз стал практически чёрным на контрасте со светлыми прядями. Дотрагиваюсь пальцами до нового цвета и начинаю смеяться. Как больная, полоумная и сошедшая с ума. Я смеюсь. Просто смеюсь, потому что внутри ничего не изменилось. А снаружи эта девушка выглядит, словно не встречала ничего болезненного в жизни. Только скулы слишком резкие, а губы потрескавшиеся и сухие. Но ничего... как же это больно. Ведь я надеялась где-то глубоко, что поможет.

— К чёрту. Всё к чёрту, — шепчу я, мотая головой, и уверенно разворачиваюсь, проходя в спальню. Включаю свет и смотрю на бардак в комнате.

Открывая каждую коробку, ищу одежду, туфли, косметику. Пойду, я пойду туда. И Марк, и его отец были правы. Я хочу пойти туда, хочу улыбаться, хочу смеяться не от боли, а от счастья. Не готова, но я хочу. И это желание жить дальше придаёт сил. Нахожу чёрное платье, неброское, обычное под горло. Ни разу его не надевала, а теперь для него пришло время. Я в трауре и буду уважать память отца. Копаюсь в обуви и нахожу коробку, которая падает из рук. Это его туфли. Те самые туфли, которые я надевала на свидание. Они остались, и причиняют сейчас болезненный укол сердца. Отбрасываю их, как ядовитую змею.

Нет, не позволю ему сейчас снова вернуть меня туда. Нет! Его нет больше! Николаса нет в моей жизни!

Достаю коробку с чёрными туфлями и новую упаковку колготок. Нижнее бельё, самое простое, что есть у меня, тоже чёрного цвета. Нахожу косметичку и выхожу из спальни, бросая всё на диван, кроме сумочки с косметикой. Иду в ванную комнату и переворачиваю в раковину всё содержимое. Немного тональной основы, чтобы замазать синяки под глазами. Тёмные тени и тушь, гигиеническая помада и румяна. Достаточно. Итак, сейчас для себя выгляжу, как разукрашенное полотно.

Мне кажется, если я сейчас остановлюсь, то снова передумаю. Поэтому наспех натягиваю колготки, платье и надеваю туфли. Осталась только сумочка, за которой я снова

бегу в спальню и распаиваю другую коробку, отбрасывая волосы назад. Достая небольшую чёрную сумочку и возвращаюсь обратно. Перекладываю документы, деньги туда, как и телефон кладу в сумку, вылетаю из квартиры, на ходу надевая пальто.

Выбегаю на улицу и иду к дороге, чтобы поймать такси. Называю адрес места, где проходит аукцион, и теперь нет возможности вернуться. Закрываю глаза и дышу, перевожу дыхание. Не знаю, правильно ли я поступаю. Не знаю, нужно ли мне это сейчас. Не знаю, но волнуюсь так сильно, что ладони потеют. Сжимаю сумку и жду, когда меня подвезут к зданию. Расплатившись, выхожу из машины и смотрю на невысокое здание холла, где обычно и проходят такие мероприятия. Страшно шагнуть туда. Хочется развернуться и уйти.

— Нет. Ты должна. Пусть все увидят, что ты есть. Ты не исчезла, и будешь жить. Ты должна. Давай, Мишель, давай, — подбадривая себя, медленно поднимаюсь по ступеням и, приближаясь к охраннику, называю своё имя.

Он проверяет меня в списке приглашённых и кивает. Двери открываются, а я смотрю на мужчину, не понимающего моего замешательства.

— Мисс? — Вопросит он, держа дверь.

— Да-да, иду, — нервно улыбаясь, вхожу в освещённое пространство.

Музыка доносится до меня, как и вижу людей, что сейчас, видимо, рассматривают лоты перед аукционом и отмечают для себя, что купить. Ещё один вздох. А может быть, два. Множество. Закрываю глаза, а коленки дрожат. От нехватки кислорода даже голова кружится.

— Мишель! — Знакомый голос заставляет меня выдохнуть. Распахивая глаза, смотрю на Марка в сером костюме и голубой рубашке, быстрым шагом подходящего ко мне. Улыбается, странно и тоже нервничает, как и я.

— Ты пришла. Я ждал тебя здесь. Не знаю почему, но ждал. Я рад, пойдём, — произносит он, предлагая мне пройти к стойке, где помогает снять пальто и получить номерок, который прячет в карман брюк. Я на это даже не обращаю внимания, собираясь с силами.

Как бы ты внутри ни уверяла себя, что сможешь, но страх никуда не деть. Он не исчезнет, пока ты его не преодолеешь. Этот страх относится ко всему. А сейчас для меня к жизни и обществу.

— Я только сейчас... прости я не сказал комплимента о твоих волосах... хорошо... то есть красиво... чёрт, — кривится он, а я издаю смешок.

— Всё хорошо, Марк, — заверяю его.

— Прости, я идиот, — вздыхает он и предлагает мне руку. А я смотрю на неё и делаю шаг назад, сжимая руками сумочку.

— Говорю же, идиот. Давай, сначала начнём. Хорошо? — Запускает руку в волосы и тянет их. Хочется смеяться и одновременно пожалеть его.

— Давай, пойдём. Всё нормально, это же не свидание, — произношу я, бросая взгляд на центральный зал.

— Ах, да. Конечно. Родители будут рады видеть тебя. Они присмотрели ковёр, но он такой ужасный. Может быть, ты их отговоришь... чёрт, что я несу, — и тут прорывается снова что-то внутри. Начинаю смеяться, смотря на потерянного Марка. Смеюсь так, что в обществе это назовут вульгарным. Но я смеюсь, наконец-то, смеюсь. Марк тоже улыбается, а затем мы, как два больных человека, уже сгибаемся и хохочем вовсю. Настолько громко, настолько задорно, что слёзы скапливаются в глазах, а челюсть болит.

— Хуже выступить я не мог, — давясь от смеха, говорит Марк.

— Всё, не могу больше, — шепчу я, обмахивая себя рукой.

— И ты улыбалась, Мишель, — замечает он, проходя к залу.

— Да, признаю, — киваю, но веселье мигом улетучивается, когда я вижу знакомые лица, уже заметившие меня.

Шёпот раздаётся со всех сторон, пока мы идём. И хочется спрятаться за Марка, или же развернуться и бежать, но иду. Мой отец не сделал ничего плохого. А если для них смерть — порок, то пусть горят в аду. И я буду нести в себе эти слова, как сейчас. Гордо вздёргиваю подбородок и иду, кивая знакомым. Меня не волнует их отношение ко мне, никогда не волновало. Отчего я так боялась? Отчего страшилась этого? Ведь сейчас чётко осознаю, что мне плевать на их мнение. Я приглашена, как и они. И да, может быть, теперь у меня нет денег, но я человек, такой же, как и они. И даже лучше их. Начинаю жизнь заново, когда они продолжают не замечать своих недостатков. Я другая, и рада этому. Сейчас я горда собой, горда всем, что сделала. Это вызывает улыбку. Иду, обходя людей, и подходя к компании, в которой стоят Ллойды.

Они замечают меня и отступают от своих друзей, встречая меня улыбкой. Адам слабо кивает мне, и я делаю то же самое.

— Мишель, какая ты красивая. Какой цвет волос. Просто куколка, — радостно произносит Кейтлин.

— Изменения тебе к лицу, дорогая, — подтверждает Адам.

— Спасибо, — отвечаю я, смущённо поправляя волосы назад.

— Мы найдём девочек, — говорит Марк и дёргает меня за локоть.

— Ещё встретимся за столом, — напоследок произносит Кейтлин.

А в груди такой подъём. Невероятный. Кажется, что я могу всё. Всесильна. Могущественна. Это зажигает адреналин, о котором я даже не помню. Это будоражит каждую частичку в теле. Это даёт мне возможность дышать так, как я хочу. Непередаваемое чувство. Чувство возвращения.

Замечаю рыжие волосы Сары, заколотые наверх и её белое платье, а рядом о чём-то ей бурно говорит Амалия в тёмно-зелёном платье.

— Дамы, я вам кое-кого привёл, — громко оповещает Марк, что девушки вздрагивают и оборачиваются.

Их лица вытягиваются, когда они смотрят на меня. Амалия начинает смеяться, хлопая в ладоши. А Сара на секунду хмурится и тоже улыбается.

— Мы проделали шикарную работу, сучка, — Амалия поднимает руку и по ней ударяет Сара.

— Ещё какую, стерва, — отвечает Сара.

— Так, хватит. Вы уже достали меня своими эпитетами. Помойте язык с мылом. Пойду, принесу напитки. Мишель, шампанского? — Закатив глаза от такого обращения, обращается ко мне Марк.

— Воду или сок, — отвечаю я, и он кивает, показывая сестре, что следит за ней.

— Почему ты здесь?

— Я так рада, что решилась!

В один голос говорят они, когда мы остаёмся одни. Относительно одни, не считая людей, стоящих рядом.

— Не знаю почему. Правда. Сидела и что-то щёлкнуло. Боялась передумать и приехала, — честно делюсь я с ними.

— Ты планируешь остаться на ужин? — Спрашивает Ами.

— Пока не знаю... я... ещё привыкаю. Как-то неудобно. И все смотрят на меня. Надеюсь, не узнают, — тихо отвечаю, косо смотря на проходящую пару, и киваю им.

— Даже мне здесь неудобно. Но зато весело. Тут такие вещи смешные. К примеру, они продают столовое серебро за пятьсот тысяч. Прикинь? Пятьсот тысяч за железки! Не дебилы, ли? И ведь купят, — заговорщически шепчет Ами, придвигаясь ко мне.

— Я вот уже миллион раз пожалела, что пришла. Но ты уверена, что готова? — Спрашивает меня Сара.

— Нет, не уверена. Но сейчас... не знаю, это правильно, — пожимая плечами, смотрю в напряжённое лицо подруги.

— Ладно. Хорошо, — кивает она, шумно вздыхая.

В этот момент появляется Марк, передавая мне бокал с апельсиновым соком. Улыбаюсь ему и благодарю.

— А нам? — Возмущается Ами.

— Не маленькая, сама возмёмшь. И тебе нет двадцати одного, поэтому спиртное под запретом, — хмыкает Марк.

— Ага, ты не принёс мне, потому что моё имя не Мишель, — поддевает брата она.

— Отвали. Запарила ты меня. И что дальше? Да хоть мать Тереза, всё равно не принесу тебе алкоголь, — шипит зло Марк.

— Эй, ребята, хватит. Мы на мероприятии, хотя бы здесь постарайтесь не убить друг друга. Вот видишь, с кем я общаюсь, — вздыхает Сара, на что я издаю смешок, пригубив сок.

— Я хочу посмотреть лоты. Просто прогуляться, — произношу я.

— О, мы с тобой, — в один голос говорят они.

— Даже не сомневалась, — хмыкаю я.

Мы проходим во второй зал, где стоят скульптуры, украшения за стеклянными витринами. Подхожу к ним, и не трогает меня блеск драгоценных камней. Закрываю глаза и чувствую тяжесть кольца на шее. Судорожно подношу руку и нащупываю только ткань платья. Вздыхаю и распахиваю глаза, а над губой выступает холодный пот. В отражении стекла вижу себя и такое забытое, когда-то любимое лицо. Карие глаза блестят от счастья, а губы растянуты в улыбке. Внутри меня всё холодеет, начинаю дышать чаще, резко оборачиваясь, и никого нет, даже друзей нет. Перевожу дыхание, проводя ладонью по лбу. Мне надо сесть, иначе я просто упаду. Зачем же так жестоко память подводит меня? Голова буквально наполняется воздухом, ещё немного и взорвётся.

Отхожу от стеклянной витрины и, прислоняясь к стене, упираюсь затылком о неё. Выпиваю залпом сок, но сухость во рту это не снимает. Вижу проходящего мимо официанта.

— Подождите, — шепчу я. Быстро, на едва гнущихся ногах буквально добегаю до него, ставлю пустой бокал на поднос и беру шампанское.

— Спасибо, — бросаю я, исчезая из этой комнаты. До сих пор не могу восстановить равновесие внутри. Руки трясутся, как и зубы стучат о стекло бокала. Делаю глоток шипучего напитка, и он покалывает горло. Легче ли? Ни черта. Меня буквально трясёт от холода, бушующего внутри. Прохожу мимо людей и, оглядываясь по сторонам, ищу свою группу поддержки. Но не вижу никого. Ни Амалии, ни Марка, ни Сары, ни четы Ллойдов. Ну кто-нибудь, прошу, хоть кто-то. Словно меня выбрасывает на берег после кораблекрушения, и я паникую. Паникую до чёрных точек перед глазами. Сжимаю пальцами ножку бокала и кружусь вокруг себя.

«Так, дыши. Давай.»

Приказывая себе, останавливаю и закрываю глаза. Делаю медленные вдохи, пока сердце, как бешеное, разрывает грудную клетку. Пытаюсь не трястись среди этих людей. Но хочется плакать от бессилия. Не могу побороть страх в груди, а это всё из-за воспоминаний. Хороших. Красивых. Любимых. наших. Лучше бы другое. Мрачное. Болезненное. Но и так больно. Дышать не могу. Задыхаюсь. Открываю глаза, и меня шатает, что едва могу добраться до стены и прислониться к ней. Боже, как больно. Как плохо мне. Делаю ещё глоток, но алкоголь лишь усугубляет моё состояние. Ноги подкашиваются, и сложно их держать прямыми. Прижимаюсь спиной, а она уже мокрая от страха. Всё моё лицо покрылось испариной и тошнит так сильно. Откидываю голову и упираюсь затылком, заставляя себя успокоиться. Всё хорошо. Всё хорошо. Да, всё хорошо. Всё...

Мой взгляд проходит по верхнему этажу, где стоят люди, общаясь друг с другом. За ними висят картины, которые тоже выставлены на продажу. Глазами пробегаюсь по лицам, и останавливаю на лестнице, что ведёт с верхнего этажа. Одни спускаются, другие поднимаются. Внимание привлекает тёмно-синий костюм, облегающий мускулистое мужское тело. Он не двигается отчего-то, стоит посреди лестницы и не спускается. Поднимаюсь глазами по галстуку, и внутри меня раздаётся громкий взрыв. Бокал падает из рук, когда мои глаза встречаются с тёмными, карими, шоколадными и удивлёнными. Каштановые волосы блестят в свете люстр над ним. Время замирает, оставляя меня одну. И его. Это он. Он, смотрящий на меня, и не двигающийся. Николас Холд. Это Николас. Ник...

Дышать не могу, а сердце даже не стучит. Его губы двигаются, а в моей голове такой шум. Огни начинают кружиться вокруг меня, звук резко включается, и я читаю по его губам. *«Мишель.»*

Бокал с громким стуком разбивается перед моими ногами, обрызгивая шампанским туфли и колготки. Испуганно смотрю на людей, что обратили на меня внимание. Паника накрывает с головой, как цунами, не давая мне выжить в этой схватке.

— Простите... простите... — шепчу я, двигаясь по стенке, и не могу отвести от него взгляда. Вот он мой страх. Вот он, далеко от меня и так близко. Сковывает меня и не даёт дышать. Не двигается. Стоит и смотрит на меня. Забирает снова... Больно! Боже, спаси меня! Боже... это он... он... это он.

Разворачиваюсь и несусь на дрожащих ногах к гардеробу, слыша позади своё имя. В уши словно наложили ваты, и я не понимаю ничего. Меня штормит, хватаясь за стойку, быстро дышу.

— Моё пальто... чёрное... пальто, — торопливо прошу я у мужчины.

— Ваш номерок? — спрашивает он.

— Я... у Марка... мы недавно... золотые пуговицы...

— Мишель!

— Чёрт, — оборачиваясь, вижу, как Николас прорывается сквозь толпу, пытается догнать меня. Нет! Нет! Не могу!

Плюю на своё пальто и бегу к дверям, распахивая их и выбегая на холод.

— Мисс...

К чёрту, всё к чёрту! Боюсь, что упаду сейчас на высоких каблуках и ступенях, что прыгают перед глазами.

— Мишель! Стой! — Крик остаётся за моей спиной, пока я перебираю ногами и бегу, но чувствую, что упаду. Ещё немного и лишусь чувств. Тонкие каблуки застревают в кладке

камня под ногами. Мне так плохо, голова сильно кружится. Останавливаюсь и закрываю лицо ладонями, только бы пережить. Нет... не ходи за мной... нет... дай мне дышать... сейчас упаду...

— Мишель? Это ты? Правда, ты? — Тихий и такой сочный голос из моих воспоминаний раздаётся за спиной. Чувствую каждой клеточкой его. Чувствую так сильно, что сердце болит. Давит на грудь, и дышать сложно. Чувствую. Его.

Распахиваю глаза и опускаю руки, собирая себя по кусочкам, чтобы обернуться. Обернуться и встретиться с ним лицом к лицу.

— Здравствуй, Николас.

Это мой голос? Почему такой сиплый и болезненный? Почему несильный? Не показывающий ему, что мне плевать. Да потому что не могу смотреть на него. Изъедает меня изнутри, когда встречаюсь с ним взглядом. Тёмные глаза блестят только ему понятным безумием крови. Молчит, осматривая меня, поднимает голову и делает шаг, а я от него.

— Здравствуй, Мишель. Ты... ты выглядишь иначе. Ты изменилась. Очень сильно похудела. Но ты красивая, очень красивая, — произносит он, постоянно сглатывая, словно ему не хватает воздуха.

— Ты ни капли не изменился, — выдавливая из себя, облизываю губы. — Мне надо... меня ждут... мне надо идти...

— Подожди. Секунду. Нет, минуту. Хотя бы минуту, — быстро говорит он, перекрывая мне путь.

Опуская голову, смотрю на его галстук. И так близко, что ветер доносит аромат его одеколona, что пропитал мою кожу, вьелся в кровь и сейчас заставляет бежать её, заводя сердце на максимальную скорость. Не дышать. Задохнуться бы.

— Я соболезную твоей утрате. Мне жаль, что операция не помогла. Я отослал цветы...

— Не нуждаюсь, Николас. Если это всё, то дай пройти, — обрываю его, не желая слушать об этом. Не сейчас. Потому что на грани. На грани истерики. Сердце взрывается медленно на тысячи осколков, не давая мне возможности держаться. Трясёт изнутри. Ощущаю, как дрожу, что даже ему видно. А сердце всё рвётся на части, туманя мой разум.

— Нет. Не всё. Я прошу прощения за ту ночь. Мне жаль. Прошу тебя, Мишель, позволь мне объяснить всё. Я был неправ. Давай, поговорим. Обсудим. Не знаю, но я должен что-то сделать. Пожалуйста. Крошка...

Буквально в секунду кровь загорается ядовитым огнём, и моя рука, взлетая, с размахом ударяет его по щеке. Больно! Чёрт побери, как дерёт ладонь! Но это ничто по сравнению с тем, как болезненно это слово!

— Не смей! — Вскрикиваю я, когда он подносит свою руку к щеке. — Тебе жаль? Тебе всего лишь жаль, Николас? Засунь свои соболезнования себе в задницу, понял? Пошёл ты туда же со своими словами извинения! Ненавижу тебя!

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но не могу. Злость такая сильная внутри. Она просто не даёт думать здраво, она наполняет мою голову алым дымом. Она повелевает мной, открывая все чувства во мне. Больше нет возможности сдерживаться. Не хочу. Поворачиваюсь и ударяю кулаками по его груди, отчего он делает шаг назад.

— Тебя не было там! Ты не пришёл! А я ждала! После всего я ждала тебя! Сукин сын! Ненавижу тебя! Ты не пришёл на похороны! Ты не пришёл! — Кричу я, глотая слёзы, которые появляются из ниоткуда. Ударяю по нему, а он даже не защищается. Принимает безвольно мои удары.

— Ты не пришёл, — вытираю трясущейся рукой слёзы и отступаю. — Тебе только жаль?! Но мне больше чем жаль, Николас. Я ненавижу тебя, да так сильно, что готова убить. Я не прощу тебя! Никогда и ни за что! Ты не пришёл! Я не позволю тебе забрать ещё что-то у меня!

Закрываю рот рукой, только бы больше не кричать от этой невыносимой боли, что раздирает мои вены. Бежать! Я должна бежать! Хватит! Только разворачиваюсь, как слышу его голос. Тихий. Мёртвый. Незнакомый. Охрипший.

— Я был там. Сидел в машине и не смел выйти. Я был там, Мишель.

Эти слова застревают во мне, и огненная волна наполняет сердце, ещё сильнее принося боль. Жмурюсь так сильно, что глаза болят. Отнимаю руку ото рта, которая безвольно падает вдоль тела.

— Ты всегда боялся. Всего. А я сторела в тебе. Сторела дотла, Николас. Ты трус. Ты обещал... чёрт возьми, ты обещал и не сдержал обещания. Ты оставил раны на мне, — произношу я, поворачиваясь к нему. — Нет, не на теле. А внутри. Ты убил меня. Ты забрал меня и бросил. Ты обвинил меня. Ты предал меня. Я никогда тебя не прощу...

— Мишель, прошу. Возможно, это кажется трусостью. Но откуда мне было знать, что ты ждёшь? Я писал тебе! Писал, но не отправил ни единого сообщения! Ты должна ненавидеть меня! Это правильно. Твоя ненависть верная ко мне, но и я... Я не знал, что делать. Не знал, когда мне рассказали правду, которую ты скрыла от меня. Почему? — Повышает он голос, а потом уже тише и снова. Пробегаясь по моему лицу глазами, ищет помощи, как и раньше. Только сейчас всё изменилось. Он ещё глубже засел во мне. И смотрю на него, такого красивого, одинокого и предаю себя. Ещё секунда и я брошусь в его руки, умоляя вернуть мою душу. Но боль имеет прекрасное свойство останавливать.

— Дай мне возможность, Мишель. Давай поговорим. Мишель...

— Ты недостойн объяснений, — холодно произношу я, потирая руки, которые сейчас уже чувствуются. — Ты ничего не достоин, даже разговора. Ты оборвал всё, что было между нами. И больше я не буду дышать тобой. Я не желаю видеть тебя. Я хочу забыть тебя. Я... прощай.

— Мишель...

— Нет! — Повышаю голос и, выставяя руку вперёд, отхожу от него. — Теренс. Сейчас тройной Теренс, Николас. Ты понимаешь ведь боль только так? Ты ведь там, а я больше не собираюсь идти к тебе. С меня достаточно твоей боли, Николас. Так вот ответ на любой твой вопрос и предложение — Теренс.

— Ты не можешь, — шепчет он, качая головой.

— Это ты не можешь вот так появляться и просить у меня что-то. Время ушло, Николас. И я не желаю его возвращать. Я думала, ты вознёс меня на небеса, а это был ад. Но туда я не пойду более. Нет. Не приближайся ко мне. Никогда. Ни на секунду в этой грёбаной жизни. Дай мне дышать... хотя бы дышать... без тебя... исчезни навечно из моей судьбы. Просто исчезни и оставь меня в покое. Нет! Ни за что!

Поджимает губы, больше не двигаясь. Не могу контролировать дыхания, когда разворачиваюсь и иду к дороге, на ходу стирая слёзы. Вот и всё. Но почему до сих пор так больно? Почему хочется кричать? Разрывать свою глотку и кричать? Выпустить из себя этого демона, что терзает моё сердце. Люблю ли?

Сажусь в машину и называю свой адрес, стеклянным взглядом смотря впереди себя. Потухает с каждым мигмом всё внутри. Но ненадолго. Как по амплитуде чувства

возвращаются и забирают меня в себя. Выскакивая из машины и бегу в дом, поднимаюсь в лифте, и только открываю дверь, как падаю на пол. Кричу, и меня трясёт от боли. Я до сих пор его люблю. И это так отвратительно, после того, что он сделал. Я вижу его. Сейчас. Рядом. И это больно. Всё больно. Его голос в моей голове. Эти руки, в которые упала когда-то, то сжимались, то разжимались в кулаки. Эти губы, которые он подарил мне, сурово поджатые. Эта щетина, что была мягкой... всё... помню всё до единой крупички этой встречи. Кричу от этого. Плачу. Навзрыд. Горько. Одиноко. Больно.

Это не справедливо ко мне! Жизнь меня возненавидела, она свела меня с ним снова. И я поддалась своим страхам, сказав ему, что нужен... так нужен, что это сводит с ума. Нужен каждой клеточке моего тела, каждому стуку сердца. Нужен. Воспоминания сильным ветром врываются в меня, отчего уже скулю, валяясь на полу в коридоре, и стону. Всё, как в фильме, проносится перед глазами и замирает на последнем. Он, стоящий в свете люстр. Статный. Холодный. Прекрасный. Мрачный. Этот взгляд, пронзающий моё сердце и выжимающий из него последние силы, что теплились в нём. Я не переживу это... не смогу... нужен и так ненавижу его. Себя.

Любовь не исчезла. Почему? Должна! Я заставлю её оставить меня в покое. Заставлю... а пока мне так больно.

Шестой вдох

Вытираю со лба пот и, бросая в коридор последнюю пустую коробку, смотрю на порядок в спальне и разложенные вещи. За окном уже рассвело, а я так и не ложилась спать. Только бы не плакать, только бы не вспоминать снова и снова эту встречу. Только бы не винить себя за слабость. Заняться всем, что отвлечёт, но лишь бы не сходить с ума. Уйма часов, и вещи на своих местах, а я вся мокрая от физической болезни тела. Меня разрывает изнутри, хочется выдрать волосы или ударить себя. Кажется, что и психически я нездорова. Он забрал у меня даже мой разум. Всё воспалил собой, каждую частицу тела. И по новой боль накатывает, возрождая его лицо перед глазами.

Вздыхаю и сажусь на постель, бессмысленно смотря вперёд. И что дальше? Самое страшное уже было, я видела его и убедилась, что живёт. Такой же, как раньше. Ни единого отпечатка на его лице. Ничего, что подсказало бы мне, как относится к этому. А вот я... хватит говорить, что похудела. Да, я не ем, меня тошнит постоянно от еды, и я так живу. Это его вина, что я такой стала! Его! Ещё смеет указывать мне на это! И не ему обманывать меня снова! Красивая? Красота лишь миф. Ненавижу...

Грёбанный звонок в дверь, и я рычу от злости, подскакивая с постели. Вырву на хрен его, и никто больше не припрётся!

— Кто? — Грубо спрашиваю я, не желая открывать.

— Мишель, это я. Марк, — отвечают за дверью. Надавливая на глаза пальцами, пытаюсь перебороть ненависть даже к нему. Не хочу никого видеть, слышать не хочу. Ненавижу всех. Из-за него. Из-за Николаса я стала истеричкой. Распахиваю дверь и недовольно смотрю на парня, стоящего на пороге.

— Привет. Я принёс твоё пальто. Ты вчера... я принёс, в общем, — говорит он, протягивая мне мою вещь. Злость понемногу проходит. В чём его вина? Да ни в чём. Он просто хороший.

Вздыхаю, пропуская его в квартиру, и закрываю дверь. Беру из его рук пальто и вешаю на крючок. Поворачиваюсь к нему, а он молчит, ищет, подбирает слова.

— Хреново я, Марк, — хмыкаю на вопрос, который он не решается задать.

— Так и предполагал. Видел его, а ты исчезла куда-то. Хотел предупредить... а потом догадался. Отец сказал оставить тебя в покое. Но я не вытерпел, припёрся в восемь утра. Я...

— Лишнее. Давай, не будем. Всё в прошлом. Мы поговорили, — перебивая его, обхожу и двигаюсь на кухню.

— Поговорили? — Недоверчиво переспрашивая, он идёт следом за мной.

— Чай? — Спрашивая, я включаю электрический чайник.

— Нет. Да, спасибо.

— Поговорили. Я кричала... вроде бы... ударила. Короче, хреново — вот самый верный пересказ всего, что было, — устало вздыхаю я, облакачиваясь о плиту.

— Мда. Он... что дальше? — Интересуется Марк, снимая куртку и бросая её на диван.

— Не знаю. Ни черта не знаю, — развожу руками.

— Ты...

— Не знаю, блять! Сказала же! — Повышаю я голос, складывая руки на груди.

— Для начала бы тебе переодеться и умыться не мешало. Ты в зеркало видела себя? — Указывает пальцем на мои разорванные колготки, на помятое платье, и лицо думаю не

лучше.

— Я разбирала вещи, мне было не до этого. Как ты уйдёшь...

— Давай, по-другому. Ты пойдёшь, примешь ванну, расслабишься, а я приготовлю завтрак. Уверен, ты ещё не ела. А потом... я подумал, тебе ведь надо подготовиться к тестам. Могу помочь, всё же, я проходил похожую программу. Ну как? — Перебивает меня, уверенно подходя к холодильнику и роясь в нём.

Только хочу отказаться, потому что раздражает, выводит из себя он меня, как резко меняю своё решение. Клинит меня за секунду.

— Отлично. Я была бы тебе благодарна, — мой ответ заставляет замереть Марка и повернуть ко мне голову.

— Серьёзно? Не кричишь, и не выгоняешь меня? Не хочешь одиночества? Не будем по этому поводу ругаться? — Недоверчиво спрашивает он, доставая из морозилки эти наборы для обеда, которые я так и не готовила.

— Нет, — просто отвечаю я. — С одиночеством покончено. Возвращаюсь к жизни. Все свои страхи я встретила вчера, чего мне ещё бояться? Отец мой умер, мы обанкротились. Осталось только действительно подохнуть самой, и всё будет, как в мыльной опере. Но нет, я совсем не согласна на такой расклад. Поэтому принимаю твою помощь. И я хочу двигаться дальше. Думаю, я готова, чтобы даже выпить и сходить на свидание. Не знаю. Что-нибудь из нормального. Обычного. Без тайн, без темноты, желательно без любви. Может быть, пора разрешить себе всё, что может подарить эта жизнь. Как ты думаешь?

— Я... — от моей речи Марк приоткрывает рот, а затем захлопывает его. Обескуражен моими мыслями. Усмехаясь от этого, отталкиваюсь от плиты. Если он в шоке из-за этого, то иные мои раздумья ему покажутся бредом сумасшедшей. Но я устала оттого, что все воспринимают меня, как маленькую девочку. Что он так хлопочет вокруг меня, когда лучше бы заткнулся и просто молчал. Задолбало.

— Возможно, мы сходим на свидание когда-нибудь. Может быть, займёмся сексом. Это будет или концом, или началом. Не знаю. Может быть, я забуду, что такое любить того, кого ненавидишь. Вряд ли... не знаю, Марк. Поэтому не спрашивай у меня, что дальше. Я могу предложить тебе уйму вариантов, но все они будут один хлеще другого. Не требуй от меня ответов, которые я сама не знаю. Если ты хочешь быть здесь, то стань тем, кто ты есть, а не мальчиком-клоуном для меня. Это бесит. Раздражает меня сильно. Я знаю, что ты другой. При мне тебе не надо прятать в себе настоящее я. Ты видел меня голой, с ранами на заднице от БДСМ сессии. Ты был со мной, когда я потеряла отца. Ты узнал обо мне многое, но так и не понял, что я хочу видеть настоящего, а не искусственного Кена, которым ты был для Камилл. Стань собой. Чёрт, я не знаю, зачем это говорю. Ни хрена не понимаю. Но мне необходимо было это сказать. Я устала держать в себе это всё. Если хочешь быть рядом, то будь мужчиной, а не папочкой. Мой отец мёртв.

Шумно вздыхаю и чувствую облегчение в груди. Сказала, всё подряд, что было в голове. И теперь вытянутое лицо Марка вызывает улыбку. Освободилась от части груза на плечах.

— Мишель, я и не рассчитывал на секс, — медленно произносит он. — Я...я не пытаюсь тебе заменить отца или же набиться в парни. Не отрицаю, что ты мне нравишься. Да, как девушка нравишься, но о чём-то большем я не думал. Знаю, что ты не готова к отношениям. Тем более после этого... я не садист и не как там его, доминант. Поэтому даже и пытаться не хочу. Но я услышал тебя. Хорошо, больше не спрашиваю о будущем. Живи, как знаешь.

— Спасибо, Марк. Вот это мне и нужно. Я сама хочу решать, до кого дотрагиваться, а с кем мне общаться...

— А ну-ка подожди, — резко перебивает он меня, поднимая ладонь. — Не пытаешься ли ты мне сейчас сказать, что вчера ты согласилась снова быть с этим уродом?

— Нет, — закрывая глаза на секунду, мотаю головой. — Нет. Я сказала ему, что ненавижу. Но я лгала. Лгала, чтобы защитить себя от его взгляда, от его слов. Я не знаю, что будет дальше. Не знаю, увижу ли его снова, и что будет после этого. Но хочу, чтобы ты понял — я решаю то, что лучше для меня. Ты можешь кричать, материться, обижать, даже не разговаривать со мной, но я буду делать то, что в данный момент для меня правильно. И сейчас хочу, чтобы ты остался. Мы позавтракаем, а потом ты мне поможешь с занятиями. Я хочу жить, Марк, и не жалеть ни о чём. И сейчас я не против узнать тебя больше, как мужчину, а не друга. Но не обещаю, что завтра моё мнение не изменится. Я не могу обещать тебе, что переборю себя и приму тебя, как своего парня. Хочу попробовать и ошибаться. Хочу падать и вставать. Хочу стать живой, понимаешь? Не ходячим зомби, а именно живой. Увидеть краски, хотя это будет сложно. Пробовать всё, до чего я доберусь. И если ты не согласен, то скажи мне.

— Ох, Мишель, — вздыхает он, его уголки губ подрагивают, и он ищет, что мне ответить. — Я не хочу стать утешительным призом. После Камилл я спал с каждой доступной девушкой. Это не принесло облегчения, только полное бессилие внутри. Ты пытаешься ему доказать, что можешь жить, когда это не так. Я понимаю тебя, буквально всё, что ты говоришь. Но не перебить иным мужчиной ещё неостывшую любовь к другому. Но я согласен помочь тебе хотя бы притупить её.

— Я не собираюсь становиться шлюхой, Марк, — произношу, обходя кухонный островок. — Только хочу узнать, а как это быть с другим. В моей жизни был Теренс, который умер на моих руках от передозировки. Был Люк, который жаждал денег больше, чем меня. Был Николас, который затронул всё в моём сердце и так же сильно разодрал его. Я выбираю не тех парней. Я хочу знать, а каково это — быть с беспроблемным. С таким как ты. Который заботится о тебе, принесёт суп, когда ты болеешь, который будет думать о тебе чаще, чем дышать.

— Подожди, ты сейчас всерьёз предлагаешь мне встречаться с тобой? То есть... то есть свидания, там... прогулки. Ты головой ударилась, или он вчера тебя ударил, что ты несёшь это всё? — От удивления Марк даже дышать не может, хватая ртом кислород.

— Нет, я не ударялась, и меня никто не трогал. Не знаю откуда, это появилось в голове, — пожимаю плечами. — Не могу ответить на это. Но почему бы и нет? Моя боль не ушла, она стала острее. Но вчерашняя наша встреча с ним даёт мне понять, что ничего между нами больше не воскресить. Он сказал, что был на похоронах. Сказал, что был. Но не рядом, не держал меня за руку, не утешал, не решился это сделать. И это больно тоже. Он никогда меня не любил. А моя любовь... она как гниющее мясо, только вызывает тошноту. Поэтому я предлагаю тебе быть мужчиной рядом со мной. Не знаю, что из этого выйдет. Возможно, ничего. Я не понимаю сама, что хочу. Ты идеальный принц, Марк. И я тоже хочу быть принцессой, хоть для кого-то.

— Но не в ущерб себе, Мишель. Я не против, больше, чем не против. Только я понимаю, что новые отношения не помогут тебе. Ты спрячешься за ними, за мной...

— Так я даю тебе шанс спрятать меня. Только вот воспользуешься ли ты им, решать только тебе, — перебиваю, разворачиваясь и направляясь в ванную комнату.

Сама не понимаю, как это всё сорвалось с губ, но слова сказаны и только сейчас осмысливаю их сама. Проплакав ночь и устав от боли, я иначе жить не смогу, если не попробую что-то другое. Совершенно отличное от того, что знала с ним. Очень глупо было предлагать это Марку, пользоваться им, когда я никогда не смогу ответить ему любовью. У меня нет опыта в отношениях, правду сказала — все мои парни были с серьёзными психологическими проблемами, а я их излечивала, или пыталась сделать так. Но сейчас же, я больна, и мне нужна помощь. Теперь я превратилась в Николаса, а Марк в меня. Я забрала в ту ночь его боль и теперь несу её в себе. Мне требуются изменения не во внешности, а внутри. В целях, в желаниях. И я не буду себе отказывать в этом. Не буду держать себя в руках. Кто может осудить меня? Никто. Единственный человек, которого я бы слушала — лежит в земле. Мои руки развязаны, мне нет нужды больше ходить на эти показательные вечеринки, где будет он. Я стала той, о ком мечтала всю жизнь. Обычной.

Выбираюсь из ванны, обматываясь полотенцем, и смотрю на себя в зеркало. Вчерашняя встреча с ним подтолкнула меня к решению двигаться дальше. Хоть и сложно, но я не имею права вернуться туда. Это непозволительно. Это унижительно, в конце концов. Прощать такое нельзя. Даже если любишь. Нет ни одной причины, чтобы я подумала иначе.

— К чёрту тебя, Николас. Я забуду тебя. Обещаю, что забуду, — шепчу я, смотря на своё отражение. — Ты не имеешь больше власти надо мной. Не тебе принадлежит моё сердце, а мне. Нет там тебе места. Больше нет, и никогда не будет.

Стираю рукой запотевшее отражение, выхожу из ванной и принимаюсь. Что-то сгорело, причём сильно сгорело. Ругательство и бурчание Марка доносятся из гостиной, улыбаясь этому, захожу в спальню и закрываю двери. Сбрасывая с себя полотенце, нахожу трусики, шорты и майку. Одевшись, подсушиваю волосы полотенцем и кладу всё на стул. Не знаю, какой чёрт меня дёрнул упомянуть секс. Но у меня в мыслях его даже нет. Кажется, что я никогда больше никого не поцелую, а о большем даже думать противно. Но когда-нибудь... однажды всё изменится, и я влюблюсь в другого. Хорошо бы было, если бы этим человеком стал Марк. Пусть всё идёт так, как идёт. Ни он, ни я не готовы к отношениям. Но флирт... почему бы не вспомнить, как это. И пусть сердце болит, пусть противится этим думам, но я буду бороться даже с ним, если это потребует. Я вырву эту любовь и выброшу. Я смогу.

Выхожу из спальни, двигаясь к кухне, где нахожу Марка, сидящего на стуле и сжимающего волосы.

— Как дела? — Интересуюсь я.

— Хреново. Видимо, это слово дня, — хмыкает он, поднимая голову. — Это есть невозможно. Я всё выбросил, приготовил яичницу с беконом. На третий раз она получилась. Вроде бы.

— Понятно. Тогда завтракать? — Подавляя желание расхохотаться, предлагаю я. Огибая островок, подхожу к плите и поднимаю крышку от сковородки. В нос ударяет отвратительный запах сожжённого бекона. Моргаю от этого и смотрю на непонятное варево, что вышло у Марка.

— Я заказал еду. Через двадцать минут привезут, — быстро произносит он, стоя позади меня. И мы вместе смотрим на завтрак, что так и не удалось приготовить. Хрюкаю от смеха, поворачивая голову к Марку, закрываю крышку.

— Прости, но из меня тоже повар хреновый, — кривится он.

— Ничего. Запишемся вместе на курсы, — уже смеюсь я.

— Я согласен, — кивает он.

— Отлично. Как только я разберусь с работой...

— Нет, Мишель. Я согласен на то, что ты предложила. Это не отношения, а необходимая поддержка тебе как женщине, а мне как мужчине это льстит. Поэтому завтра я приглашаю тебя на ужин, после того, как мы вместе разберёмся с твоей работой и ещё откроем тебе счёт, — быстро произносит он, ожидая от меня реакции. Но смех прекращается, как и появляется желание сказать, что я уже передумала. Или же не передумала, а боюсь, что будет больнее. Не знаю.

— Ладно, — киваю я, принимая это. Хотя не хочу, но надо. Вырваться же хочу, значит, это должно помочь.

— Хм, ладно, так ладно. Пока везут еду, ты мне покажи, что нам нужно сделать в первую очередь. Выучить, я имею в виду, — говорит Марк, стягивая свитер и оставаясь в футболке. Мой взгляд привлекает татуировка на его руке в виде компаса, что рисуют на старинных картах.

— Мишель, — отрываюсь от этого рисунка, когда в голове вспыхивают другие татуировки и мои губы на них. Закусываю губу и поднимаю голову, смотря в карие глаза Марка.

— Что? — спрашиваю я, совершенно вылетев из разговора и даже забыв, о чём он спросил.

— Конспекты или темы, — напоминает он.

— Ах, да. Темы, — медленно отвечаю я, мотнув головой, сбросив с себя ненужные воспоминания. Но губы так помнят этот вкус тела, что горят. Вытираю рот, словно только прикоснулась к упругой коже и звезде...

— Мишель, — Марк подходит ко мне.

— Да, сейчас, — бросаю я, чуть ли не отпрыгивая от парня. Направляясь к столу, присаживаюсь на стул и ищу список тем.

Почему именно эти воспоминания? Почему не другие третируют меня? Почему я напрочь забыла о боли, о том тёмном месте, наполненном насмешливыми зеркалами, алом свете... розгах...

— Хватит, — шепчу я, замечая, как уже подрагивают мои руки.

— Что? — Переспрашивая, Марк садится на диван.

— Нашла, вот, — быстро передаю ему лист, а другие складываю и кладу сбоку на стол.

— Так, посмотрим. Бухучет, финансовый менеджмент и страхование, микроэкономика по ним у тебя научные работы. А тесты у нас по социологии, психологии и информационным системам. Ну в принципе, сдадим. Что у тебя сначала: тесты или работы? — Поднимает голову на меня.

— Микро я сделала. В среду у меня информатика, к пятнице мне надо сдать финансовый менеджмент и микро. А в субботу придётся с утра прийти и написать остальные тесты. Другие работы разрешили принести через неделю, — отвечаю я, вспоминая слова моего руководителя.

— Тогда начнём. Двигайся и открывай ноутбук, — сталкивает меня со стула, что я чуть ли не падаю.

— Придунок, — ударяю его по плечу, пересаживаясь на диван и делая то, что он сказал.

— Интернет включи, без него...

— У меня его нет, — перебиваю его, поджимая губы.

— Сейчас устроим. Кто твой провайдер? — спрашивает он, доставая телефон.

— Если бы я знала, — хмыкаю я.

— Ладно, узнаем, — пожимает плечами, набирая какой-то номер.

Смотрю на него и непроизвольно улыбаюсь, когда он с лёгкостью договаривается о включении интернета, оплачивает его своей картой и к тому моменту, как привозят провизию на целый полк, у меня есть вайфай. И всё так легко из-под его руки выходит, доступные объяснения, терпение, которого у меня нет. Он занимается со мной, пока не наступает ночь за окном. Мы прерываемся, только чтобы перекусить и снова за работу. Голова болит уже от информации, но я усердно пытаюсь всё запомнить, только бы не подвести его старания. Он чертовски умный парень, смыслённый и далеко пойдёт. И красивый. Не уступает в мужской красоте ему, но ещё не созревшая эта красота. Лет через пять он будет великолепен. Думаю о глупостях, пока смотрю, как Марк потягивается, откладывая листы бумаги, где чертил мне схемы. Но почему ничего не отзывается на него? Почему же я такая холодная внутри? Это обидно, что вот он рядом, а я боюсь причинить себе боль, если дотронусь. Позволю себе изучить его бицепс и забыть о другом. Почему нет ни капли желания поцеловать его, ведь он шикарный? Несправедливо, что не мы разумом выбираем того, от которого всё перевернётся внутри, от одного только взгляда.

Жизнь злая штука, она издевается над нами. Вот кто настоящий садист. Жизнь. Она оставляет такие раны, что не заживут никогда. Она бьёт сильнее любого кнута. Она держит нас в наручниках и отдаёт ключ от них только одному.

Прощаюсь с Марком, закрывая за ним дверь и соглашаясь на завтрашнее свидание. Раз начала, то буду продолжать. Я заставлю своё тело хотеть его. Заставлю мысли повернуться в иную сторону и отыщу ключ от своих наручников, но не отдам никому. Только себе. Теперь я живу только для себя.

Седьмой вдох

Вставать в семь утра уже отвыкла. Так сложно и тяжело заставить себя подняться, когда ты напичкала себя снотворным. Голова огромная, и все вчерашние слова кажутся до идиотизма глупыми. Нет больше той уверенности в себе, что была вчера. Ничего нет, только разбитое тело и сонное состояние. Но влезаю в душ, принимая контрастный, только бы проснуться. Высушив волосы, собираю их в высокий хвост и надеваю всё чёрное, как и предполагает моё внутреннее состояние. Собрав конспекты и перекачав на флешку работу по микроэкономике, бросив в сумку диск со своими фотографиями для показательного подтверждения моих навыков фотографа, выхожу из дома. Заезжаю в «Старбакс», покупая себе кофе и круассан, а затем в копировальный центр, дабы иметь печатную версию для сдачи.

Предстояло теперь снова вернуться на занятия, кажется, что не была там вечность. В последний раз только в кабинете руководителя и то, когда были занятия. Только бы никто не видел меня. Сейчас припарковавшись на своём обычном месте, поднимаю воротник, укрываясь от холодного утреннего ветра, что должен уже скоро забыться, ведь апрель на дворе, перебегаю через дорогу, входя на территорию университета.

Ох, чёрт, почему они все смотрят на меня? Да хватит уже. Пробираюсь в аудиторию и плюхаюсь рядом с Сарой, которая увлечённо что-то печатает, и даже не замечает меня. Смотрю на подругу, которая то закусывает губу, то хмурится.

— Привет, — на ухо произношу я ей. Девушка с визгом подскакивает, вызывая мой смех, как и ещё нескольких ребят, рассаживающихся вокруг нас.

— Дура или где? — Возмущаясь, она садится на место и недовольно смотрит на меня.

— Или где, — пожимая плечами, раскладываю свои вещи на столе.

— Почему не позвонила? — Спрашивает она, уже отойдя от испуга.

— Я была занята. С Марком, — отвечаю, замечая удивление и интерес.

— И? Между вами...

— Пока ничего, но я сказала... — вздыхая, кривлюсь от воспоминаний. — Я дура, Сара, полная дура. Я предложила ему встречаться со мной.

— Ты что сделала? — Одними губами переспрашивает она.

— То и сделала. Я была слаба, мне хотелось... чёрт, да не знаю. Всё, потом поговорим, мне нельзя отвлекаться, а то отчислят, — отрезаю я, поворачиваясь к зашедшему преподавателю.

Из аудитории в аудиторию, даже на обед не иду, решая пойти и сдать работу, за которую меня хвалят и ставят плюс. Возвращаюсь, вот так шаг за шагом дыхание восстанавливается. Но всё же, моё физическое состояние оставляет желать лучшего, снова давят на меня усталость и желание закрыть глаза. Не буду больше пить снотворное, но как иначе? Если думаю о нём. Каждую секунду, прокручиваю в голове и думаю. Это невыносимо уже. Невозможно прекратить, хотя бы во время занятий нет времени это делать. Спасибо на этом.

— Мишель, — передо мной оказывается Амалия, перекрывая мне путь, когда я выхожу из аудитории с последнего предмета. По блеску её глаз вижу, что зла. Причём сильно зла.

— Привет, говорить не могу, мне надо ехать, — быстро произношу я, делая шаг назад.

— Не так быстро, подруга, — за спиной говорит Сара. Они окружили меня, явно недовольные, что избегаю их, как и не сажусь с Сарой на предметах.

— Меня Марк ждёт, мне надо счёт открыть, и ещё у меня встреча с работодателем, — мямлю я, делая шаг вбок, но они встают и туда.

— Подождут. Сейчас только четыре. Час ты нам выделишь. А ну, пошли, — подхватывают с обеих сторон за локти и тащат куда-то.

— Ладно, я сама пойду, — брыкаюсь. Отпускают меня, и не сбежать ведь. Вот чёрт!

Иду, как под конвоем, за ними, мы берём одежду и выходим из одного здания, переходя в другое. И догадываюсь уже куда. В библиотеку. Отчего-то это место стало тайным для разговоров по душам. А я не готова сейчас... ни разу не готова открываться. Мы проходим мимо стеллажей, и они толкают меня между ними.

— А теперь рассказывай. Какого хрена мой брат заявил, что у вас сегодня свидание? — Требовательно спрашивает Амалия, садясь на пол и расстёгивая куртку.

— Свидание? Ни хрена ж себе! Куда тебя понесло? — Шокировано произносит Сара, плюхаясь рядом с Ами.

— Я... я не знаю, — пожимая плечами, сажусь напротив них и облакачиваюсь о стеллаж.

— Ты решила поиграть с ним? — Зло шипит Ами.

— Нет. Я... видела его. Николаса. Там... боже, я не знаю, откуда были такие мысли. Я сама предложила Марку встречаться со мной, а ещё вроде бы и секс. Это так стыдно, сейчас очень стыдно.

— Что?! — В один голос взвизгивают они.

— Но я не собираюсь, честно. Мы просто проводим время вместе. Вчера он занимался со мной. И я сказала ему...

— Так, моего тупого брата оставим. Ты видела его? Вот поэтому Марк был такой злой! Почему я не видела его? Он был там? — Перебивает меня Ами.

— Да. Был. Вы куда-то ушли, а у меня началась паническая атака. Я выпила шампанского, и... он был там. Такой же, как раньше. Ни капли не изменился. Он пошёл за мной... догнал... я ударила его. Кричала так. А потом... он был там, — сбивчиво говорю я.

— Мы уже поняли, что он был там. Что он сказал? — Спрашивает Сара.

— Он был на похоронах. В машине. Сказал? Не помню, о чём-то поговорить хотел, или ещё что-то. Я не помню, была так зла и так больно. Просил прощения, а я... девочки, мне так стыдно. Стыдно очень, потому что я...

— Любишь его и уже простила, — за меня отвечает Ами, переглядываясь с Сарой.

— Нет. Не простила, но думаю. Это же так унижительно, — кривлюсь я от вспыхнувшей раны в сердце.

— Ты не выразишь любовь по щелчку, Мишель. Она не отпустит тебя. Если это любовь, то ни черта не выйдет, чтобы забыть его. И ты простила, давно простила, хотя это так страшно себе признавать, — взгляд Амалии выражает такую боль, что сродни моей. Вглядываюсь в девушку, думающую сейчас о своём.

— И ты жаждешь, чтобы ему было так же больно, как и тебе, всё это время. Ты будешь желать отомстить, и при этом любить. Эта любовь и губит жизни. Ты злишься, обижаешься. Это всё оборачивается против тебя. Ты делаешь неверно, потому что больно. Потому что хочешь увидеть его на коленях перед тобой и услышать — ты единственная. И ты опустишь его на колени, только вот в этот момент будет ещё больнее. Ты возненавидишь себя за это. А простить легко, если ты любишь. Есть разное прощение. Прощение, когда тебя предали, отвергли и бросили, унизили — самое опасное. Поверь, я знаю, о чём говорю. Ты не забудешь этого. Никогда. Ни секунды в своей жизни. Ты будешь жить, но мёртвая внутри. Ты

будешь спать с парнями и не чувствовать себя больше. Ты никогда его не разлюбишь, как бы отвратительно он не поступил с тобой, — девушка, моргая, переводит на меня взгляд.

— Всё может быть не так мрачно, Ами. Если он раскаивается? Искренне? И у него есть объяснения? — Хмурится Сара, поворачиваясь к подруге.

— Даже если раскаивается, то этого мало. При такой обиде, что в сердце Мишель, этого мало. Разорвать любящее сердце легко, а вот собрать его потребуется время и сильная любовь мужчины. И это не стыдно, Мишель, не стыдно простить. Стыдно признаться в этой слабости. Стыдно, что ты продолжаешь любить после предательства. Стыдно, что так хочется поцеловать его и отдаться ему. Пусть делает, что хочет. Это стыдно для нас, женщин. Стыд пройдёт, если заменить на любовь с его стороны. А если её не хватит, то тогда я не завидую тебе, — не мигая, смотрит на меня.

— Я не могу позволить...

— Позволишь, — перебивает меня. — Я позволила. Расскажу, но больше никогда об этом говорить не буду. Я прекрасно тебя понимаю, Мишель, буквально всё. Знаю, как хорошо быть одной, лелеять воспоминания и себя в них. Мне было шестнадцать, когда я поняла, что люблю мужчину. Он был старше меня на пятнадцать лет, работал с отцом. И я помню его с детства, на всех днях рождениях, на всех праздниках. Помню его девушек и свою ревность, только меня он воспринимал, как ребёнка. А мне исполнилось шестнадцать. Я пришла к нему, предложила себя. Стояла там голая и испуганная, влюблённая, а он притащил меня к отцу, рассказав всё о том, что я просила у него. Отец был в шоке, и мне было так стыдно. Стыдно до такой степени, — девушка закатывает рукава и поворачивает запястья вверх.

— Я хотела умереть, порезала вены, но Марк спас меня. Шрамы отшлифовали, чтобы никогда они не напоминали мне об этом. Мейсон больше не появлялся в нашем доме. Но я ни на секунду не забывала о нём. Я углубилась в рисование, так и жила. Через два года я встретила его в клубе. Он был один за барной стойкой. Я не сразу его узнала, и хотелось убежать, но не сделала этого. Подошла к нему, и он был так рад меня видеть. Пьяный и улыбающийся мне. А мне было всё равно, в каком он состоянии, что женат уже. Я любила его даже такого. Ту ночь мы провели вместе, как и последующую. Он признался, что испугался ответственности за меня, хотя любил. Меня не волновало, что жена тоже была в этом городе. Он был моим, обещал развестись и говорил, что будет всё хорошо. Я верила, так верила, пока не увидела его с беременной женой, как он целовал её, как улыбался ей. И я разозлилась, настолько, что подошла к ним, и всё выложила этой женщине. А потом отцу, врала и увидела, как разрушаю его жизнь. Но было так больно, когда злость и обида отступили. Когда отец разорвал с ним отношения, а Марк подрался. Тогда они искали выход уехать, переехать из этого города. За два дня до отъезда он нашёл меня и упал на колени прямо посреди улицы. Я простила за всё его, но тот человек, в которого он превратился, больше не был моим. Я до сих пор люблю его и буду любить, но сама не могу простить себя за эту месть. Его жена потеряла ребёнка, подала на развод. Он один, как и я. Когда он поймёт всё, тоже не простит меня. Поэтому, Мишель, обида и злость за прошлое не поможет тебе никогда. Любовью можно убить и воскресить. Ты простила Николаса, давно простила, но признаться себе сложно. Ты саму себя не можешь простить за это.

Амалия замолкает, Сара стирает слёзы, а я смотрю на девушку, и не могу поверить, что это произошло с ней. Ничего не выдавало в ней этой боли, которую она несла в себе. Только сейчас я увидела её, в каждом слове, в каждом надорванном вздохе. И она не плакала, только грустно улыбалась, неотрывно смотря в мои глаза. Поэтому она так понимала меня.

— А где он сейчас? — Спрашивает Сара всхлипывая.

— Не знаю. Ничего о нём не знаю. Отец запретил ему приближаться ко мне, даже постановление суда есть. Я разрушила несколько жизней, убила ребёнка. И мне прощения нет, это я понимаю...

— Но он тебя простил. За всё простил, потому что любит. Прощения заслуживает каждый, — говорю я.

— Даже Николас? — Усмехается она, а я поджимаю губы, опуская голову.

— Нет.

— Так где твоя правда, Мишель? Ты не можешь простить его, точнее, себя и выслушать, потому что имеешь двойные стандарты. Да, я помню, как он избил тебя. Но давай посмотрим правде в глаза. Диск с записью так и не был отдан твоему отцу. Николас считал, что ты его предала, рассказав газетам. Он не хотел тебя отпускать, он тематик, Мейсон тоже любил это. Наручники, кляпы, шлёпалки, и это мне нравилось. Нравилось, когда он это делает. Он не знал о том, что ты ни при чём в этой истории. На твоём месте я бы рассказала ему, но ты решила иначе. И никто не вправе осуждать тебя за то, что ты хотела огордить сестру, которая даже этого не заслуживает. Ты ждала его, по какой причине? Потому что уже простила, и только он мог бы снять с тебя печаль и горе. Только он может помочь тебе. Эта связь, её не разрушить. Хотя бы объяснить он имеет шанс, а дальше смотри сама, чего ты хочешь. Но не впутывай моего брата в эту игру. Николас Холд в гневе страшен, это я знаю наверняка, а ты подставляешь под удар Марка. Нет, я не виню тебя и не осуждаю. Ты пытаешься заменить одного на другого. Я не дура, Мишель, давно смекнула, что Марк напоминает тебе Николаса. Только не получится, подмену сразу различит твоё тело и сердце. Попробовать, конечно, можешь. И я даже буду двумя руками «за», если у вас всё получится. Но увы, я знаю, что ни черта не выйдет. Вы используете друг друга, как замену. А из этого ничего хорошего не родится. Развлекайтесь, но проблему придётся решить. Подумай, Мишель, чего ты действительно хочешь. Я не толкаю тебя принять Николаса, даже против этого. Но любовь выбрала за тебя все твои шаги заранее. Привыкни к мысли, что ты простила. Привыкни и станет легче. Хочешь, изведи его до того сумасшествия, в котором ты сейчас живёшь. Он станет больным тобой, если уже не болен. Дать шанс никогда не поздно, всегда можно уйти. А вот вернуться может быть просто не к кому. До завтра.

Амалия подсказывает с места, хватая сумку и куртку, оставляя меня в совершенно разбитом состоянии. Я переварить не могу, как точно она описала всё, что я прячу от себя. Смотрю на Сару, так же поражённую откровением, и не могу ничего сказать.

— Мишель...

— Иди за ней. Помоги ей. Воспоминания причиняют боль, помоги ей сейчас. А я подумаю, мне есть над чем подумать, — перебиваю её, указывая головой на выход из стеллажей.

— Но ты...

— Со мной всё хорошо. Относительно хорошо. А вот она... это слишком тяжело, так холодно говорить о любви. Это требует силы, а сейчас она иссякла. Иди за ней. Завтра встретимся, — толкаю её, чтобы пошла за девушкой. Сара, поднимаясь, быстро чмокает меня в щёку и уходит на поиски подруги.

Чёрт возьми, она так права. Я уже простила его, а вот признаться стыдно. Переступить через себя не могу себе позволить, это не передаваемо. Просто существует барьер, он прямо в сердце и не разрушить его. Да, я очень хочу наказать его, как он это сделал со мной. До

боли хочу увидеть его такого же сломленного, какой была я. Это желание такое ядовитое, оно заполняет всю меня. Не даёт думать в другом русле, оставляя после себя огонь и раны. Проще просто забыть. Не вести всё к критической точке, после которой никто не останется живым. Забыть сложно. Но время лечит. Лечит ли оно? Сколько должно пройти часов, недель, месяцев, лет?

Жужжание мобильного отрывает меня от раздумий, достаю из кармана пальто и смотрю на номер Марка. Амалия и в этом права. Он такой хороший, замечательный парень. Зачем я это сделала? Надо поговорить с ним и объяснить всё.

— Да, — вздохнув, отвечаю я, поднимаясь с пола.

— Ты где? Я жду тебя, — спрашивает Марк.

— Уже выхожу. Прости, меня задержали, — вру я, и забрасывая сумку на плечо, выхожу из-за стеллажей.

— Отлично. Буду ждать тебя прямо в приёмной, скажи, что ко мне, и тебя проведут сотрудники.

— Хорошо, — спускаюсь по лестнице.

— Тогда до встречи.

— Пока, — выключая звонок, выхожу из библиотеки.

Ненавижу эту жизнь, которая превратила меня в непонятное существо, что не может дышать и жить. Ненавижу всё вокруг меня. Ненавижу себя за это. Ненавижу себя за эту любовь.

Бреду к своей машине, доставая ключи из сумки. Перебегаю дорогу и иду по дорожке, смотря себе под ноги, подбирая слова, что скажу Марку. Надеюсь, он поймёт меня. Поймёт, что психически я не стабильна, и мои желания такие же. Вздыхаю и поднимаю голову, палец замирает на кнопке блокировки машины. Дыхание теряется, не могу двинуться, смотря на мужчину, облокотившегося о «Мерседес». Не сейчас... да что же это такое? Почему в самые разорванные моменты моей жизни я теперь вижу его? Почему так жестоко?

— Отойди, — могу только вымолвить я, всё же, нажимая на кнопку, и машина издаёт писк, встречая меня вспышками фар.

Николас не двигается, сверля меня карими глазами, прожигая дыру во мне. Дышать сложно, смотреть на него не могу, слова Амалии крутятся в голове. Простить. Стыдно. Безумно больно. Отвожу взгляд от его мрачного лица, проходясь глазами по кожаной куртке, чёрным джинсам и ботинкам.

— Чёрт возьми, уйди, — цежу я, но не двигаюсь. Не могу подойти, не могу дотронуться до него, даже оттолкнуть нет сил.

— Здравствуй, Мишель, — его спокойный голос достигает моего сознания, полностью срывая остатки самообладания и мыслей.

— Не хочу желать тебе того же, Николас. Поэтому прошу, отойди от моей машины, — произношу сдавленно, опасно и даже трусливо. Делаю шаг, но он не двигается. Злит меня это. Злит, потому что больно. Злит, потому что так люблю его. Сердце болит, физически болит.

— Нет, — одно слово, и я вскидываю подбородок, встречаясь с потемневшими глазами. О, я знаю этот взгляд, он сорвёт всю кожу с меня, оставит обнажённой и страдающей. Эта сила, что в нём, касается меня даже на этом расстоянии.

— Что ты хочешь? — спрашиваю я.

— Я не хочу, Мишель. Я требую, чтобы ты поговорила со мной, — тембр, что отдаётся шумным вздохом во мне, заставляет дрожать. Именно дрожать от этого повелительного наклонения. От него.

— Николас, уйди. Время разговоров прошло. Тем более требовать, ты не имеешь никакого права. Оставь меня, — голос пропадает, шепчу. Отталкивается от машины, делая шаг ко мне.

— Теренс, — дрожа, хриплю я, не имея возможности даже шевельнуться. Прочищаю горло, но даже это не помогает снять напряжение, что сковывает меня полностью.

Уголок губ его приподнимается в насмешке над этим словом, глаза пропускают опасный блеск, и он подходит практически вплотную ко мне. Сглатываю от этого, губы сухие. Облизываю быстро их, смотря в его глаза, которые уже тянут в свою глубину. Как же необходимо мне сладкое. Шоколад. О, господи, в голове шумит. Слышу его ровное дыхание и своё, рваное, быстрое. Он видит всё, что творится со мной, и это ему нравится. Нравится настолько, что накаляет воздух, трещащий вокруг него.

— На меня это больше не действует, Мишель, — шёпотом произносит он, склоняясь к моему уху. Меня накрывает аромат его кожи, что так близко ко мне.

— Хочешь знать почему? — Запах его одеколona проникает в меня и сжимает всё внутри, до болезненного возбуждения, которое неизвестно откуда рождается в моём теле.

— Завтра в шесть часов я поделюсь с тобой этим, и не только. Сразу же после твоих занятий, я буду ждать тебя здесь. Отказа я не принимаю, не заставляй меня применить силу. А я это сделаю, — шепчет он, опалая своим горячим дыханием моё ухо. Закрываю глаза, а по телу проходит острая волна.

— Кнут и розги. Не удивлена, что ты упомянул о них, — низко отвечаю я, распахивая глаза. Приподнимает голову улыбаясь. Его лицо так близко, очень близко. Ещё немного и дотронется до меня. Даже забыла, как он красив, когда улыбается. Как собираются мимические морщинки в уголках его глаз, полностью преображая его. И ни разу не коснулся меня, а я чувствую, как трогает каждый сантиметр моей полыхающей кожи. Чувствую, как ласкает меня руками, и это иссушает. Провожу языком по губам и тону в его глазах. Сейчас упаду от дрожи в ногах.

— Кляп и наручники на ноги и на руки, пока ты будешь сопротивляться. Когда я привезу тебя в ресторан, ведь тебе будет спокойнее именно там, сниму с тебя это. Но было бы лучше, если бы мы поехали ко мне. Затем можешь кричать, можешь даже драться, мне всё равно, как это будет выглядеть на людях, и что напишут в газетах. Мне плевать на них, но ты выслушаешь меня, — уверенно говорит он.

— Ни черта, — шепчу я, быстро дыша.

— Ты выслушаешь меня, я сделаю всё для этого, — кивает он на свои слова.

Не замечаю, как его рука поднимается и дотрагивается до моей щеки. Вздрагиваю и закрываю глаза от сильнейшей вспышки в глазах. Боль прорывается изнутри, и не смею открыть их. Замираю. Не дышу. Он нежно проводит по моей щеке костяшками пальцев, разрывая вновь меня, возвращая воспоминания, где была боль и ненависть. И это всё комом застревает в горле.

— Вернись ко мне, крошка. Вернись. Я буду ждать тебя завтра, только позволь мне изменить всё. Я скучаю, — до воспалённого разума достигает шёпот Николаса, сердце срывается с тормозов и бешено отвечает ему. Ещё немного и разревусь. Ещё немного и приму всё. Но резко становится очень холодно, ледяной воздух кружится вокруг меня. Распахиваю глаза, и никого нет.

Оборачиваюсь, и только незнакомые люди проходят мимо меня, а щёку до сих пор покалывает от его прикосновений. Не понимаю ничего, но так больно внутри и одновременно хорошо. Мотаю головой, подбегая к машине, и забираюсь в неё, закрывая дверь.

— О, господи, — шепчу, сжимая волосы руками.

Он сказал это? Или нет? Это игры моего разума или же, правда? Задыхаюсь от этого, растираю лицо, только бы снять с себя непонятный дурман от этой встречи. Нет, я не готова. Не готова видеть его, пока не разберусь в себе. Не могу. Боже, да я даже возбудилась, пока он был рядом. Откуда это всё? Да за что? Вернуться? Ни за что... никогда... скучает. Чёрт! Чёрт! Миллион раз чёрт, разрывают меня эти слова. Мучают и изводят.

Мобильный телефон звонит в кармане, а я ответить не могу. Меня трясёт. Завожу мотор, чувствуя вибрацию. Да везде она. Зачем ты появляешься, да ещё и говоришь это? Ни за что завтра меня не будет здесь. Точно знаю это. Нет. Не будет. Я придумаю, как избежать этого. Пусть делает, что хочет. Но не могу я... неужели, не понимает? Неужели, плевать на то, как я чувствую себя сейчас, после этой встречи? Я ещё от той не отошла, а тут новая.

Ударяю по рулю и концентрируюсь на том, что должна ехать. Но как в таком состоянии, вообще, двигаться? Должна. У меня своя жизнь, а не его... нет... никогда.

Снимаю ручку с нейтралки и выруливаю с парковки, вспоминая, как доехать до банка. Надо успокоиться, это требуется. Но как? Да никак. Переживать внутри себя бурю, что снова бушует в душе и вести машину, выскочить из неё и быстро войти в здание банка. Встретить взвинченного Марка и на ходу сочинять, что задержали снова. Господи, как отвратительно это.

Заполняю бумаги, даже не слушая Марка, который что-то объясняет мне, говорит пароли и какие-то слова. Прошу записать мне всё, даже руки трясутся, держа ручку. Расписываюсь. Наконец-то, с этим покончено и теперь предстоит поехать к человеку, готовому рассмотреть меня в качестве работника.

Фотостудия располагается в районе Сикс Пойнт, что довольно ощутимо по расстоянию от университета и моей квартиры. Но ничего, если меня возьмут, то полчаса пробок, а то и больше, будут казаться ничем. Еду за Марком, объезжающим «Инслингтон»² и заезжающим на Киплинг-авеню. Аренда зданий здесь высока, кручу головой, медленнее двигаясь за машиной Марка, пока он не останавливается у невысокого двухэтажного здания в ярком бело-красном цвете, мигает мне фарами, показывая, что тут нужно повернуть. Мы въезжаем на небольшую, личную парковку и ставим машины. Выбираюсь из своей, удивлённо разгадывая здание и вывеску «Elite look», блокирую машину и подхожу к улыбающемуся Марку.

— Ты сказал, что это небольшая фотостудия, — напоминаю я.

— Выходит, что она большая. Я сам здесь в первый раз. Пошли, нам нужно найти Дэйва Кёртис. Он и есть владелец этого, — пожимает плечами Марк. Иду за ним к крутящимся дверям, и мы входим в небольшой холл, где нас приветствует девушка. Марк всё объясняет ей, а я, озираясь, отмечаю, что это место именно такое, каким бы я хотела видеть собственную студию. Светлые стены, множество фотографий, развешанных по ним, уютные диванчики и каталоги, столик с чаем и кофе. Располагает остаться здесь и посмотреть, что ещё может предложить это место.

— Ага, второй этаж. Комната восемь. Спасибо, Эйприл, — тем временем говорит Марк, берёт пропускные жетончики, и мы проходим к двери, прикладывая их. Дверь издаёт писк, Марк распахивает её передо мной. За ней длинный коридор и тоже двери, также висят фотографии, и пол замысловато уложен множеством цветных камушков, в стиле 3D. Это не просто обычное место, оно элитное. Господи, за что такое счастье?! И наверное, здесь работают профессионалы своего дела. Точно мне тут не место. Любителю чёрно-белых фото.

Усмехаясь от своих мыслей, поднимаюсь за Марком на второй этаж, и мы вновь прикладываем жетоны, чтобы оказаться в таком же холле, как и внизу. Девушка в элегантном брючном костюме, поднимается со своего места и Марк ей объясняет, зачем мы здесь. Она с улыбкой показывает на коридор и самую последнюю комнату, где должен быть мистер Кёртис. Меня внутри потряхивает от этой встречи. Неуверенность в себе сказывается, как и страх, что и тут мне не найдётся места.

Но зато Марк уж очень уверен во мне, постоянно улыбается и подбадривает, пока мы идём по коридору. Открывает дверь, и я оказываюсь в комнате с множеством мониторов и большим экраном на стене, где двигается мышка, показывая, как сейчас, человек за пультом оформляет и корректирует фотографию, с улыбающейся парой влюблённых. Отвожу взгляд от этих счастливых лиц, пропуская тот момент, когда к нам уже идёт мужчина. Высокий, с распущенными, русыми, кудрявыми волосами ниже плеч и лёгкой щетиной. Его голубые глаза блестят от возбуждения из-за этой встречи, да и вид его своеобразный. Синие

спортивные брюки, красная футболка с логотипом хоккейной команды, ядовито-зелёные кроссовки, ну никак не вяжутся с владельцем этого места. На вид ему около сорока.

— Добрый вечер, Дэйв. Я Марк Ллойд, а это Мишель Пейн. Рик, надеюсь, предупредил вас о нашем вторжении, — деловито произносит Марк, протягивая рассматривающему меня мужчине руку.

— Добрый вечер, ребята. Да, конечно. Я ждал тебя, Мишель. Ко мне можно обращаться по имени. Не нужно, а я настаиваю. Просто Дэйв. Для начала хочу посмотреть, что у тебя есть, а потом обсудим всё, — быстро отвечает он.

Теряюсь. Быстро киваю и копаюсь в сумке. Руки дрожат от этого звонкого и весёлого голоса. Я же ожидала оценивающий взгляд хотя бы ещё минут десять, пустой разговор столько же, вопросы о том, что я ожидаю. Да всё что угодно, но не сразу приступить к делу. Это мне нравится. Должна признать, что очень нравится, как этот мужчина со знанием дела берёт у меня диск и подходит к парню, работающему на компьютере. Простит его освободить место, чтобы все присутствующие увидели мои фотографии. Никогда и никто не говорил ничего об этом. Это ведь было моё тайное увлечение, а сейчас... ещё секунда и несколько парней, которых я сразу не заметила за другими мониторами, увидят это. Опускаю голову, заставляя себя дышать и побороть чувство паники внутри.

— Всё будет хорошо, — шепчет Марк. Поднимаю на него голову, выдавливая улыбку, и киваю. В полной тишине одну за другой Дэйв просматривает фотографии, приближает некоторые, а другие соединяет в замысловатые коллажи. Смотрю на его лицо, не выражающие ничего, он полностью занят просмотром, а у меня уже мандраж. Покусываю губу, ожидая вердикта. Даже глотать не могу, сухость внутри сводит.

Дэйв вытаскивает диск и встаёт, кивком головы показывая парню возвращаться к работе. Подходит к нам и передаёт мне диск. Чуть не роняю его из-за мокрых ладоней. Вот и всё, я не подхожу им, не имею опыта или же, скажут прийти позже. Грустно улыбаясь, прячу диск в сумку. Больше никогда и никому не покажу свои фотографии.

— Ты у нас портретистка. Поэтому начнём с портфолио моделей. У нас они каждый день, — говорит Дэйв. Резко поднимая голову, удивлённо смотрю на него. А он уже идёт к двери, открывает её и указывает рукой направляться за ним. Переглядываемся с Марком и движемся за мужчиной.

— Модельные пакеты у нас имеют разную категорию. Минимальный. Эконом. Расширенный. Полный. Цены варьируются в зависимости от категории, — тем временем говорит Дэйв, двигаясь по коридору и открывая дверь с номером двенадцать.

— Временное ограничение и подборка образа тоже отличаются, — щёлкает на кнопку, и комната озаряется светом, где стоят всевозможные приспособления для фотографа. Свет, задние фоны, модельное место, место для отдыха и тут же компьютер.

— Какая у тебя фотокамера? — спрашивает он.

— Я... — чёрт, и вновь воспоминания прогулки появляются в голове, подарок Николаса. Жмурюсь от этого. Не сейчас.

— Я разбила свою фотокамеру, но планирую купить новую в скором времени, — произношу.

— Сдам в аренду тебе «Кенон». Это твоё место работы. Здесь мы снимаем моделей. Делаем им портфолио. Срочное и обычное. Завтра у нас три съёмки в этом стиле. Неделя испытательного срока. График плавающий, мне нужно качество, а не количество. Я учу сам, а ты пока сыровата. Но есть потенциал, завтра я научу тебя, как настраивать резкость и

искать ракурс. В пять часов у нас минимальный пакет, начнём с него. Зарплата каждый день — пятьдесят процентов от стоимости пакета. Твоё портфолио собирается в отдельный файл и будет расположено внизу, где клиенты выбирают, как и в интернете. И также сделаем твоё фото для представления фотографа. Минимальный пакет у нас триста пятьдесят долларов. Думаю, ты сама можешь подсчитать, сколько ты получишь завтра. Вот такие дела, Мишель. Что скажешь? — поворачивается ко мне.

А я в шоке от такого предложения, хочется смеяться и плакать. И даже его оценка не трогает меня, а только счастье внутри.

— Да. Спасибо. Да, конечно. Я буду стараться, обещаю вам, — шепчу я, улыбаясь мужчине.

— В этом я не сомневаюсь, — мягко отвечает он. — У Линды возьми документы, которые надо заполнить. Свой график обучения в университете тоже впиши, чтобы мы могли подбирать для тебя работу и не срывать съёмки. Если покажешь себя хорошо за неделю, то будешь работать со мной. Мне необходим личный помощник на выездных мероприятиях, а их очень много. Жена ругается, что я люблю фотографию больше, чем её. Тебе повезло, что всё же, свою жену я люблю больше, Мишель, — смеётся он. Да я ещё отойти от шока не могу, а Дэйв общается со мной, как со старой подругой.

— Всё ребята, был рад познакомиться с вами. Марк, — пожимает руку парню. — Мишель, до завтра.

Треплет меня по плечу и выходит из комнаты, оставляя нас наедине. Так быстро. И так чётко.

— Я же говорил, — радостно говорит Марк.

— Поверить не могу. Боже, у меня есть работа! Боже мой! Спасибо тебе! — Шепчу я, смотря в его горящие счастьем глаза.

— Вот и хорошо. Возьмём документы и ужинать.

Мы выходим из комнаты, закрывая дверь, и подходим к девушке, оказавшейся Линдой. Поздравившей меня со вступлением в ряды безумных идиотов, что здесь работают. Она так быстро пытается рассказать мне обо всех, а я только моргаю, даже не понимая, кто есть кто. Огромная информация, которую она сбрасывает на меня, путает меня. Марк останавливает девушку и просит документы, которые через несколько минут я укладываю в сумку. Мы прощаемся и выходим, быстро спускаясь по лестнице и прощаясь с Эйприл, сдаём жетоны.

— За мной, я выбрал отличное место, — бросает мне Марк, запрыгивая в машину.

— Ага, — киваю я, радость проходит, ведь теперь остаётся разговор с Марком.

Забираюсь в машину и завожу мотор, двигаясь за Марком. Чёрт, так и не нашла слов, чтобы извиниться за вчерашнее. Меня не волнует, какое место это будет, да хоть парковка, но надо прекратить это безумие внутри. А, может быть, хватит поддаваться ему, Николасу? Может быть, он этого и ждёт, что снова стану глупой и доверчивой, летящей к нему и всепрощающей? Сколько я ему простила, потому что любила. И сейчас то же самое? Да ни черта! Я не собираюсь просто так сдаваться, только ощутив забытую нежность. Всё это игра, чтобы добить меня. Не верю больше. И не хочу этого делать. Нет, и всё. Пусть видит, что я не одна. Теперь у меня есть работа, есть обязательства. И он больше не стоит на первом месте у меня в мыслях. Есть Марк. Чёрт, но и это неправильно...

— Мишель, так что ты будешь? — спрашивает Марк, откладывая меню.

— А... не знаю. Ещё не выбрала, — моргаю, возвращаясь в ресторан.

— Тогда, ты не против, если я это сделаю? — интересуется он, чем вызывает во мне

вновь болезненные воспоминания.

— Нет. Не против, заказывай, — уверенно, даже облегчённо отвечаю я и выдавливаю из себя улыбку. Хватит, это прошлое. Да, там было хорошо, не всегда, иногда... очень редко, а сейчас всё иначе. Я изменилась, полностью изменилась и не дам ему снова заполнить мой разум собой. Нет. Борись. Борись и будет всё хорошо, тогда выиграешь у себя же собственное сердце.

— Нам карпаччо из лосося две порции, лобстера на каждого и бутылку негазированной воды, — чётко говорит Марк.

— Пойдёт? — Обращается ко мне, когда официант забирает меню.

— Более чем, — киваю я.

За столом повисает неловкое молчание, пока я смотрю на него и решаю, что делать. Отказаться или идти дальше? Прекратить этот фарс и игру с самой собой или заставлять себя забыть? Попробовать, как и хотела?

— Очень красивый галстук, — выпаливаю я.

— Спасибо, — неловко отвечает он.

— Глупо как-то, — улыбаюсь я, решая не в пользу себя, а пользу будущего. Буду прятаться за Марком. Мне страшно снова возвращаться... возвращаться больно. Я не вытерплю.

— Это точно. Но это обычный ужин и мы друзья, а что получится, пусть решит время, — пожимает он плечами, даря мне расслабление.

— Амалия сегодня рассказала кое-что, — вспоминаю я. Его плечи напрягаются, и он садится ровнее.

— Снова о моей симпатии к тебе? — Улыбается он, но это выходит наигранно.

— Нет. О том, что было в Оттаве. Это ужасно, — говорю я.

— Чёрт. Не предавай её, Мишель. Она никому этого не говорила, даже не вспоминала. Но да, те годы были отвратительными. Я покрывал её встречи, мне так хотелось верить, что действительно он её любит. А потом... мне жаль его. Он любил мою сестру, но она закрылась от него. Она сама потребовала, чтобы мы переехали. Она обещала снова... — Марк замолкает, закрывая глаза, и печаль появляется на его лице.

— Покончить с жизнью, — заканчиваю за него.

— Да, — открывает глаза, и вижу, как блестят они от слёз. Слёз боли за сестру. Боже, он такой невероятный. Пожалуйста, дай полюбить его... полюбить всем сердцем.

— Поэтому ты постоянно был со мной? Ты думал, что и я это сделаю? Чтобы успеть спасти меня? — Спрашиваю я.

— Это зрелище... столько крови, столько боли, и всё в пустоту. Да, я боялся, что сорвёшься. Даже с отцом поделился, но он отчего-то был уверен — ты этого не сделаешь. Не поверил. А сейчас увидел, как ты отличаешься от моей сестры. Ты сильная и хрупкая одновременно. Глубже, чем хочешь казаться. Тогда... у Сары, я искал тебя, Амалия сказала, где ты. И увидел это... уже видел. На Амалии. Спрашивал, что это. Эти синяки на спине и ягодицах, синяки на шее. Думал, что бьёт. А оказалось, это такое развлечение, которое я никогда не пойму. Зачем? Скажи мне, что в этом такого? Чем это привлекает? — Смотрит в мои глаза, а я не могу выдержать этот взгляд, переводя его на скатерть.

— Дело не в ударах и боли. Дело в том, кто это делает. Не объяснить, что приносит с собой эта практика. Да и я неспециалист в этом. То, что видел ты, было наказанием. Оно не должно было принести мне удовлетворения. Он наказывал меня за то, что я предала его. За

мою глупость, за всё, что я не сказала. Это был ад, который живёт в нём. Он одарил меня им и оставил. Я ушла, не помню ничего из того, что говорила. Просто вырваны эти воспоминания, — вздыхаю я, закрывая на секунду глаза, чтобы пережить это вновь.

— А если не наказание? — спрашивает он.

— Если нет, — открывая глаза, поднимаю голову на Марка. — То это незабываемо. Это настолько прекрасно, что не передать словами. Ты чувствуешь всё, даже больше, чем можешь. Ты разрываешься и собираешься вновь и это так мягко, что наполняет тебя всеми красками мира. Дело не в боли, а в том, что ты полностью принадлежишь ему. До кончиков волос, а он играет на струнах твоего тела. Эта власть, которой он наполняет тебя, даёт силы. И за всё время он ни разу не причинил мне плохую боль. Только раз. Последний. Критический. Не могу больше, — запускаю руку в волосы.

В этот момент приносят наши закуски, и я благодарю за эту возможность передохнуть. Заставляю себя взять в руки приборы, и попробовать рыбу, тающую во рту. Но больше двух ложек, нет возможности съесть, начинает тошнить.

— Ты любишь его. Так сильно, что даже я чувствую это. Ничего у нас не выйдет, Мишель. Не надо мучить себя, — неожиданно произносит Марк. Поднимаю на него голову, а он мягко улыбается мне.

— Но...

— Подожди, послушай. Ами не смогла справиться с таким наплывом эмоций, а ты можешь. Раньше я думал иначе, а сейчас увидел, как загорелись твои глаза. Вчера они были безмолвными. А в этот момент они блестели, да так ярко, что могли ослепить любого. Ты любишь и будешь любить, несмотря ни на что. Только прошу тебя об одном — не унижай себя. Заставь его покаяться так, чтобы ты была уверена — это не повторится. Заставь его добиваться тебя. Заставь быть таким, каким любишь ты его.

— Что? — Переспрашиваю я, обескураженная словами Марка.

— Ты не отпустишь его. И он тебя тоже. Я видел его. Видел вас там, рядом с дорогой. Но решил не мешать, посмотреть. Он стоял и смотрел, как ты уходишь. Стоял долго, а я вернулся обратно, чтобы продолжить свои наблюдения, возможно, хотел набить ему морду. Кулаки так и чесались. Он не вернулся в зал. Думаю, он знал, что ты придёшь. Возможно, хотел увидеть тебя. Я не знаю его, но помню ту встречу. Вы так похожи. Чёрт возьми, невероятно просто. Только вот он учится у тебя, а ты у него. Вы питаете друг друга, а сейчас... уверен, он жалеет обо всём. Поэтому заставь его любить тебя больше, чем ты его. Заставь признать это, и тогда ты будешь жить. А без него, как бы мне ни было это неприятно признавать, ты потухнешь, — откладывает приборы, пока нам меняют блюда. Смотрю на него во все глаза и не верю, что это говорит Марк. Не верю, что это всё так выглядит со стороны. Сердце сжимается от ментально очнувшегося чувства, словно его призвали. Что-то ломается внутри, пока я внимаю в себя его слова.

— Я долго думал прежде, чем сказать это, — продолжает Марк, когда официант уходит.

— Я не прошу тебя прощать его ментально, но бороться за себя прошу. Ты ценный приз для него, так покажи это. Покажи, что так просто он не вернёт твою любовь. Пусть докажет, что можно ему доверять, — повторяет мои мысли и это обескураживает ещё больше, что я задерживаю дыхание.

— Мужчина должен бороться до конца за свою женщину. А ты легко ему досталась. Но теперь в твоих силах показать, что ты достойная даже войны против всех женщин. Ведь поначалу именно ты вела бой со всеми за него. Настала его очередь. Пусть покажет себя, весь

свой арсенал, прежде, чем ты вернёшься к нему окончательно. Даже хороший секс не поменяет того, что он должен будет за тебя бороться до смерти. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду. Даже когда не рядом. Бороться за право быть достойным тебя и твоей любви. Бороться против себя, но отвоюет свою любовь, если она настоящая. Вот именно такой мужчина тебе нужен. Если будет нужна моя помощь, то я всегда готов быть красной тряпкой для быка или же пикой, которая будет его колоть в зад.

— Не верю, что ты это сказал, — шепчу я.

— Сам не верю, но, видимо, моё предназначение ходить рядом с болью и не чувствовать её. Я, правда, очень долго думал, прежде чем сказать это. Хотя я эгоистичен и хотел бы не говорить. Но внутри что-то не позволяет мне поступить иначе. Не могу перебороть себя, вот и решил сейчас, пока не поздно. Конечно, мы могли бы и дальше притворяться, что встречаемся. Да и переспать могли бы. Ты не получила бы никакого удовольствия, кроме грязи. А я бы кончил, чувствуя себя последним подонком. Зачем это нам? Ты нравишься мне, но я не тот, с кем твои глаза будут гореть, и улыбка будет согревать любовью. Теперь у тебя есть работа. Ты самодостаточная девушка. От продажи квартиры у тебя будут деньги, и я уверен, что ты — не транжира. У тебя всё будет хорошо. А вот как ты будешь жить с болью, не представляю. Хочу, чтобы ты сняла её с себя, понимаешь? Она не даст тебе двигаться, поэтому подумай над тем, что я сказал. Думай столько, сколько необходимо. Если нужна помощь, то я всегда рядом. Ты всегда можешь спросить у меня. И думаю, есть ты не хочешь. Поэтому поезжай домой, а я оплачу счёт, — говорит он, улыбаясь мне.

— Спасибо тебе, Марк, — после минутного молчания произношу я. — Я подумаю, обещаю. Но не сейчас очень устала от этой эмоциональной войны внутри. Борюсь каждую минуту с собой, и это отнимает столько сил.

— Понимаю. Хотя вру, ни черта не понимаю. Иди, детка, отдыхай. Завтра позвоню, — смеётся он.

— До завтра, — улыбаясь ему, беру сумку. Подмигивает мне, и я улыбаюсь, разворачиваясь, иду к гардеробу. Хоть он, и Амалия полностью правы, но мне нужно время, чтобы смириться с тем, что я чувствую сейчас. Ведь внутри меня полный сумбур из эмоций, ненависти, любви, пустоты и гнетущей раны на сердце.

Добираюсь до дома полностью выжатой от разговоров, от радости о наличии работы, от встречи с ним. Устала. Невероятно устала. Одна часть моей жизни понемногу налаживается, когда другая всё больше тонет в сомнениях и желаниях. Это ужасно. Страшно встретиться и услышать его голос снова. Терпеть обиду и болезненную любовь, слушая объяснения. Да ничего он мне не скажет нового! И я знаю, что это не исправит внутри меня гамму чувств, только прибавит ещё большее отторжения от себя.

Не успеваю я войти домой и закрыть дверь, как тут же раздаётся звонок. Хмурюсь и открываю дверь, приподнимая брови от удивления, смотря на стоящего парня в форме посыльного с пакетом.

— Мишель Пейн? — спрашивает он, проверяя что-то на портативном маленьком планшете.

— Верно, — медленно отвечаю я.

— Это вам. Распишитесь, — с улыбкой передаёт мне планшет, где я пальцем вывожу свою подпись и возвращаю ему. Беру из его рук пакет и захопываю дверь.

Что это такое? Включаю свет в коридоре, а затем уже в гостиной, ставя пакет на стол. Заглядываю в него и достаю что-то тёплое и объёмное в белой упаковке. Разрываю её, и

в круглой ёмкости плещется суп. Самый настоящий суп, да ещё горячий. Моему удивлению нет предела. Что за фигня?

Заглядываю в пакет, и на дне лежит свёрнутый лист. Достаю его, тысяча мыслей пронесется в голове, пока разворачиваю.

«Я требую, чтобы ты поела. Живо, крошка», — написано таким знакомым почерком, что дыхание перехватывает, а лист падает из рук.

— О, господи, — шепчу я, смотря то на суп, то на записку. Это он. Николас. Он преследует меня и продолжает следить. И должно это вызвать радость, ведь это забота, но так больно, что опускаю голову и только могу расплакаться. Жестоко вот так делать вещи, которые предполагают надежду. Жестоко по отношению ко мне, ведь больше нас нет.

Чёрт бы его побрал!

— Привет, — говорю я и сажусь к девочкам за обедом. Смотрю на Амалию, улыбающуюся мне, словно ничего не было вчера. Так прятать в себе боль надо уметь. Уважаю её ещё сильнее, чем раньше. Ближе она мне, чем раньше.

— Привет. Поздравляем с новой работой, — улыбается Сара.

— Пока испытательный срок, но я надеюсь, — кивая, открываю трубочку и вставляю в пакет с томатным соком.

— Надо это отметить. Выпьём? — спрашивает Ами.

— С удовольствием, как пойму, какой у меня график. И если завтра сдам информатику, то буду двумя руками и ногами «за», — смеюсь я, отпивая сок.

— Отлично. Какие планы? — интересуется Сара.

— Ещё одна пара, потом в библиотеку позанимаюсь до работы. И поеду туда пораньше. А ещё... — замолкая, отвожу взгляд от девочек.

— Ещё? — Амалия придвигается ближе.

— Вчера Николас ждал меня около машины, — выдавливаю из себя, крутя в руках пачку с соком.

— И?

— Скучает. Просил... ох, нет, даже требовал, теперь он только требует от меня, — хмыкая от этой наглости, поднимаю голову, встречаясь с заинтересованными взглядами. — Сказал, что будет ждать меня в шесть. Понятно, что я не пойду. У меня в пять съёмки, да и не в этом дело. Я пока не поняла, как мне принять всё это. Да ещё вчера суп прислал, с новым требованием — есть. Наглый. Самовлюблённый. Боже, как я его ненавижу!

Ударяя рукой по столу и сжимая её в кулак, вздыхаю и опускаю взгляд.

— Хочешь ненавидеть, но не можешь. Понимаю, — смеётся Ами. Бросаю на неё злой взгляд, но её это только умиляет.

— Ну так не торопись. Он всё же, делает что-то, чтобы поговорить с тобой. Для начала начни работать, а там уже и решишь. Пусть подстраивается теперь под тебя, — пожимает плечами Сара.

— Слушайте, вы же должны мне говорить другое? Вроде: с ума сошла? Никогда не встречайся с ним, или что-то в таком духе! Почему вы на его стороне? — Возмущаюсь я.

— Миша, мы не на его стороне, а на твоей. Но жить без него ты не можешь — факт. Ты его любишь — факт. И уже простила, мы не осуждаем — факт. Он хочет поговорить, а не прячется от тебя — факт. Он заботится о тебе — факт. Он скучает по тебе, как и ты по нему — факт. Если бы ему было плевать на тебя, то он бы наслаждался жизнью, он богат. Значит, ты ему как минимум небезразлична — факт. Он...

— О, да заткнись уже, — стону я, кусая трубочку, и смотрю на усмешку Сары.

— Что тебе стоит выслушать его? Да, неприятно переступать через себя. Но мучить себя так, как ты, того не стоит. Послушай, — Амалия дотрагивается до моего локтя, а я продолжаю яростно грызть пластик, — конечно, всё не так красиво, как описывают в любовных романах. Одна встреча с ним и мир превращается в розовую вату с плавающими единорогами. Нет. Такого не бывает. Но это твоя жизнь и ты рулишь ей. Единорогов отправь в стойло, вату съешь. Возьми сама хлыст и тренируй свою судьбу. Учись жить по-новому. Как было в прошлом, больше не будет. А вот как будет теперь, зависит от тебя. У тебя есть шанс.

У вас есть шанс, которого я не смогла увидеть. Поставь условия ему, хоть станцевать канкан на улице. Но это будет глупо. Давай уже, не надо травить себя. Разреши себе хотя бы посмотреть на него и слушать. Не торопись, обдумывай всё, что для тебя приемлемо. Это и скажи ему, когда тщательно всё обдумаешь.

— Боже, я это всё понимаю, девочки. Но внутри меня... это...

— Ураган, который не даёт даже мыслить. Он забирает тебя, подминает под себя и ведёт. Но не позволяй. Не повторяй моего опыта. Пустота внутри и тихая любовь — это такая тяжесть. Побори эту бурю и мысли разумно, а не под минутной слабостью от обиды. Ну, конечно, если это не касается секса. Вот от этого даже я не могу отказаться, — перебивает меня Ами, и смеётся, моментально от серьёзной темы всё сводя к примитивной.

— Дура, — улыбаясь, смотрю на испорченный пакетик с соком.

— Сексом не усугубить положения. Секс и чувства разные вещи. Секс как хорошее дополнение и настроение, — продолжает мысль Сара.

— Вы подталкиваете меня переспать с ним? У меня и так проблем куча, — приподнимаю я брови.

— Нет. Мы просто хотим донести до тебя, что, если это произойдёт... а это возможно, потому что как бы ты ни сопротивлялась в голове, но когда он дотронется, исчезнет всё. Все «за» и «против». Контролировать страсть к тому, кого любишь, невозможно. Это тоже тебе говорю по собственному опыту. И когда это произойдёт не вини себя. Насладись и продолжай думать. Можешь насладиться ещё раз...

— Хватит, — бурчу я, отодвигая от себя сок.

— Что такое, Мишель? Да, неужели, я попадаю прямо в яблочко и ты уже ощутила зов оргазмов? — Прищуривается Амалия, явно издеваясь надо мной.

— Отвали, — фыркаю я.

— Конечно, попала, Ами. Секс дело хорошее. Так трахни его. Думаю, для него это будет в первый раз, — хохочет Сара.

— Какие вы... — и пытаюсь злиться, но только улыбаюсь, вставая со стула.

— Подруги, — в один голос отвечают они.

— Держи оборону в сердце, а вот ноги можешь раздвинуть. Но только с ним. Мы разрешаем, только расскажи потом, — нагло заявляет Амалия, и они уже ржут.

— Благодарю за разрешение, извращения, но пошли вы, — выставляю руку вперёд и показываю им средний палец. От этого обе уже валяются на столе, заливаясь смехом.

Закатываю глаза, вешая рюкзак на плечо, и выхожу из столовой. Пообедала называется.

Им смешно, они могут шутить, не представляя, как мне тяжело сохранять улыбку и игривость. Неимоверно тяжело, словно отвоёвываю действительно своё право на жизнь. И если не буду драться против него, Николаса, то умру. За последнюю ночь я миллион раз меняла решения. То плакала и скучала, то злилась и кричала, ругалась и под этими эмоциями подожгла записку. А потом снова плакала и так по кругу. Готова была дать возможность объяснить ему всё, а потом понимала, как глупо себя веду. Вновь бессонная ночь, и тело уже не справляется с такой нагрузкой. Мне придётся что-то решить, а то с такими подъёмами и падениями с ума сойду. Сегодня точно я ничего не решу, угрозы Николаса на меня больше не действуют. Он не посмеет дотронуться до меня... не посмеет же?

Мне необходимо сконцентрироваться на учёбе и на работе. Получу деньги, придётся потратить их на камеру, ещё оплатить за коммунальные услуги, да и всё же, пойти на курсы приготовления пищи. Иначе я не выживу, питаюсь только в кафе.

Смотрю на часы, сообщающие, что уже четыре. Собираю вещи, запихивая всё в рюкзак, и подхватываю пальто. Сегодня позволила себе надеть тёмно-синее, полегче. Наконец-то, погода начинает баловать весной и можно не дрожать от холода, пока иду к машине, припаркованной в этот раз в другом месте. На всякий случай ещё и озираюсь постоянно. Никого нет, и слава богу. Я даже взмокла немного, опасливо подходя к машине.

Забравшись в салон, завожу мотор и выезжаю. Стою в пробке и решаюсь включить музыку по радио. До этого и это не позволяла себе, казалось, что нарушу траур, который до сих пор ношу.

Как я и предполагала, простояла в пробке и приехала через сорок минут к зданию фотостудии. Немного волнуюсь, это ведь первый день. И как иронично то, что именно фотография будет тем, чем я буду зарабатывать на жизнь. А папе это не нравилось, он считал это бесполезной тратой времени. Грустно от воспоминаний, улыбаясь, вхожу в холл. Подхожу к Эйприл, улыбающейся мне. Приятная девушка с чёрными крашеными волосами, подстриженными в модное удлиненное каре, ведь глаза у неё сине-серые и ярко накрашенные, как и губы. И понимаю даже зачем, она одевается так ярко, выставляя все прелести напоказ. Она лицо фотостудии и приманивает так клиентов. Передав ей свои документы и обменяв их на жетончик, я иду уже по знакомому маршруту, на ходу снимая пальто.

— Привет, — с улыбкой говорю я Линде, подскакивающей с места.

— Привет, Мишель. Так здорово, что ты здесь. Девушек у нас мало, а парни задолбали уже. Ты рано. Но ничего, ты можешь пройти в студию. Модель уже там, готовится. Дэйв где-то тоже тут, подойдёт в пять к тебе. Осматривайся, — тараторит она.

— Спасибо, — смеюсь я, привыкая к её манере общения. Выложить всё и сразу.

Входя в студию, кладу рюкзак и пальто на стул, где стоит компьютер. Замечаю девушку, стоящую у места моделей перед большим и подсвечивающим зеркалом. Наверно, её возраст такой же, как и у меня. Светлые волосы достигают талии, и не сказала бы, что она красива. Слишком резкие черты лица и точно не бейби-фейс, которые любят камеры. Она подиумная модель. Высокая и худая. Ловит мой взгляд в зеркало и улыбается мне поворачиваясь. Только сейчас вижу, что на ней узкий топ, едва прикрывающий маленькую грудь и трусики бикини.

— Привет, — киваю ей.

— Привет. Ты мой фотограф? — спрашивает, подходя ко мне. Она на голову выше меня.

— Да. Мишель, — протягиваю руку.

— Джульетта, — отвечает она, пожимая мою руку. Прищуриваясь, смотрит на меня. Склоняет голову. Отнимаю свою руку и поджимаю губы, не зная, как вести себя сейчас.

— Интересное имя, — единственное, что удаётся придумать.

— Это сценическое. А моё обычное — Эмили. Не подходит к модельной жизни. Я тебя где-то видела.

— Понятно. Вряд ли ты меня где-то видела. Я не модель и даже близко не стою там...

— Девушки, добрый вечер. Молодцы, уже познакомились. Джули, иди, займись собой. А мы пока настроим свет, — меня обрывает заводной голос Дэйва, влетающего в студию с фотоаппаратом в руке. И сегодня он одет очень красочно. Зелёные штаны, ковбойские сапоги и жёлтая рубашка.

— Привет, Дэйв, конечно, — пожимает плечами Эмили или Джульетта, возвращаясь к своему любованию и практике перед зеркалом.

— Держи. Привыкни к нему и за мной, — не теряя времени, чуть ли не бросает мне в

руки фотоаппарат, двигаясь к месту фотосъёмки.

Ну да, теперь придётся и этому не удивляться. Держу в руках фотоаппарат, пока Дэйв объясняет мне, кому нужен тёмный фон, а кому светлый. Как настраивать свет и приглушать его, какие реквизиты использовать. Кивая постоянно, слежу за каждым его движением. Показывает на фотоаппарате, в каком режиме снимать, и как настроить передачу снимков на компьютер, чтобы сразу же просматривать. Буквально всё, и мне не стыдно учиться. А раньше бы я обиделась, что меня учат. Но сейчас впитываю всё, и это увлекает настолько, что превращается в игру. Смогу или нет. Первые пустые пробные кадры и Эмили, то есть Джульетта (дебильное имя и фантазия), выходит в центр и принимает «сломанную» позу. Хочется смеяться, но я подавляю в себе это чувство. Она как недоделанный горбун кривит спину и выделывает трюки. От моих эмоций камера дрожит, закрываю глаза и настраиваюсь, хотя Дэйв даже не подгоняет, а, наоборот, включает что-то из рока. Сумасшедший дом, но такой живой. Мне это безумно нравится: ползать по полу, искать ракурсы, как лучше снять лицо и тело, менять резкость и выстраивать экспозицию. Невероятный адреналин, теперь от него трясутся руки, и даже когда говорит Дэйв, что время вышло, мне хочется ещё и ещё. Как наркотик. Поворачиваюсь к нему, сидящему на стуле и подзывающего меня пальцем. Поставив камеру на штатив, подхожу к нему, пока девушка одевается за ширмой.

— Теперь смотри, — говорит он, указывая на сотни фотографий. Ничего не вижу, мне все кажутся ужасными. Отвратительными просто. Эти кривые позы, какое-то обозлённое лицо, иногда просто мёртвое. Но я ведь очень старалась, а ничего не вышло. Не смогла передать красоту, какой бы она ни была.

— Завтра утром? — спрашивает Эмили, подходя к нам. Я даже не поднимаю голову, стыдно смотреть ей в глаза, когда фотографии ужасные.

— Да. К десяти всё будет готово, и мы оформим тебе модельный альбом, — кивает Дэйв.

— Пока.

— Пока, — тихо отвечаю я, смотря на фотографии. И только когда закрывается дверь, выпрямляюсь и поднимаю взгляд на Дэйва.

— Знаю, это просто хуже некуда, — сдавленно произношу я.

— Что тебе не нравится? — интересуется он.

— Вот здесь, — указываю на одну из фотографий, — у неё из-за тени как будто горб. А вот тут тень падает сверху, и это я её создала, нос кажется большим. Из-за света, который я выставила — веснушки, которые даже не заметила при встрече, не скрыть.

— Веснушки и любые изъяны сейчас в моде, Мишель. Тут уж мы не можем быть Создателями и поменять внешность. Тени все чистятся на «Фотошопе», от этого никто не застрахован. Мне нравится, неординарные снимки вышли. Твоё желание попробовать даже сложные ракурсы — похвально. Набьёшь руку. У тебя свой стиль. Как я и говорил, потенциал есть. Это отличает моих фотографов. Мне плевать сколько им лет, какая у них внешность, недостатки, сексуальные предпочтения. Мне нужна фишка. Поэтому моя фотостудия популярна, мои ребята работают на своё настроение, и это приносит хорошие суммы. Ещё могу сказать, что ты ловишь людей. Посмотри, здесь она поправляет волосы и её лицо расслаблено, задумчиво. Эту фотографию можно отдать даже в рекламу. Не будь к себе строга. Когда-нибудь и ты сама откроешь фотостудию и станешь для меня опасным конкурентом, — смеётся Дэйв.

— Вы... ты что, серьёзно? — Шокировано переспрашиваю его.

— Более чем. Я беру тебя без недельного испытательного срока. Ты мне нравишься, Мишель Пейн. А сейчас ты будешь в качестве модели. Нам нужна твоя фотография, для твоего портфолио. Готовься. Семь минут, пока я отправлю фото в центр обработки, — быстро отвечает он.

Забывает в ту же секунду обо мне, доставая мобильный и уже общаясь с кем-то о фотографиях и сроках. Вот это скорость. Невероятный человек. Хочу быть такой же. Да я чувствую внутри такой подъём от его слов, что хочется прыгать и визжать. Сделаю это дома. А сейчас предстоит мне сфотографироваться. Один раз, и всё. Отчего-то я разлюбила это дело. Это возвращает меня в другое время, счастливое. Подхожу к зеркалу и смотрю на себя. Да какая из меня модель. Кожа слишком бледная, волосы затянуты в хвост, чёрная водолазка под горло. Да я ходячее привидение.

— Поменяй фон на серо-розовый. Тебе он пойдёт, — бросает Дэйв, всё так же занимаясь фотографиями.

Вздыхаю и берусь за дело, отрезаю от грязного фона часть и скручиваю его, ищу тот, о котором сказал Дэйв и вытягиваю его, укладывая на полу.

— Волосы распусти, — рекомендуя, мужчина уже берёт в руки фотоаппарат.

— Мне так хорошо, — отрицательно мотаю головой, поднимаясь с колен, и отряхиваю их.

— Распусти, говорю. Контраст будет идеальным. А так будешь лысой, — спокойно продолжая, он даже не смотрит на меня.

И приходится стянуть резинку, подойти к зеркалу и скривится на своё отражение.

— Там в задней комнате есть вода. Немного намочи их и подкрась гигиенической помадой губы. Это твоё проходное фото, по нему будут тебя выбирать. И от него же зависит, сколько ты будешь получать. Давай, Мишель, — подгоняет меня. Поджимаю губы. Не хочу я быть такой, но выбора нет. Захожу в комнату и, включая кран, немного смачиваю волосы и расчёсываю их пальцами. Быстрым шагом подхожу к рюкзаку и ищу помаду, увлажняя губы.

— Стул возьми и садись, — указывает пальцем. И мне это надоело, поскорее бы закончить. Всего лишь фото для портфолио. К чему такие ухищрения?

Тащу стул и плюхаюсь на него.

— Ты не на визу фотографируешься. Улыбнись, — выглядывая из-за камеры, смеётся от моей зажатости.

Натягиваю улыбку. Цокает. Ладно, улыбнусь. Надо подумать о чём-то приятном, очень приятном. Нет, Николас неприятное воспоминание. Очень... качели и он рядом. Близко и так глубоко во мне. Боже, Мишель, ты не о том думаешь. Боль проносится по телу, что не вернуть. Даже забываю, где я нахожусь. Вспоминая так много и так мало одновременно. Его руки, обнимающие меня. Смех и улыбку. Выражение глаз вчера и уверенность в том, что весь мир в его руках, как и я. Скучаю... и я... каждую секунду скучаю по нему. По тому, кого придумала. По Нику, а не Николасу. Это два различных человека. Мой Ник...

— Мишель! Вот это кадры! Да тебе бы самой идти в модели, — громкий голос Дэйва резко выдирает меня из воспоминаний. Вздрагиваю, теряю равновесие, с громким визгом лечу на пол.

— Боже, — выдыхаю я от боли в копчике.

— Мишель, ты как? — Испуганно подбегая ко мне, Дэйв помогает встать на ноги.

— Нормально. Прости, я задумалась, — мотаю головой, а руками растираю ягодицы. Чёрт, как больно.

— И это было прекрасно. Хочешь посмотреть? — Интересуется он.

— Нет, не хочу. Я бы хотела знать, когда у меня следующая съёмка или...

— Убери здесь всё. После каждой съёмки, ты выключаешь свет, приводишь всё в начальное состояние для другого фотографа. За непорядок я штрафую. Поэтому занимайся, потом к Линде, за расписанием и расчётом, Эйприл должна была сделать тебе твой жетон. Надеюсь, на это. До завтра, Мишель, — дверь уже за ним закрывается. Ударяю себя по лицу ладонями.

— Ну что за идиотка? — Ругая себя, тащу стул обратно в угол комнаты. — Вот надо было именно сейчас об этом думать. Есть много прекрасного. Цветы. Паромы. Не знаю... блин, кофе, в конце концов. А ты его вспомнила. Сама же себе причиняешь боль. Мазохистка пожизненная.

Пока бурчу, отрезаю фон и сворачиваю его, выключаю софт-бокс, свет у зеркала, убираю штатив в другой угол, и вроде всё. Не помню, как было сначала. Надеюсь, штраф небольшой, если я что-то забыла. Но главный свет выключила, всё убрала. Ладно. Надеваю пальто и вешаю рюкзак, выключая свет в студии, выхожу в коридор.

— Ну как? — Спрашивает меня Линда.

— Супер, — улыбаюсь я.

— Вот твоё расписание. Ознакомься, расчёт внизу у Эйприл, она у нас за это главная. По этой выписке получишь свой гонорар, и до завтра, — кладёт передо мной листок с таблицей. Киваю ей, выходя оттуда, и спускаюсь по лестнице.

О, боже, у меня завтра аж две фотосъёмки. Одна тоже модельная в три часа дня, но пакет эконом, это три часа и три образа. Сумма вдвое больше, чем сейчас. А вторая сразу за этой через пятнадцать минут в студии пять на первом этаже. Модельная, но написано водная. Как здорово! Там полтора часа, но цена на неё, аж тысяча долларов. Обожаю это место. Улыбаясь своим мыслям, подхожу к стойке, где с кем-то болтает Эйприл. Даже не придаю этому значения.

— Привет ещё раз. Вот жетон и расчёт, — говоря, кладу на стол маленький листик с суммой в сто семьдесят пять долларов. А сама тем временем убирая своё расписание в рюкзак, достаю ключи от машины и прячу в карман.

— Ага. Сейчас, — кивает она, возвращаясь к своей работе, что-то вбивает в компьютер.

Тяну носом аромат, что доносится от рядом стоящего человека. Сердце начинает ускорять свой ритм.

— Здравствуй, Мишель, — бархатный голос накрывает меня одновременно ледяной и горячей волной. Испуганно охаю и даже оступаю, поворачиваясь к мужчине, облокотившимся о стойку. Карие глаза смотрят прямо в мои, а губы изогнуты в довольной улыбке произведённым эффектом.

— Какого черта? — Зло цежу я, поджимая губы и пытаюсь показать свою браваду против Николаса, действительно преследующего меня и стоящего прямо здесь. Сердце сразу же начинает выбивать чечётку, а руки потеют.

— Мишель, вот твоя сумма и жетон, — произносит Эйприл, заинтересованно смотря то на него, то на меня.

— Спасибо, — говорю я и так неприятно, что он видит, какая это сумма. Да и, вообще, это ужасно, что он здесь!

— Спасибо за кофе, Эйприл, — Николас поворачивается к девушке, моментально расцветающей, под его улыбкой.

— Всегда, пожалуйста, мистер Холд, — тянет она, а я собираю свои вещи, и разворачиваясь, иду к выходу.

— Надеюсь, вы ещё у нас появитесь, — летит в спину.

Передразниваю её, выходя на улицу. И чувствую, что идёт позади меня.

— Что тебе надо от меня, Николас? — Останавливаюсь и поворачиваюсь к нему.

— Я предупреждал? Предупреждал, — спокойно отвечает он. Не могу смотреть. Когда-нибудь это тянущее чувство пройдёт? Дышать не могу, облизываю губы и заметно нервничаю.

— Я работаю, — взмахиваю зачем-то рукой, показывая на здание, но смотря мимо него. Виски покалывает от боли.

— Ничего, мне несложно подождать. Я никуда не спешу. Теперь же ты свободна, — даже равнодушно отвечает он.

— Ты понимаешь, что я не хочу видеть тебя? Слышать и...

— Поедешь со мной или пройдемся? Я знаю недалеко тихое местечко, — перебивает меня, уверенно, отрезая пути к спасению.

Ну что будет от того, что я выслушаю его? Очередная ночь слёз и ненависти, смешанной с любовью? Снова будет больно, и начну изводить себя?

— Мишель, мы только поговорим, и я удостоверюсь, что ты поела. Суп понравился? — Врывается в мои мысли. Поднимаю на него голову. Пропадаю в его глазах. В его ауре. В нём. Снова.

— Выбросила, — вру я, хотя он до сих пор стоит в холодильнике.

— Применить кляп и наручники? — Делает шаг ко мне, а я от него.

— Только попробуй, — предостерегаю его.

— Ударить? Начнёшь кричать? Или пойдёшь сама? Я не кусаюсь...

— Ещё как кусаешься, Николас. Но я пойду, а потом ты отвалишь от меня. Навсегда. Не сделаешь даже шага в мою сторону. Это мои условия, — на одном дыхании говорю я, а пальцы уже покалывает от знакомого напряжённого возбуждения, что теперь со мной, когда вижу его.

— Занимательно, но нет. Ты идёшь со мной без каких-либо условий, — отрезает он,

обходя меня, обдавая своим ароматом.

Да почему так сладко сразу во рту? Знаю, эти ощущения. Боже, зачем я это делаю? Мне просто хочется сейчас развеяться от собственного бессилия, потому что иду за ним. Иду, и так отвратительно это понимать, что вновь ведусь на этот тембр, мягкий и сильный одновременно. Я устала, безумно устала быть без него. Устала терзать себя. Устала видеть его так далеко. Устала от этой боли. От физической усталости и недосыпа каждую ночь. От этого состояния устала. У меня нет сил, противостоять. Иду рядом. И так больно. Так хочется закричать на него, чтобы ушёл и чтобы обнял. Разрываюсь на части.

— Крошка, не надо. Нам требуется обсудить это. Жить дальше невозможно, если этого не сделать. Я не могу, — тихие слова доносятся до меня, и сейчас я слышу Ника. Моего любимого Ника. Удар по сердцу и оно трепещет, а слёзы скапливаются в глазах.

Переходим дорогу, не отвечаю ничего. Доходим до самого обычного кафе, и он открывает мне дверь, пропуская вперёд. Вхожу в кофейню и сама выбираю самый дальний столик. Только хочу снять пальто, как тёплые пальцы касаются меня. Даже через водолазку ощущаю покалывание кожи. Дыхание сбивается. Закрываю глаза, вся сжимаясь от этого.

— Позволь мне, — его шёпот рядом с ухом колышет распущенные волосы. Облизываю губы от волн, прошедших по всему телу и вернувшихся с выдохом. Судорожным. Быстрым.

Киваю, распахивая глаза. Снимает с меня пальто, вешая его на свободный стул, сбрасывая с себя кожаную куртку, кладёт на мою верхнюю одежду. Падаю на стул, уже не в силах терпеть дрожи в теле. Смотрю на него, идущего к стойке, чтобы сделать заказ. Восстановить дыхание не могу, наслаждаюсь этой мощной фигурой в тёмно-серых джинсах, облегающей белой кофте, что вижу даже звёзды. Я просто знаю, что они там. Слеза выкатывается из глаз, и я быстро её стираю, отворачиваюсь, уверяя себя, что вытерплю. Тяжело, но смогу. Сжимаю руки под столом, делая глубокие вдохи. И не набрать полную грудь кислорода.

— Чай будет тебе сейчас лучше всего. Салат или чизкейк. Что выбираешь? — Раздаётся над головой. Передо мной уже стоит чашка.

— Только чай, спасибо, — тихо отвечаю я.

— Нет, так не пойдёт. Ты что-то выбираешь, или я начну тебя кормить. Скормлю всё, что здесь есть, пока тебя не вырвет от насыщения желудка, — садится напротив, сжимает губы, что скулы играют на его лице. Даже препираться нет сил. Закрываю глаза на секунду и качаю головой сама себе.

— Чизкейк, — выбираю я. Кивает, переставляя с подноса тарелку с десертом и ложечку. А себе оставляет салат и воду. Бросает поднос на другой столик.

— Для начала ешь. Я хочу видеть это, а потом поговорим, — указывает на десерт. И плевать, что делаю это. Разрываю пакетик с чаем и бросаю его в горячую воду. У меня действительно сил нет, чтобы бороться сейчас. Я оставила их там, на парковке перед фотостудией. Развевала их в воздухе, пока шла с ним рядом. Пока решалась, пока изводила себя. А сейчас такая усталость навалилась на меня.

Вынимаю пакетик и кладу его на блюдечко. Ложечкой отрезаю кусочек и кладу в рот, как кукла, как неживая. Даже вкуса пищи не чувствую. Ничего. Краем глаза вижу, что Николас берёт вилку и пробует свой салат. Хочется посмотреть... вспомнить, как он красиво поглощает пищу. С достоинством. Но не позволяю, проглатывая всё до кусочка на тарелке. Запиваю чаем, согревает меня изнутри. Подавляю зевок и моргаю, чтобы вспомнить, где я и с кем.

— Я не думал, что всё будет так, как сейчас, — сквозь своё помутнённое внимание слышу его голос.

— А как ты думал, всё будет? — Спрашиваю я, смотря на его руки, спокойно лежащие на столе.

— Иначе. Я, вообще, не думал, что это зайдёт так далеко. Но зашло и мне не жаль. Единственное в чём моя вина — не проверил всё. Райли сказал, а ему твоя сестра и Сара. Но уже было поздно, слишком поздно что-то менять. Ты ушла. Потерял тебя. Это моя вина, я признаю её и прошу у тебя прощения, Мишель. За то, что потерял контроль. За то, что сделал это. За то, что всё вышло именно так.

Жмурюсь. Не думала, что это будет невыносимо и отрезвляюще. Картинки и боль той ночи резко врываются в мою память, и я надрывно выдыхаю. Сглатываю неприятный привкус и распахиваю глаза.

— Видео, что ты оставила. Это был не я. Так бы я не поступил, как бы ни был зол и не чувствовал себя преданным, но я бы никогда в жизни таким не занимался. Это низко. Уверен, что ты сейчас не лучшего мнения обо мне. Но даже в том образе, в котором ты видишь меня, это низко. И прошу прощения, что упомянул Теренса. Я не должен был, но мне необходимо было увидеть тебя и понять, что боль физическая ничто по сравнению с душевной. Я...

— Замолчи, — шепчу я.

— Выслушай. Для этого мы встретились. Так выслушай меня, — просит он, а это выше моих сил. При этом я и двинуться не могу, ноги не слушаются. Сухо всхлипываю и потираю лоб.

— Я не обманул тебя тогда, сказав, что удалил всю эту информацию. Её нет, но я использовал свои знания против тебя. Твоё стоп — слово не действует на меня, Мишель. Там. На этом аукционе был удивлён, что ты вспомнила его. Да и не ожидал тебя встретить. Но я рад, что это случилось. Наши отношения вышли за рамки тематических в ту ночь. Не отрицаю — садист. Но не хочу им быть больше. Я выбираю тебя, крошка. Если надо я изменюсь, только помоги мне сделать так, чтобы ты вернулась, — его рука тянется ко мне. Отклоняюсь назад, пряча руки под столом, поднимаю голову, вижу такую темноту в его глазах, что дышать не могу.

— Нет. Я не могу... я... нет. Не трогай меня, не прикасайся. Теперь это мой страх. Ты отдал его мне. Ты заразил меня им, и мне больно, Николас. Мне так больно, что дышать невозможно. Я стараюсь жить без тебя. Так дай мне это сделать. Если хоть что-то... хотя бы немного ты чувствовал ко мне, оставь меня, не трогай, — быстро шепчу я, а слёзы всё же, вырываются из глаз. Мутнеет взгляд. Поджимает губы. Запускает руку в волосы и ищет, что сказать. Но мне нужно только одно слово. Люблю. Мне нужна причина. Смотрю на него и огромная пропасть между нами, с острейшими и опасными камнями. Я не пойду туда больше. Внутри скапливается вся боль, что была во мне и сейчас она вытекает из меня вместе со слезами. Стираю их, отводя взгляд от него. Всё. С меня хватит. Это порог. Это критическая точка.

— Вот поэтому я и не сделаю того, о чём ты просишь. Я понимаю твою злость, твою обиду. Понимаю и ненависть. Но помоги мне, Мишель, создать другое. Новое и наше. Разреши мне быть рядом. И я буду, кем угодно, — говорит он, а я качаю головой. Амалия была права, он будет согласен на всё, но это не доставит мне удовольствия. Даже желания нет попробовать, унижать его нет желания.

— Нет, Николас, это будешь не ты, — вздохнув, произношу. — Я изменилась, стала другой. Вся моя жизнь поменялась, и я не хочу, чтобы ею кто-то руководил. Сейчас мне не нужны отношения. Ни с кем. Тем более с тобой. Моё сердце болит. Физически. Это страшно, я боюсь этой боли, потому что она настоящая. Она сейчас. Во мне. А ты... я не готова даже думать об этом. Я не знаю, что делать. Прошлого я не могу изменить. Да, чёрт! Я даже не помню, что там было. Ничего из того, что было. Только твоё лицо. Ты не только избил меня, ты сломал меня, Николас. И я не буду тебе ни в чём помогать, потому что все силы отдала тебе. Подарила, а ты так поступил. Нет.

Подскакиваю с места, и он делает то же самое.

— Мы не закончили, — качает головой.

— Мы закончили, Николас. Не преследуй меня больше, я прошу тебя. Не появляйся, живи своей жизнью. Ты богат, ты теперь самый завидный жених, и у тебя не будет отбоя от девушек, мечтающих излечить тебя. Возьми их, ломай, играй, да что угодно...

— Мне не нужны они, — перебивает меня, — мне нужна ты, Мишель. Меня не волнуют эти деньги, мне плевать на них, как и на мой статус. Это не мечта всей моей жизни. Я не об этом думаю все дни и ночи. Я о тебе думаю. Вспоминаю каждый день, что провёл с тобой. За эти дни многое понял. Дай мне шанс, всего лишь шанс доказать тебе, что я готов меняться. Готов строить с тобой отношения. Я не хочу люблю. Они не ты. Дай мне возможность помочь тебе пережить это. Если бы знал, что ты ждёшь. Да я бы вышел из машины. Но я знаю, что ты пережила. Это не было бы спасением для тебя. Я знаю это. Так жил все годы, пока не появилась ты. Не собираюсь падать на колени и превращаться в раба. Ты права, чертовски права, моё внутреннее «я» не изменить, но я готов его корректировать. Готов это делать, но только если ты будешь рядом. Мне не хватает тебя. Не хватает твоих глаз, что смотрят на меня с нежностью. Мне не хватает разговоров, даже споров и криков. Мне не хватает жизни. А она есть, когда ты рядом. Мишель.

Словно его слова имеют физическую оболочку. Прокалывают моё сердце, заставляя его кровоточить. Остаются эти острые шипы в нём и прокручиваются. А я стою и слушаю, потому что люблю его. Потому что хочу обнять и утонуть в его тепле. Хочу поверить, но не могу.

— Прощай, — одними губами говорю я, сбрасывая его куртку и хватая своё пальто. Убегаю, просто бегу от чувств, от любви, от его глаз, наполненных раскаянием, и желанием забрать меня себе. Но наши судьбы больше не рядом. Слишком сложно сейчас разумно рассуждать, поэтому бегу. Мне нужно время, мне нужен воздух. Лёгкие дерёт, пока не останавливаюсь на светофоре.

— Мишель, чёрт возьми! Стой, — хватая меня за локоть, разворачивает к себе.

— Отпусти. Пожалуйста, отпусти меня, — молю я, и пусть потом будет стыдно за эту слабость. Но сейчас плевать, я хочу остаться одна. Хочу разрыдаться от того, что он сказал. В данный момент не уложились его слова в голове. Я не могу показать ему, насколько моя слабость зависит от него.

— Нет, — крепче сжимает мой локоть. Изнутри, прямо из сердца прорывается боль. Настоящая. Теперь она реальная. Ударяю его рукой по груди. Но вижу силу в его взгляде, такую сумасшедшую и устрашающую, она не пугает, наоборот, даёт возможность бороться. Я знаю этого человека, что внутри его. Это тот самый садист, что держит его сердце у себя. Я ненавижу его.

— Пошёл ты, — шиплю я, и удаётся вырвать руку из его хватки. Иду по пешеходному

переходу, а он догоняет меня.

— Не смей! — Кричу, поворачиваясь к нему, и быстрым шагом двигаюсь к парковке, где оставила свою машину.

— Ты думаешь, что я так это приму? Ни черта, — отвечает Николас, перекрывая мне путь.

— Мне плевать. Иди в задницу, — яростно шиплю я, отталкивая его с пути, и иду.

— С удовольствием, Мишель. Когда? — Издевается, вызывая во мне ещё большую бурю из негодования, и она не даёт думать. Обида становится тоже реальной. Глупая. Такая глупая.

— Я выслушала тебя. Что ещё ты хочешь? — Уже не контролирую себя, кричу, так громко, что причиняю себе боль.

— Тебя. Хочу тебя. Полностью. Себе, — разрывая своим быстрым дыханием, отвечает Николас, останавливаясь, как и я.

— Ты потерял эту возможность. Найди другую дуру, — отвожу взгляд от его лица, и обхожу его, доставая ключи из пальто, нажимаю на кнопку.

— Я буду преследовать тебя, крошка. Буду рядом там, где будешь ты, пока не услышу заветное — «да», — говорит мне в спину.

— Ты не услышишь его, — фыркаю, открывая дверь машины.

— Тогда я не отпущу тебя... — закрываю дверь машины, заводя мотор дрожащими пальцами. Включаю фары и вижу его. Николас встал прямо перед моей машиной, складывая руки на груди, и если я дам по газам, то собью его.

— Урод, — шиплю я, держа руку на нейтралке, нажимаю на педаль. Громкий рык мотора, а он даже не двигается. Глаза блестят в свете фар. Снова давлю на газ, желая напугать его. Усмешка появляется на его лице.

Контроль потерян. Полостью. Абсолютно. Бесповоротно.

Распахиваю дверь и выскакиваю на улицу.

— Свали отсюда! Больной? Ты смерти захотел? — Кричу я. В два шага обходит мою машину и хватает меня за талию, прижимая к себе.

— Отпусти, — упираюсь руками в его грудь. Сердце пропускает удар. Хватает сильнее, сжимая пальцами мою талию. Борюсь с ним. Наверное, плачу. Не понимаю ничего. Разум настолько покрыт пеленой из злости, боли и любви, что не соображаю.

— Нет. Ни за что больше не отпущу тебя, — обхватывая моё лицо, шепчет прямо в мои губы. Один вздох и задыхаюсь.

Впивается в мои губы. Целует. Жадно. Больно. Горячо. Кусает губы. Хватаюсь за его плечи. Упаду. Зарывается в мои волосы, движение губ болезненное от страсти, что так и не забыта. Тело дрожит. Обхватывает одной рукой мою талию, а другой держит голову, что не могу двинуться. Дышать не могу. Тону. Так всё знакомо и иначе. Не помню, когда, но уже отвечаю на этот поцелуй. Со всей силой, что осталась во мне. И хочется ещё больше. Ещё острее в сердце. Прижимаюсь к нему, ощущая под пальцами упругие волосы. Сжимаю их. Губы горят от поцелуев. Втягивает в себя мою нижнюю губу и ноги подкашиваются. Грудь трётся о его. Не могу напиться. Это мой поток воздуха. Моё дыхание. В нём. В этом мужчине. Я люблю его и так больно. Целую, роняя слёзы. Целую и живу.

Поцелуи становятся мягче, ласковее практически невесомые.

— Я безумно скучаю, крошка, — шепчет он, даря ещё один поцелуй в уголок губ. Глядя моё лицо, а я наслаждаюсь. Эта слабость, что сейчас, мне так противна и одновременно приятна. Давление внизу живота и его пальцы, стирающие слёзы. Целует мои глаза, щёки.

— Вот сейчас и мне больно. Очень больно, так соскучился по тебе. Так хочу тебя. Затрахать до потери сознания. Думать о другом не могу, только о тебе, — этот хрипловатый смех так не вовремя врывается в мой полыхающий безумием мозг. Отрезвляет лучше холодного душа. Злость за то, что позволяю ему это делать с собой ещё раз, перекрывает доступ к кислороду.

Поднимаю колено и со всего размаха ударяю его между ног. Распахиваю глаза, сама удивляясь тому, что только вытворила. Выпускает меня из рук, сгибаясь пополам, и издаёт стон.

— Надеюсь, сейчас ещё сильнее, Николас, — голос теряется от желания, но довольна тем, что сделала. Какое-то нечеловеческое удовольствие получаю, смотря, как он корчится от моего ответа на то, как разрывает меня.

— Блять, — вырывается из него. Падает на колени, сжимая свой пах.

И есть доли секунды, я успеваю заскочить в машину и переключить передачу. Нажать на газ и с громким рёвом вылететь с парковки, оставляя его там. Руки дрожат, да меня всю трясёт. Ведь я с безумной силой хочу его. Хочу ощутить всё, что он готов мне предложить. Пальто пропиталось ароматом его куртки. Не скрыться. Не убежать. Нельзя. Больше нельзя. Облизываю губы, до сих пор горящие от его поцелуев, и низ живота сводит спазмом. Чёрт возьми, нет. Ни за что, пока не решу, как относиться к этому. Я должна обдумать всё, принять решение. А он сбивает меня. Поцелуй и желание секса сейчас лишние. Воспоминания возвращаются все до единого. Буквально все. Слова. Свист розог. Его предложение о продолжении. Всё. И кричать бы от этого, да больше не могу. Едва есть силы доползти до своей квартиры и упасть на постель, проливая горькие слёзы по прошлому и невозможному настоящему. Сжимать своё пальто и дышать его ароматом. Убивать себя снова и снова.

Я хочу его так сильно вернуть в свою жизнь, что снова забываю о себе и своих желаниях. Он будет считаться с этим. Будет считаться со всеми моими планами. Теперь я понимаю слова Марка. Я не отрицаю больше того, что простила. Не отрицаю даже того, что люблю и буду любить. Не отвергаю того, что увижу его вновь. Но пусть докажет мне, что любит меня. Любит ли? Не знаю. Хватит ли этого? Не имею понятия. А пока я этого не услышу, не удостоверюсь, что это так — не дам играть своим сердцем и слабостью. Нет. Больше Николас Холд не возьмёт кнут, чтобы щёлкать им и страшить меня. Я пережила это. Я не боюсь этого, а вот будущего очень. Себя боюсь теперь и своих желаний.

Одиннадцатый вдох

Тёмные утренние тучи давят на меня. Собираю вещи, как в тумане, для нового дня. Теперь, кроме полной физической усталости, наваливается эмоциональная. Отчего в ночи мы так сильны в своих мыслях, а наступает утро и всё меняется? Отчего мы так уверены там, ночью, что справимся? А утро разбивает всё. Мне требуется передышка. Иначе умру. Действительно, умру. От нехватки сил, от нехватки энергии. Умру. Довела себя до грани. Из-за него. Из-за себя.

Поправляю на плече рюкзак, выходя из дома. И как мне сдать тест, когда я даже не помню ничего? А сдать надо...

Поднимаю голову и обессилено всхлипываю. Хватит. Хватит преследовать меня. Останавливаюсь, смотря на Николаса, облокотившегося о мою машину. В спортивном сером костюме, жилетке и кепке. Родной. Мой. В глазах собираются слёзы. Не могу без него.

— Доброе утро, Мишель, — кивает он, отталкиваясь от машины и подходя ко мне. Всё, больше нет сил, бегать. Нет сил, даже сопротивляться.

— Как самочувствие? — Продолжая, он смотрит в мои глаза. Не отвечаю, только вздыхаю, медленно моргая и смотря на его лицо.

— Спасибо, что поинтересовалась о моём. — Ведёт разговор сам с собой, словно не замечая, что жизни во мне нет. — Моё самочувствие, как у человека, которому дали по яйцам. Неприятно, скажу тебе.

— Зачем? — Выдавливаю из себя. Сам же улыбается от своей шутки, но после моего произнесённого слова шёпотом, губы его превращаются в тонкую линию. Отводит взгляд в сторону, качает головой. И снова возвращается в мои глаза, а в его вижу усталость, сродни моей. Как же это жестоко.

— Решил, что тебе это понадобится в работе, — наконец-то произносит он, поднимая руку с пакетом. И только сейчас замечаю его, поглощена им была.

— Я не могу. Спасибо, но... — опускаю голову, понимая, что в этом пакете. Камера. Но лишнее. Это его.

— Мишель, она необходима тебе и это был подарок. Подарок предполагает, что остаётся у того, кому он предназначался. А не у дарителя. Прошу, хотя бы это. Возьми, — дотрагивается до моей безвольно лежащей руки вдоль тела, и перекладывает пакет, сжимая мои пальцы в своих, даря тепло. Поднимаю на него голову, и всматриваюсь в глаза. Что-то происходит в них, но не даёт разглядеть. Моргает и обращается всё в холодную пустоту.

— Спасибо, — опускаю голову и отхожу от него.

— Не за что. Я был на пробежке. Начал бегать, — делится он. Издаю смешок. Нервное. Как он может быть таким спокойным? Как это ему удаётся?

— И добежал до моего дома? — Иронически спрашивая, обхожу его и останавливаюсь у машины.

— Нет. Ночь не спал. Переоделся. Выгулял Шторма и не смог заснуть, — движется за мной. Уже не вызывает никаких эмоций. Устала даже для этого.

— Понятно. Хорошего дня, Николас, — пожимаю плечами, нажимая на кнопку для разблокировки машины.

— Почему не Ник, Мишель? Почему не Ник? — Этот вопрос проносит дрожь по телу от боли, что уже просыпается внутри.

— Потому что ты Николас для меня. А Ник остался там... где-то там, — тихо отвечаю я, открывая заднюю дверцу машины, и бросая туда пакет с фотокамерой. Молчит, закрываю дверь и, несмотря на него, обхожу машину, чтобы забраться на водительское сиденье.

— Подожди, — окликает меня, быстрым шагом догоняя. Раздражённо вздыхаю и останавливаюсь, поворачиваясь к нему.

— Что ещё, Николас? Серьёзно...

— Береги себя, Мишель. И вот, — расстёгивает жилетку, копаясь во внутреннем кармане. — Вижу тебя и забываю напрочь все слова, и что хотел сделать.

Приподнимает уголок губ, доставая белый конверт, и протягивает мне.

— Что это? — Хмурюсь я.

— Поменял систему безопасности в своей квартире. Это новый ключ и пропускная карточка в одной вещи, — объясняет он.

— Мне это не нужно...

— Возьми, хорошо? — Берёт мою руку и с силой вкладывает конверт. — Пусть будет. Выброси, сожги, да хоть что. Мне так спокойнее, и ты помнишь мои слова. Что бы ни произошло, ты всегда можешь обратиться ко мне, или спрятаться у меня. Если что-то будет пугать тебя, то вот. Здесь ты будешь в безопасности.

— А как мне спрятаться от тебя? — Фыркаю я, вырывая руку, и швыряю конверт куда-то в машину.

— Я улетаю сегодня. Мне надо улететь. Прятаться от меня нет нужды, я всегда найду тебя, — пожимает плечами, отступая от меня. Это вызывает внутри панику. И хоть далеко он, но знать, что теперь будет ещё дальше, поселяет в груди печаль.

— Куда? Надолго? — Слова сами слетают с губ прежде, чем я буду корить себя за них.

— Как получится. В Оттаву, — бросает он, разворачиваясь и словно теряя теперь всякий интерес ко мне. Смотрю, как возвращается на дорожку и медленным шагом уходит.

— Николас, — окликаю его, подходя к капоту. Останавливается, а моё сердце стучит так громко, издавая стонущие мелодии, наполняющие меня желанием не отпускать.

— Да? — Поворачивается, ожидая от меня продолжения. Нет, так просто не побегу больше за ним.

— У меня нет больше причин верить тебе. У меня нет причин, чтобы вернуться, — говорю я, поднимая взгляд на него. Делает шаг ко мне, останавливается. Видимо, до него доходит смысл моих слов. Кривится, словно ему противно. А мне вдвойне. Так и не понял, чего жду от него.

— Я никогда не сдаюсь, Мишель. Всегда добиваюсь своего, — приподнимает подбородок, доказывая мне одной интонацией, что я проиграю себя. Обида из-за его мысли пронзает сердце. Качаю головой от своих ощущений.

— Но не меня. За меня ты никогда не боролся, как за свои деньги. Будь счастлив с бумажками, а я человек, который требует, чтобы его оставили в покое, — не знаю, услышал ли он меня, но чётко произношу каждое слово, подпитывая его ядовитой обидой, которую он нанёс мне.

Разворачиваюсь и забираюсь в машину, захлопывая дверь. Мне недостаточно его уверенности в себе. Он так и не увидел того, что мне необходимо. И пусть он появляется, а я реагирую на него. Но не отдам себя. Нет. Пока не поймёт, что я достойна большего, чем просто его жажда добиться моего «да». Он продолжает играть, ставя на первое место своё превосходство, но не меня. А я хочу, чтобы умирал так же, как и я без него. Именно без него.

Чтобы мои желания у него были наравне с его. Я хочу того же пьедестала, на который он возвёл себя и свои амбиции. И я тоже никогда не сдаюсь. Ну, Николас Холд, ты узнаешь, кто такая Мишель Пейн.

Улыбаюсь себе, ощущая в груди приятное чувство удовлетворения от своих мыслей. Паркуюсь недалеко от университета, и даже неведомая лёгкость в походке. И чему я радуюсь? Не знаю. Не понимаю, что внутри случилось, пока я ехала. Я должна быть разбитой, а у меня невероятная мозговая активность и желание... желание съесть мороженое. Господи, как я хочу мороженое. Очень. Шоколадное с маленькими печеньками.

Может быть, это конец? Я сошла окончательно с ума, после вчерашнего поцелуя, возбуждения, обиды, стыда за то, что ударила его, новой встречи, его слов и вновь обиды. Не знаю, но так здорово внутри. Чёрт, в чём причина-то?

Ладно, потом. Всё потом, а сейчас предстоит сдать информатику, отправиться на занятия и поехать на работу. Чувствую аромат жизни.

***

— Привет, я только на пару минут. Мне надо ехать на работу, — быстро говорю, влетая между стеллажей.

— Привет. Я занимаюсь, а эта задолбала. Поговори с ней, — Амалия углубляется в книгу и толкает Сару, показывающую ей язык.

— Боже, я думала, что-то случилось. Вы обе поставили восклицательные знаки после слова «срочно», — смеюсь я, садясь на пол и бросая одежду рядом.

— Конечно, срочно! Я умираю от желания узнать, как твоя работа...

— Она хочет узнать, появлялся ли Николас, — перебивает Сару Ами и, поднимая голову, ухмыляется.

— Появлялся. Вчера. После работы он ждал меня, — отвечаю я. Глаза подруг сверкают от ожидания. — Мы пошли в кафе, там поговорили. Ну как поговорили, он снова просил прощения, обещал, что изменится. Но это всё слова. Он так и не понял, что мне нужно. Поэтому ничего хорошего сказать вам не могу.

— А ещё. Что-то должно было ещё быть. Могу предположить, что какая-то встряска с твоей стороны. Ты изменилась, Мишель. Глаза как-то блестят странно. И это пугает, — прищуривается Амалия. Чёрт, как ей это удаётся?

— Кричала на него, ругались. А потом... он встал прямо перед моей машиной, я так разозлилась. Он поцеловал меня, и я дала ему по яйцам, — признаюсь, всё равно таить от них это не могу. Мне требуется поделиться и чтобы меня заверили, что это нормально. Я держусь хорошо. Но громкого смеха и катания по полу девушек я не ожидала. Вздыхаю и закатываю глаза, выпячивая губу. А они, полоумные, стучат по полу и ржут.

— Хватит, — останавливаю я их. — У меня мало времени. Если вы не прекратите, я уйду, и вы не узнаете, что было утром.

Как и я рассчитывала девушки успокаиваются и чуть ли не залазят на меня, требуя продолжения.

— Он отдал мне камеру, что подарил. И ключ от его квартиры. Но самое главное, что хотела вам сказать — решила, что я принимаю своё прощение. Прощаю его и себя за эту слабость. Я люблю его. Но хочу, чтобы он любил меня. А не желал заполучить, как приз. Я

хочу быть полноценным партнёром в его жизни, а не так, как раньше. До меня дошли слова Марка, и теперь же, я хочу увидеть, на что он готов ради меня. Хочу борьбы. Хочу крови, чёрт возьми! Я достойна этого.

— Ни хрена ж себе, — шепчет Сара. А я даже от своей речи подскакиваю с места и с триумфом смотрю на девочек.

— Ты хочешь, чтобы он дрался за тебя. Ты хочешь извести его, пока не услышишь заветных слов, — понимающе улыбается Амалия.

— Точно. Я хочу, чтобы он сказал — люблю. Люблю больше, чем боль. Люблю больше, чем себя. Люблю больше, чем обстоятельства и жизнь. Хочу услышать это. Хочу найти причину вернуться к нему и попробовать быть с ним. Мне необходима эта причина, и именно этот шаг, тогда смогу дышать. Смогу принять его обратно. Смогу разрешить быть рядом и продолжать доказывать, что умеет быть тем, кого я люблю, — ударяю кулаком по книгам, и они с громким стуком летят с другой стороны. Отмахиваюсь от этого, поворачиваясь к девочкам, смотрящим на меня во все глаза.

— Поэтому я снимаю траур. Я поняла, что одеждой и постоянным унынием отца не вернуть. Но оставлю внутри воспоминания и буду улыбаться им. Я устала оттого, что не могу спать, а за всё корю себя. Но ведь не я одна виновата! Хорошо, не он прислал диск. Это я принимаю. Признаю, что действовала тогда под эмоциями страха и обиды за то, что упомянул Теренса. Я чувствовала себя преданной, и сделала то, что делала. Он тоже мог остановиться, но сломал меня. Передал боль, которой я боялась всю жизнь. И теперь должен загладить эти раны, отшлифовать их собой. Не отдам ему своё сердце, не откроюсь, пока не увижу Ника. Моего Ника. Того, кто внутри этого человека. Того кто умеет чувствовать. Того кто готовил мне свидания. Они мне нужны, чёрт возьми. Нужны. Я хочу теперь сказку, которая докажет мне, что любовь существует. Он подарит мне веру в это. Понимаете? — Дыхания не хватает от произнесённой речи. Но улыбаюсь. Уверена в своих словах, полностью уверена. И могу дышать. Как хорошо. Могу вздохнуть и ощутить, как тепло вокруг становится.

— Кого-то сильно торкнуло, — подавляет смешок Амалия. — Но мне нравится. И какой план?

— То есть для того, чтобы ты вернулась к нему, необходимо только одно слово? — Недоверчиво спрашивает Сара.

— Нет. Не только слово, тупая сучка с сиськами. Ей нужно ощутить и потрогать его слабость. Ей нужен фейерверк в глазах. Ей нужны небеса в его руках. Ей нужен кнут, который он добровольно отдаст ей. Чёрт, Мишель, это прекрасно! — Вскрикивает Амалия и подскакивает на ноги.

— Хватит обзывать меня, курица плоская, — возмущается Сара и тоже встаёт на ноги.

— О, да отвали, — цокает Ами, и снова обращает своё внимание на меня. — Какой план? Что будем делать?

— А вот этого я не придумала, — пожимаю плечами и кусаю губу. Всё так здорово звучит на словах, но не знаю, как это претворить в жизнь.

— Так. Если он сначала ждал тебя у машины, потом приехал к фотостудии, а утром снова был у тебя, то это значит — он ходит за тобой. То есть куда ты, туда и он. Уверена, что с его деньгами вычислить твоё местонахождение — раз плюнуть. Поэтому ты начнёшь появляться на людях. Моих родителей часто приглашают, а мы игнорируем. Марк и я. Но теперь, — Амалия хватается за руки, сжимая их. — Мы отвоюем твою любовь, Мишель.

Уж твою-то я верну!

— А я? — Обиженно спрашивает Сара.

— Ну, ты как мой парень сойдёшь. Вот здесь мой тупой брат сыграет отличную службу. У него появились друзья, и он собирается с ними идти в пятницу в клуб. Это одна из наших остановок. Пусть увидит, что вокруг тебя есть выбор. Пусть ревнует. Пусть мучается. Пусть признает, что чувства есть. Я ещё у родителей спрошу, куда мы сможем сходить до этого времени. Высший свет может быть полезен, — меня пугает странный блеск глаз Амалии. Перевожу взгляд на Сару, совершенно потерянную настроем подруги.

— Это ещё обсудим, — медленно отвечаю я, осторожно забирая руки из ладоней девушки. — Мне надо ехать.

Обхожу их и поднимаю с пола своё пальто и рюкзак.

— Слушай, ты не сказала — сдала? — Вспоминает Сара, пока я одеваюсь.

— Да. Сдала, благодаря Марку. Я думала, что ничего не помню. А села и как-то всё получилось, — гордо улыбаюсь я, закидывая рюкзак на плечо.

— Молодец! — Хвалит меня Сара. А Амалия странно смотрит на меня, что становится не по себе. Кажется, что я зря это им сказала. Для неё это теперь её бой, который она не смогла провести. Это станет тяжёлым для неё временем.

— До встречи, — машу им, выходя из-за стеллажей.

Не знаю под чем я сейчас подписалась, но, определённо, это будет опасно. Опасно для моего сердца и состояния. Выдержу ли? Не знаю. Буду пытаться. Начать дышать — счастье, которое я сама себе запретила. Я заслужила его. Я обливала его слезами и собственной кровью. Страдал ли он, как я? Страдают лишь те, кто любит. Не знаю, любит ли он меня, или же просто привычка, что я была рядом, как бесплатная груша для битья. Что он сделал для меня? Не могу припомнить. А я отдала всё ему. Свою девственность. Свою жизнь. Я даже была в его клубе, приняв и это. Он и пальцем не ударил, чтобы я шла к нему. Как же он был прав, сказав тогда ещё, что он будет рассказывать мне о себе, а я его жалеть. И так, пока ему не надоем. Чёрт, и сейчас я полностью понимаю эти слова. Ни о каких чувствах не может идти речи, если он думает так до сих пор. Зачем я ему? Ответ на этот вопрос я получу.

Двенадцатый вдох

Два дня тишины и раздумий. Меня бросает постоянно от одной грани к другой. Оттуда отбивает, как мячик лечу к противоположному ребру и ударяюсь. Сколько за эти часы я сменила решений, не счесть. Но пришло время взять себя в руки. Если раньше я позволяла себе истерику, позволяла себе всё же, быть жертвой. То сейчас, смотря на своё отражение, вижу нового человека. Я снова учусь дышать, жить, ходить и желать. И внутри меня маленькая девочка, которая хочет то розовые гольфы, то белые, то ей не нравится окантовка, то ещё куча причин. Пора снять траур и увидеть, как глубоко я спряталась за ним. У меня есть деньги, квартира с утра успешно продана, а сумма уже лежит на моём счёте. У меня есть работа, которая мне очень нравится, и я нравлюсь ей. Тейра обеспечена, и Адам помогает ей. Он станет ей прекрасным опекуном. А мне надо строить свою жизнь. И я не знаю, что буду делать дальше с Николасом. Хоть и твержу постоянно ему — оставь меня в покое. Но я не хочу этого. Эти два дня были необходимы мне, чтобы обдумать всё. Простить отца, сказав ему эти слова на кладбище. Убрать чёрную одежду. Признаться себе, что мне нравится настойчивое появление Николаса. Но у меня нет повода, чтобы вдохнуть в себя воздух, когда он рядом и отдаться ему. Уже не желаю идти против своих желаний. Нужно двигаться дальше, планировать по факту свои действия, и принимать решения.

Улыбаюсь своему отражению, поправляя уложенные волосы волнами. Оглядываю фиолетовое платье в пол с глубоким вырезом, привлекающим внимание тем, что расшито камнями. Лёгкий макияж и капля духов на шее. Бежевые туфли для окончания образа, и клатч уже покоится в руке. Выключаю свет и выхожу из спальни, проверяя, всё ли я взяла. Оставляю верхнюю одежду, так и висящую на крючке в коридоре, выхожу из квартиры, закрывая дверь ключом.

Иду по коридору, подходя к лифту и на лице улыбка. Ловлю своё отражение в металлической двери лифта. Загадочное. Чувственное. Разрез на ноге открывает белоснежную кожу. Да, эта девушка сейчас выглядит прекрасно. И пусть никто не узнает, как бьётся быстро её сердце. Как подрагивают руки от возбуждения.

Выхожу из дома и, улыбаясь, подхожу к Марку в тёмном костюме.

— Мишель, ты восхитительна, — целует меня в щёку.

— Спасибо, ты тоже, — отвечая, сажусь в такси, которое везёт нас на открытие нового модного ресторана. Амалия начала претворять в жизнь свой план, и благодаря ей, сегодня я покажу все свои лучшие стороны. Не знаю, будет ли он там. Не знаю, встречу ли, я его. Но хочу, чтобы увидел, насколько я красива. Хочу, чтобы он увидел меня вот такой. Во всеоружии и при параде, а не в трауре и разбитую. Хочу.

Марк интересуется, как прошёл сегодняшней день. И я с радостью делюсь с ним новостями о своих съёмках, о том, как мне это нравится. Он улыбается, слушает меня и действительно слушает, что я говорю. Наслаждаюсь его внимательностью, наслаждаюсь, что я на первом месте. Вот, что мне необходимо. Чувствовать себя не лишней и навязчивой, а в компании. Мы подъезжаем к мигающему неоновым светом зданию. Выйдя из такси, вижу кучку людей с фотокамерами. И если раньше я от них бежала, то сейчас улыбаюсь им и даже принимаю от кого-то слова соболезнования. Это больше не дотрагивается до моего сердца. Я закрыла эту боль в себе. Приняла и отпустила.

— Да ты звездой так станешь! — Смеётся Марк, когда мы входим в ресторан,

наполненный множеством гостей.

— Почему бы и нет? — Пожимаю плечами, пока мы маневрируем среди людей, смеющихся и выпивающих.

Играет современная музыка, да и стиль заведения выполнен в модерне. Столики с диванчиками, приглушённый свет и переливающиеся стены в бежевых тонах. Новое место для модной тусовки золотой молодёжи. Знаю такие места, но они быстро теряют клиентов, если не имеют хоть какой-то изюминки. И здесь её не было. Своего рода звёзды, что тают со временем и тихо исчезают с небосвода.

Мы находим наш столик, за которым сидят Ллойды, общаясь с какой-то парой, Амалия и Сара о чём-то переговариваются. Только я не вижу Тейры. Неужели, осталась дома? Это на неё не похоже, она обожает такие мероприятия, хотя, возможно, возрастное ограничение здесь имеет место быть.

— Марк, Мишель, как мы рады видеть вас, — первым замечает нас Адам.

— Добрый вечер, — вежливо отвечаю я, кивая чете Ллойдов и незнакомой паре. — А где сестра?

— Занимается, — просто отвечает Адам. А я удивлённо приподнимаю брови.

— Действительно? — С сомнением спрашиваю я.

— Да, — и вижу в глазах нашего опекуна гордость. Она передаётся мне. Гордость за сестру, что тоже меняется. В лучшую сторону. В ту сторону, которая поможет ей в будущем.

— Миша, как хорошо, что ты пришла, — улыбается Сара, поднимаясь с диванчика. То же делает и Амалия. Не успеваю я ответить, как они подхватывают меня за локти, поднимая с места, и ведут куда-то.

— Девочки, — пытаюсь объяснить им, что это невежливо. Но они обе смотрят на меня таким взглядом, что лучше помолчать.

Мы идём сквозь толпу и оказываемся в другом зале, где свет ещё больше приглушён, а на сцене поёт какая-то группа.

— Что случилось? — спрашиваю я, когда мы останавливаемся.

— Красивое платье, — говорит Амалия.

— Спасибо.

— И причёска тоже, — поддакивает Сара.

— Девочки, спасибо, но что происходит? — Прищуриваясь, смотрю то на одну, то на вторую.

— Его здесь нет, — в один голос отвечают они.

— Ладно, тогда я вернусь в другой зал и буду делать то, за чем пришла. А именно развлекаться, — пожимаю плечами. И это закон подлости. Когда ты выглядишь выше всяких похвал, уверена в себе и готова бороться — ничего не произойдёт. А вот когда ты разбитая, подавленная и уставшая, он обязательно появится и ударит по самым больным точкам в твоём сердце.

— Наверное, в Оттаве, — продолжаю я.

— Нет. Он в городе, — качает головой Сара.

— Ты откуда знаешь? — Удивляюсь я.

— Ну, ты у нас работаешь, а мы нет. Поэтому вчера мы пошли в ресторанчик, в котором... в общем...

— «Aria», — закатывает глаза Амалия.

— Мы встретили там Райли. Помнишь его?

Киваю на вопрос Сары.

— Ну, он спросил, как ты, как твои дела, какие планы...

— И я сказала, что ты встречаешься с Марком. Всё у тебя хорошо, а Николас в прошлом.

Что достаёт тебя и уже неинтересен, — перебивает Амалия Сару.

— Что ты сказала? — Шепчу я.

— То она и сказала. А Райли ответил, что это хорошо. Потому что Николас тоже решил двигаться дальше, с новой девушкой. Мы уже уходили, а они должны были прийти. И Райли был с кем-то. У них типа двойного свидания. Я так поняла. Что-то ещё про Оттаву...

— Зачем ты это сказала? — Обрывая Сару, зло смотрю на Амалию.

— А пусть не думает...

— Чёрт! Я ценю вашу помощь. Но не надо за меня отвечать и придумывать это. Не надо лезть в мою жизнь, я сама могу решить, как мне поступать! Это моя жизнь, Амалия, не твоя. Это моя боль, и она другая. Не такая, как у тебя. Ты не имела права это говорить, — выплёскиваю из себя негодование. Сердце опускается вниз, потому что ложь. Все это ложь, и она мне не нужна. Я не хочу так жить больше.

— Но он должен...

— Он не должен ни тебе, ни тебе, — смотрю на обеих девушек, разрывая быстрым дыханием слова. — Оставьте в покое меня и его. Я ошиблась тогда. Мне не нужно видеть его на коленях. Я не хочу этого. Моя любовь к другому человеку. Сильному. Ломать его... да, он много боли причинил мне. И только я буду решать, что говорить, но не обманывать. Ложь, даже такая, убивает всё. Вы не имели права, вообще, придумывать эти отношения. Я сама выберу свой путь. Я очень ошиблась, сказав, что мне необходимо только слово. Нет, мне необходимо всё. Он. Полностью. Только для меня. Как вы могли? Как...

— Чёрт, я еле вас нашёл, — Марк появляется позади меня, останавливая мой поток обзлённой речи. И стоит невероятных усилий повернуться и улыбнуться, когда хочется снова остаться одной или закатить скандал. Неужели, правда, он ездил в Оттаву за кем-то? Неужели, так просто?

— Прости, девочки показывали мне ресторан, — лгу я и подхожу к Марку.

— Понятно. Пойдём ужинать. Я голодный, как собака, — предлагает мне руку, и я кладу свою на сгиб его локтя.

— Вы с нами? — Спрашивает он девочек.

— Эм... мы погуляем, — отвечает Ами, а я даже не поворачиваюсь. Пока не понимаю, как себя вести дальше. Что думать и чувствовать. Обида внутри собирается в комок и застревает в груди.

— Здесь интересное меню. Ужасное. Молекулярная кухня. Не наешься ей, — хмыкает Марк, пока мы идём обратно в зал с ещё большим количеством людей.

— Да, — бросаю я, даже не слушая, что он говорит. Чёрт, Николас был на свидании? Успел ли он сказать ей, кто он? Кто она? Нижняя или обычная девушка? Интерес ко мне пропал? Паника от этого не даёт думать в ином ключе. Почему же тогда так настойчиво преследовал меня? Или же его появление тем утром было последним, и он сдался? Вот так просто? Чёрт. А я надеялась... там... в сердце так верила в призрачную надежду, что вся его настойчивость от чувств.

Мы садимся за столик, который уже заставлен разными видами пищи, что здесь есть. Приходится улыбаться и кивать, а думать о своём. Приходится есть, и говорить, что это вкусно. Хотя не так. Мне сейчас так больно. Снова больно. Потухаю вновь, и вся моя

уверенность исчезает, как дым. Беру бокал вина и делаю глоток, ещё и ещё. Хоть бы унять это чувство внутри. Алкоголь не притупляет ничего, а наоборот, открывает больше. Не замечаю ничего, даже того, как девочки возвращаются и пытаются что-то мне сказать. Отодвигаюсь, смотря на бокал в моей руке.

— Мишель, пойдём, потанцуем, — предлагает Марк, указывая на другой зал.

— Прости, устала. Сара, не хочешь ты? — Смотрю на подругу, умоляя её взглядом занять Марка. Сейчас вижу в её взгляде жалость и печаль. Зла слишком на Амалию, что она сделала это.

— Да, конечно. Ты же не против? — Кивает быстро она, поднимаясь с места, и, не давая ему ответить, уже тащит его от столика. Не нахожу Ллойдов, только сейчас вспоминаю, что они решили уехать. Для них это мероприятие оказалось скучным. Никого нет за столиком, даже Амалия куда-то исчезает, так и не дозвавшись меня. Одна. Снова одна. Найти бы ещё бокал вина и, наверное, немного пройтись. Иначе взорвусь прямо здесь.

Поднимаюсь с места, встречая знакомых, перебрасываюсь с ними фразами. В основном об отце, принимаю слова соболезнования и благодарю за комплименты. Подхожу к барной стойке и делаю заказ, оформляя его на наш столик. Но мне сообщают, что сегодня всё бесплатно. Хоть какой-то плюс в закрытом мероприятии. Беру бокал с белым вином и прохожу в другой зал, прислоняясь к стене, смотрю на танцующие пары под кавер-версии мировых хитов. Вижу Амалию с Джексонем. Зачем это ей? Вспоминаю, что она иногда с ним встречается и сейчас выглядит очень счастливой. Как? Неужели, я буду такой? Зная о том, что она пережила, ещё больше дивлюсь, с какой страстью она отвечает на поцелуи Джексона. Почему ей не противно? Потому что потеряла всякую надежду, и хочет получить хоть от кого-то ласку? Я не хочу так. Это не для меня. Наши истории различны. Очень. И боль тоже другая.

Отталкиваюсь от стены, надо найти Марка и сказать, что уже ухожу. Не мой это праздник. Даже голова разболелась от раздумий и новостей. Делаю глоток из бокала, и верчу его в руке, всматриваясь в толпу людей, чтобы найти ребят. Но тут так много людей.

Неожиданно мою руку с бокалом обнимают горячие пальцы. Вздрагиваю и задерживаю дыхание. Сердце просыпается и пускается в пляс. Медленно поворачиваю голову. Глаза встречаются с его, невероятно блестящими в свете искусственных фонарей. Моя рука с бокалом движется, немного поднимается. Николас. Обхватывает губами стекло, делая глоток вина, не разрывая контакта со мной, не отводя взгляда. Сглатываю оттого, как чувственно кончик его языка облизывает губы, смоченные вином.

— Добрый вечер, Мишель. Хороший выбор, — низкий голос кажется единственным, что я слышу, все ещё не отойдя от неожиданной встречи и его появления. Да и алкоголь в крови затормаживает сознание. Все мысли вылетают из головы. Отпускает мою руку, что та чуть ли не падает. Успевает схватить бокал и нагнуться, чтобы опустить его на пол.

— Что ты здесь делаешь? — Прочищая горло, продолжаю с удивлением наблюдать за ним. Какой же он красивый. В чёрной рубашке, расстёгнутой на две пуговицы. Радость появляется внутри, что он тут. Это ведь не иллюзия? Не моё воображение? А он.

— Я там, где ты, — отвечает он, смотря в мои глаза. Делает шаг ко мне, не двигаюсь, насыщаюсь им.

— А как на это смотрит твоя девушка? — И всё же, слова подруг всплывают в голове, причиняя укол в сердце.

— Моя кто? — Издаёт смешок.

— Девушка. Райли сказал, что у тебя кто-то есть, и у вас было свидание. Так зачем ты здесь? — Облизываю губы и отвожу взгляд от веселья, полыхнувшего в глазах.

— Ах, это. Думаю, она не против, что я решил поздороваться с тобой, — его ответ переворачивает всё внутри. Причиняет неприятную тягу в сердце.

— Рада за тебя. Ты поздоровался, и теперь попросайся, — цежу я, разворачиваясь, не в силах больше испытывать гадкий треск надежд.

— Стой, — хватая меня за запястье. Надрывный вздох. Жмурюсь. Его ладонь проходит по моей талии, вызывая дрожание сердца внутри.

— Я один. Прости, но мне захотелось услышать ревность. Хоть что-то из прошлого от тебя, — шепчет он мне на ухо.

Щелчок, и злость за эту игру со мной обрывает всё внутри. Вырываясь из его рук, оборачиваюсь к нему.

— Скажи, как долго это будет продолжаться? Как долго ты будешь мучить меня? Тебе было, мало того, что ты сделал? — Зло шиплю я, подходя к нему и толкая в грудь.

— Потанцуй со мной, крошка, — хватая меня за руки, теснее прижимает к своему телу. Слышу, как бьётся быстро его сердце.

— Отпусти. Николас...

— Нет у меня никого. Я даже не знаю, с чего это Райли решил сказать именно так. Свидания — не моё. Чёрт, ты должна меня знать, Мишель. Ты была первой и последней. Мне никто не нужен, кроме тебя. Это достаточный аргумент, чтобы ты дала мне шанс, крошка? Это веская причина, чтобы ты прекратила бегать от меня и хотя бы немного смягчилась? — Хватает мои запястья одной рукой, а талию другой.

— Это ты что хочешь от меня? Что мне сделать, чтобы ты не сопротивлялась? Ответь мне, потому что я устал так жить. Бегать по всему городу, страдать от постоянной бессонницы, не иметь никаких желаний. Ты хочешь слышать, как я корю себя? Я это делаю. Каждый день и каждую секунду. Но я не могу изменить прошлого, чёрт возьми, — отпускает моё тело и обхватывает лицо горячими ладонями.

— Не могу я вернуть время. Если бы мог, то сделал это. Отдал бы всё, все эти бумажки за такую возможность, — шепчет он.

— Я... это сложно, Николас, — кладу руки на его и снимаю со своего лица, но не могу отпустить. Держу. Наслаждаюсь. Мазохистка. Мне так больно и хорошо.

— Знаю. Но дай...

— Ты стал чужим, Николас. Ты больше не тот, кого я знала. Да я и никогда тебя не знала. Ты играл со мной, признай, что играл. Тебе было интересно. Ты руководил мной. Ты ставил условия, и я выполняла их. Я приняла всё, чем ты кормил меня. Удары, этот клуб, твоё прошлое. Хоть раз за всё время ты думал, как я себя чувствую? Нет. Ты даже видеть этого не хочешь. А я каждую ночь ощущаю каждый удар, который ты нанёс тогда. Доверие... ты потерял его. Тебя нет рядом больше. Ты стал призраком, — по щеке скатывается слеза. Выпускаю его руки, отходя на шаг и смотря в его глаза. Холодные. Бесчувственные. Пустые.

— Ты хоть представляешь, каково это — ненавидеть себя за то, что помню не только плохое, а только хорошее? И ведь это не было хорошим. Твоя злость, ярость и я против этого. Я одна, а рядом никого. Ты отдал мне это, и теперь у тебя всё хорошо. А у меня будет. Я больше не знаю, кто я. Ты даже мою душу разорвал тогда. Ты всё убил во мне. Ты...

— Ты сказала, что любишь меня, — перебивает. Губы его трясутся, скорее всего, оттого, что это идёт не по его сценарию. Контролирует всё, но я больше не в его власти.

— Любила. Но не тебя. Любила того, кого выдумала. Ты никогда не был им. И даже сейчас не изменишься. Одной любви мало, чтобы простить. Одной любви к призраку слишком мало, чтобы вновь вернуться в ад, который символизируешь ты. Только зачем я нужна тебе? Зачем ты хочешь издеваться надо мной дальше? Ты хочешь услышать снова эти слова? Потешить своё самолюбие? Это только слова, но даже их у меня нет. Что ты хочешь? — Смотрю на него, а внутри меня кипит боль и злость, что даже сейчас, даже в эти секунды, когда мне требуется хоть какая-то причина смотреть на него иначе, он не дарит её мне. Делает шаг, а затем обратно.

— Прости, Мишель. Прости за то, что так глух был к твоим словам. Ты права, я не заслужил ничего, кроме вины. Мне плохо без тебя. Я не знаю, как сказать иначе. Мне плохо. Так я себя никогда не чувствовал. Никогда, — всё же делает шаг, резко обнимая меня. Закрываю глаза всхлипывая.

— Хорошо, если тебе будет легче, я оставлю тебя. Но знай, что надежды на твоё прощение не потеряю. Ты говорила, помнишь? — Шепчет он, крепче обнимая меня. — Ты говорила, что я не могу простить своего отца. И я уверял тебя, что это не прощается. Теперь я понимаю. Полностью понимаю. Только он мёртв, а я жив. Оболочка. И ничего больше не осталось от меня. Ты была права, во всём и всегда. Ты стала для меня созвездием, которое теперь недосыгаемо. Прости меня, прошу тебя, прости. Но попыток я не оставлю.

— Николас, пожалуйста, хватит, — надрывисто произношу я, пытаюсь оттолкнуть. И, наверное, всем вокруг кажется, что мы танцуем. О да, танец разрушенного и супер разорванного сердца.

— Я хочу, чтобы ты услышала меня. Услышь меня, потому что мне нет нужды напоминать, что было тогда. Я помню всё, каждый удар и твой крик. Помню слова и чувство пустоты. Я подлец, но не играл с тобой. Возможно, в самом начале мне было интересно, и азарт гулял по моим венам. А потом ты забралась в них, крошка. Ты забралась в каждую частичку моего тела, и я чувствую твою боль. Хочу помочь, хочу быть рядом. Хочу быть обычным для тебя. Я хочу жить для тебя. Прости меня за это. Я... — замолкает. Тело его напрягается, и ощущаю поцелуй в волосы, а потом холод.

Втягиваю воздух в себя шумно, чуть ли не падаю без поддержки. Моргаю, а слёзы текут из глаз. Ушёл. Снова ворвался в меня и оставил. Хочется кричать, хочется бежать за ним и требовать. Я слышала его. Не нужно именно слово «люблю», его можно сказать иначе. Но я слышала в его дрожащем шёпоте страх и боль, слышала отголосок чувств ко мне. Но он сбежал. Сбежал от этого. Снова испугался и оставил меня ни с чем. На распутье. Как всегда. Вот это больше всего ранит, что трус. Трусит перед своим же сердцем. Трусит перед любовью. Как так-то? Я знаю его внутреннюю силу, знаю каким он может быть, знаю, чего добился. А в любви... слаб. Слишком слаб, чтобы бороться тем способом, который будет верным и откроет дверь в новую жизнь.

[Купить полную версию книги](#)

Центральная часть города, где расположены главным образом деловые объекты города: офисы, банки, театры и другие развлекательные учреждения и т. д.

Гольф-клуб